

ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВО И ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

МОНОГРАФИЯ

Ответственный редактор

доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Ю.А. Тихомиров

Электронные версии книг на сайте

www.prospekt.org

•ПРОСПЕКТ•

Москва
2025

Одобрено секцией публичного права ученого совета Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Рецензенты:

Козлова Н. В., доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Чеховская С. А., кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

П68 Право и виртуальное пространство : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. — Москва : Проспект, 2025. — 176 с.

ISBN 978-5-392-37218-8

Виртуальность стала неотъемлемой частью общества и государства. Все больше частных и публичных правоотношений возникают, функционируют и развиваются в этом условном мире либо с его использованием.

Освоение правом виртуального пространства продолжается. В сферу регулирующего воздействия попадают новые виды субъектов социального взаимодействия, возникают специальные механизмы правового регулирования и правовые режимы различных технологических объектов. Это обусловлено высокой динамикой развития технологий и постоянным поиском подходов к созданию новых целевых регуляторных моделей.

В продолжение цикла работ Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, посвященных изучению пространственных аспектов действия права, проведено научное исследование конвергенции правового и виртуального пространства, выявлены правовые характеристики последнего, определена специфика правового статуса субъектов в виртуальной среде. Формируется представление о юридической природе информационных технологий и нетипичных объектов правового воздействия, рассматривается трансформация отраслевого регулирования в условиях цифровизации.

Законодательство приведено по состоянию на 1 декабря 2024 г.

Для широкого круга специалистов в области права — ученых и практиков, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

УДК 34:004
ББК 67:32.81

Научное издание

ТИХОМИРОВ Юрий Александрович и др.

ПРАВО И ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Монография

Подписано в печать 10.12.2024. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Печ. л. 11,0. Тираж 1000 (1-й завод 100) экз.

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

© Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации, 2024

© Оформление. ООО «Проспект», 2024

ISBN 978-5-392-37218-8

THE INSTITUTE OF LEGISLATION AND COMPARATIVE LAW
UNDER THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

LAW AND VIRTUAL SPACE

MONOGRAPH

Ответственный редактор

Doctor of Law,
Honored Scientist
of the Russian Federation

Ю.А. Тихомиров

• PROSPEKT •

Moscow
2025

Approved by the Public Law Section of the Scientific Council of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Reviewers:

Kozlova N. V., Doctor of Law, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University;

Chekhovskaya S. A., Candidate of Law, Leading Researcher of the Center of Private Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Law and Virtual Space : Monograph / ex. ed. Yu. A. Tikhomirov. — Moscow : Prospekt, 2025. — 176 p.

ISBN 978-5-392-37218-8

Virtuality has become an integral part of society and the state. More and more private and public legal relations arise, function and develop in this conventional world or using it.

The development of the right virtual space continues. New types of subjects of social interaction fall into the sphere of regulatory influence, special mechanisms of legal regulation and legal regimes of various technological objects arise. This is due to the high dynamics of technology development and the constant search for approaches to the creation of new targeted regulatory models.

In continuation of the cycle of of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation works devoted to the study of spatial aspects of the operation of law, a scientific study of the convergence of legal and virtual space was conducted, the legal characteristics of the latter were identified, the specifics of the legal status of subjects in the virtual environment were determined. An idea of the legal nature of information technologies and atypical objects of legal influence is being formed, and the transformation of industry regulation in the context of digitalization is being considered.

Legislation is current as of December 1, 2024.

For a wide range of specialists in the field of law – scientists and practitioners, teachers, graduate students and law students.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Тихомиров Ю.А., заместитель заведующего центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — ИЖиСП), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Международной академии сравнительного права (предисловие, заключение), ответственный редактор

Журавлева О.О., ведущий научный сотрудник отдела финансово-логового и бюджетного законодательства ИЖиСП, кандидат юридических наук (§ 4 гл. I, § 1 гл. V)

Кабытов П.П., старший научный сотрудник, и.о. заведующего лабораторией правового регулирования информационных технологий и защиты информации ИЖиСП, кандидат юридических наук (§ 2 гл. I, § 1 гл. III)

Мощная О.В., ведущий научный сотрудник отдела законодательства о труде и социальном обеспечении ИЖиСП, кандидат юридических наук (§ 2 гл. V)

Назаров Н.А., младший научный сотрудник лаборатории правового регулирования информационных технологий и защиты информации ИЖиСП (§ 3 гл. II)

Васильева Л.Н., ведущий научный сотрудник отдела конституционного права ИЖиСП, доцент кафедры правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова), кандидат юридических наук (§ 2 гл. III)

Савченко Е.А., научный сотрудник отдела социального законодательства ИЖиСП, кандидат юридических наук (§ 3 гл. I, § 1 гл. II, § 3 гл. V)

Синицын С.А., заместитель директора ИЖиСП, главный научный сотрудник центра частного права ИЖиСП, доктор юридических наук, профессор РАН (§ 1 гл. I)

Степанов О.А., главный научный сотрудник центра судебного права ИЖиСП, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук (гл. IV)

Терещенко Л.К., главный научный сотрудник лаборатории правового регулирования информационных технологий и защиты информации ИЖиСП, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (§ 2 гл. II, § 4 гл. V)

AUTHORS

Tikhomirov Yu.A., Deputy Head of the Center for Public Law Studies at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (ILCL), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the International Academy of Comparative Law (preface, conclusion), responsible editor

Zhuravleva O.O., Leading Researcher at the Department of Financial, Tax and Budgetary Legislation of ILCL, Candidate of Legal Science (§ 4 ch. I, § 1 ch. V)

Kabytov P.P., Senior Researcher, the Head of the Laboratory of Legal Regulation of Information Technologies and Information Protection of ILCL, Candidate of Legal Science (§ 2 ch. I, § 1 ch. III)

Motsnaya O.V., Leading Researcher at the Department of Labor and Social Security Legislation of ILCL, Candidate of Legal Science (§ 2 ch. V)

Nazarov N.A., Junior Researcher at the Laboratory of Legal Regulation of Information Technologies and Information Protection of ILCL (§ 3 ch. II)

Vasilyeva L.N., Leading Researcher at the Department of Constitutional Law of ILCL, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Higher School of Public Audit (Faculty of Lomonosov Moscow State University), Candidate of Legal Science (§ 2 ch. III)

Savchenko E.A., Researcher at the Department of Social Legislation of ILCL, Candidate of Legal Science (§ 3 ch. I, § 1 ch. II, § 3 ch. V)

Sinitsyn S.A., Deputy Director of ILCL, Chief Researcher of the Center for Private Law of ILCL, Doctor of Law, Professor of the Russian Academy of Sciences (§ 1 ch. I)

Stepanov O.A., Chief Researcher of the Center of Judicial Law of ILCL, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (ch. IV)

Tereshchenko L.K., Chief Researcher at the Laboratory of Legal Regulation of Information Technologies and Information Protection of ILCL, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (§ 2 ch. II, § 4 ch. V)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	13
Глава I	
ПРАВОВОЕ ОСВОЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	16
§ 1. Правовое и виртуальное пространство. Трансграничность.....	16
§ 2. Нормативные характеристики виртуального пространства: новые правоотношения и регуляторы (императивы, альтернативы и саморегулирование).....	21
§ 3. Этапы формирования системы правового регулирования виртуального пространства	31
§ 4. Гибкие «цепи» национальных и международных регуляторов	43
Глава II	
ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	54
§ 1. Правовая природа информационных технологий: порядок создания, функционирование, правовые режимы	54
§ 2. Цифровые платформы в российском праве	62
§ 3. Юридическая природа искусственных устройств (роботы, интернет-вещи, 3D-принтеры, беспилотники и т.п.)	71
Глава III	
СУБЪЕКТЫ ПРАВА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	84
§ 1. Органы публичной власти и бизнес-структуры в виртуальном пространстве	84
§ 2. Гражданин и его правоспособность в виртуальном пространстве	91
Глава IV	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ	106
§ 1. Правосознание и новые правовые образы, связанные с виртуальным пространством	106
§ 2. Основания и формы ответственности за противоправные (вредоносные) действия в виртуальном пространстве	118

Глава V

ОЦЕНКА ПРАВОВОГО ОПЫТА ЦИФРОВИЗАЦИИ В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ	126
§ 1. Изменение способов регулирования бюджетных и налоговых отношений	126
§ 2. Трудовые отношения в фокусе цифровизации	137
§ 3. Правовое регулирование использования информационных технологий в области культуры и образования.....	152
§ 4. Цифровые риски и права человека	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174

CONTENTS

PREFACE	13
Chapter I	
LEGAL DEVELOPMENT OF THE VIRTUAL SPACES	16
§ 1. Legal and virtual space. Borderline.....	16
§ 2. Normative characteristics of the virtual space: new legal relations and regulators (imperatives, alternatives and self-regulation).....	21
§ 3. Stages of formation of the system of legal regulation of virtual space	31
§ 4. Flexible “chains” of national and international regulators	43
Chapter II	
BASIC TOOLS DIGITALIZATION: INFORMATION TECHNOLOGIES	54
§ 1. Legal nature of Information technology: the order of creation, functioning, legal regimes.....	54
§ 2. Digital platforms in Russian law.....	62
§ 3. The legal nature of artificial devices (robots, Internet things, 3D printers, drones, etc.).....	71
Chapter III	
SUBJECTS OF LAW IN THE VIRTUAL SPACE	84
§ 1. Public authorities and business structures in the virtual space.....	84
§ 2. A citizen and his legal capacity in the virtual space.....	91
Chapter IV	
CURRENT PROBLEMS OF LEGALITY	106
§ 1. Legal awareness and new legal images associated with virtual space	106
§ 2. Grounds and forms of responsibility for illegal (malicious) actions in the virtual space.....	118

Contents

Chapter V

ASSESSMENT OF THE LEGAL EXPERIENCE OF DIGITALIZATION IN CERTAIN AREAS	126
§ 1. Changing the ways of regulating budgetary and tax relations	126
§ 2. Labor relations in the focus of digitalization	137
§ 3. Legal regulation of the use of information technologies in the field of culture and education.....	152
§ 4. Digital risks and human rights	163
CONCLUSION	174

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отечественная и зарубежная доктрины с конца 90-х гг. XX в. предпринимая активные попытки дать целостную нормативную характеристику виртуального пространства, процесс доктринального освоения которого носит итерационный характер, что обусловлено высокой динамикой развития информационно-коммуникационных технологий, компьютерной техники, а также социальных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся по поводу их использования. В таких условиях оправдано еще раз обратиться к осмыслению феномена виртуального пространства с точки зрения его нормативной характеристики.

Вопросы соотношения виртуального и правового пространства, специфики креативных регуляторов в нем находятся в постоянном фокусе внимания ученых ИЗИСП¹. Правовое пространство получило системные характеристики в целом и применительно к разным сферам общества, особенно к динамике статуса человека и гражданина. Этому послужило освещение вопросов развития свобод человека в бизнесе, в сферах образования, науки и культуры, в социальных сетях, виртуальном пространстве. Шагом вперед стала также XII Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Композиция правового пространства: динамика обновления», состоявшаяся в мае 2017 г. Были обсуждены: вопросы о новых горизонтах правового регулирования и правовых границах; виртуальные валюты как пример инноваций; правовое пространство в сфере экономических отношений; «кочующие» правовые семьи; право на свободу передвижения.

В ходе исследований можно было убедиться в различном объеме правовых пространств, поскольку в мире существуют пространства

¹ См.: Правовое пространство и человек: монография / Н.В. Власова, С.А. Грачева, М.А. Мещерякова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012; Тихомиров Ю.А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 4–17; Тихомиров Ю.А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. Т. 27. № 3. 2024.

«доправовые» и «внеправовые», недоступные для правового регулирования. И напомнить о забытой теме — месте права среди других социальных норм. Ведь очевидна потребность регулирования внутри сферы государства и в международных отношениях. Наряду с правом действуют: во-первых, политические нормы; во-вторых, нравственные; в-третьих, религиозные; в-четвертых, нормы самоуправления; в-пятых, технические нормы; в-шестых, нормы самообязательства. Все нормы так или иначе регулируют земное, воздушное, морское и космическое пространства, а также невидимые явления Вселенной. Право вступает в разные отношения с другими нормами — оно их признает, допускает, использует, запрещает, взаимодействует с ними, противодействует им, и эту динамику нужно исследовать.

Виртуальное пространство представляет собой обозримую и вообразимую часть географического поля, доступную правовому освоению и регулированию. Виртуальное пространство связано с правовым пространством и отражает регулирование не только в рамках государственной территории, но и за ее пределами.

Исследование космоса позволяет выделить для изучения темы «Право виртуального пространства» следующие источники: конституционные и иные нормы национального законодательства; международные регуляторы — конвенции, декларации, модельные акты, стандарты, регламенты; нормы саморегулирования бизнес-структур, научных организаций, отраслевых профессиональных ассоциаций и т.п.; технологические императивы — признанные, согласованные или де-факто.

Виртуальное пространство предполагает формирование комплексного нормативного массива, состоящего из правовых норм, этических норм и технических регуляторов.

Проведение цифровизации расширяет границы и объем правового регулирования внутри и вне государства. Это позволяет вести речь о формировании такой отрасли права, как виртуальное. Оно имеет комплексный характер, включая регуляторы возможных ситуаций.

Предстоит определить возможность использования как традиционных понятий юридической науки и практики (правосубъектность, юридическая сила и др.), так и новых понятий и терминов — «зоны регулируемой ответственности субъектов»; «зоны согласованной деятельности» и др.

Необходимо установить способы предотвращения и исправления ошибок в виртуальном пространстве, преодоления рисков, процедуры рассмотрения юридических споров.

Опыт показывает, что виртуальное пространство допускает использование государственного и международного регулирования, саморегулирования. Не исключены случаи злоупотребления и нарушения суверенных прав, интересов государств. Следует определить характер и причины неправомерных действий.

На повестке дня — модернизация системы подготовки и повышения квалификации кадров, действующих в условиях виртуального пространства. Это предполагает введение новых учебных курсов и изменение некоторых действующих, проведение экспериментов, подготовку методик, пособий и монографий.

Необходимо четче устанавливать статусы и компетенции субъектов права в виртуальном пространстве. Имеются в виду легальные действия не только публичных органов, научных организаций и бизнес-структур, но и таких искусственных устройств, как роботы, информационные платформы и технологии.

В настоящей работе представлены результаты научного исследования конвергенции правового и виртуального пространства. Представителями различных отраслей отечественной науки права исследовались вопросы его трансграничности, давалась нормативная характеристика виртуального пространства, систематизировались этапы формирования системы его правового регулирования, выявлялась связь национальных и международных регуляторов, исследовалась правовая природа цифровых, информационных технологий и нетипичных объектов правового регулирования, описывался правовой статус субъектов права в виртуальном пространстве, анализировались актуальные проблемы законности в нем, проводилась оценка правового опыта цифровизации в отдельных сферах жизнедеятельности общества и функционирования права.

Глава I

ПРАВОВОЕ ОСВОЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

§ 1. ПРАВОВОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО. ТРАНСГРАНИЧНОСТЬ

Правовое и виртуальное пространство не могут быть поняты в своем противопоставлении, как и быть предъявленными в науке, в правоприменительной практике в качестве альтернативы, самодостаточных явлений, заката и рассвета или смены фаз развития права¹. Обозначенный ракурс представления этой проблематики был выбран изначально намеренно для привлечения большего внимания читателя к важности разрешаемых проблем.

Применительно к цифровой среде обоснованно говорить о новых свойствах или облике социальной среды и возможностях самовыражения человека при использовании новейших технологий и средств медиакоммуникаций, причем это может быть связано как с позитивными, так и с негативными эффектами для жизни общества и каждого его члена. Этим объяснима необходимость правового регулирования новых объектов прав и сегментов социально-экономических отношений, ранее не существовавших. Цифровое пространство не может быть позиционировано как параллельный мир или реальность, оно выступает в качестве новых возможностей и средств человеческих коммуникаций. По этой причине нельзя согласиться с делением правового пространства на виртуальное и реальное с вынесением цифрового субстрата за пределы регулируемых правом общественных отношений. Опасно и едва ли обоснованно раздельное представление правовых гарантий и обеспечения прав личности в виртуальном и реальном пространстве, особенно когда делаются категоричные, но при этом витиеватые и беспочвенные утверждения: «проблема «общепризнанного» применительно к правовому положению личности получает собственное

¹ См.: Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. М., 2021.

измерение в цифровом мире — при принятии ее естественным в технологическом контексте пространством, обладающим эффектом универсализации положения лиц — участников цифровых коммуникаций»¹. Принципиальное несогласие вызывает искусственное ограничение сферы действия прав человека в представлении некоего «современного «виртуального» ракурса права»².

Для обеспечения гарантий безопасности человека в виртуальном пространстве прежде всего требуются ясные и адекватные правила правового регулирования и адаптированные общеобязательные нормы права, которые не ограничены скрытым потенциалом мягкого права и саморегулирования, каркас которых в действительности определяется в одностороннем порядке технологически сильной стороной именно в интересах последней. Направляющий вектор развития права должен быть ориентирован на защиту прав человека, обеспечение справедливого баланса законных интересов субъектов, действующих и использующих электронно-цифровые коммуникации.

Можно отметить такие побочные эффекты цифровой среды, как тотальный контроль над личностью и трудноконтролируемое вмешательство во все сферы ее жизни. Правовые системы современности не выработали решения этой глобальной проблемы, оставляя либо правовую неопределенность, либо фрагментарные и по большей части недостаточные решения.

Бурное нелинейное развитие цифровых технологий поставило новые задачи перед правовым регулированием. От политики права требуется выработка иерархии ценностей и приоритетов в установлении баланса интересов общества, бизнеса, государства, конкретного человека при внедрении и расширении сфер использования цифровых технологий. Следует подтвердить правильность сохранения концепта технологической нейтральности права при условии, что его генеральными задачами остаются всемерное предупреждение, пресечение любых форм дискриминаций и манипуляций в цифровом обществе с единовременным обеспечением технической возможности идентификации правонарушителя, предупреждения и пресечения правонарушений. Обеспечение интересов человека и неприкосновенности его частной жизни в цифровом пространстве должно считаться основным технологическим императивом современного права как по состоянию на текущий момент, так и в пер-

¹ Основные тенденции в правовом регулировании цифровых технологий: сравнительно-правовое исследование. М., 2022. С. 18, 34–35 (авторы — С.А. Грачева, М.Е. Черемисинова).

² Там же.

спективе развития технологий. Виртуальное пространство не образует зоны саморегулирования и самоопределения, предела действия общеобязательных правовых предписаний, а представляет только дополнительные возможности для социальных коммуникаций, оставаясь в сфере общественных отношений, требующих актуализации правового регулирования. Мощь инструментов правового регулирования и сила общеобязательного действия права будут только возрастать по мере обнаружения однонаправленности мягкого права цифровых платформ, которое в действительности может только дополнять, но не быть альтернативой нормам права. Если в отношении анонимизации обрабатываемой информации в законодательстве начинают развиваться общеобязательные требования и правила, то, что касается массовой координации сознания цифровой средой и запретов использования отдельных технологий нейровоздействия и ответственности, четкий порядок и нормы в международном и национальном праве не установлены. На современном этапе постулируется включение персональных данных в современный оборот, но этому не предшествуют подробный анализ возможности их характеристики как товара в правовом и экономическом смысле и связанные с этим глобальные риски. При отсутствии разработки и действия адекватных механизмов охраны и защиты личных прав и возрастающем контроле и координации поведения личности в виртуальном пространстве появляются достаточные основания для расширения международно-правового понимания рабства и подневольного состояния человека, что одинаково важно для развития как международного, так и национального права¹.

Право должно учитывать также влияние виртуального пространства и новейших цифровых технологий не только на жизнь конкретного человека, но и на общество в целом как социальный организм. В цифровом обществе меняется структура социальных связей, типы коммуникаций, инструменты осуществления власти и принуждения, что в целом позволяет говорить о сетевом эффекте его развития как о новом проявлении и этапе совершенствования человечества, отраженном в данности и логике технологического общественного прогресса.

Не является обоснованным представление виртуального пространства как открытой и неконтролируемой правом реальности. Оно не представляется неюрисдикционной зоной, резиденты госу-

¹ См.: Синецын С.А. Личные неимущественные права и безопасность человека в виртуальном пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения 2023. Т. 19. № 1. С. 13–24.

дарств во множестве и вариативности своих цифровых коммуникаций никоим образом не теряют связи с государствами и правовыми системами, не оказываясь в состоянии правового вакуума или в зоне всеобщего дозволения. Насущной проблемой является правовое обеспечение цифровой юрисдикции, границ суверенитета государств, резиденты которых действуют в цифровом пространстве¹. Это актуальная проблема и вызов, стоящий перед современным публичным правом.

Необходимость правового регулирования виртуальной реальности ставит новые задачи перед международным частным правом. С развитием и внедрением новых технологий в экономику международное частное право не утрачивает своей главной цели — определить локализацию (местопребывание) правоотношения, обуславливая актуализацию инструментов коллизионного регулирования. Интернет — это глобальная сеть и технически спроектированная реальность, а не независимый порядок, обладающий собственной юрисдикцией (*to prescribe, to adjudicate*). Местонахождение и активация серверов, географическая связанность домена, создание и использование цифрового кода могут рассматриваться в числе возможных юрисдикционных критериев идентификации. Эти же критерии могут быть использованы для определения коллизионных привязок. В зарубежном праве названа главная проблема — оптимизация концепции локализации гражданских правоотношений в трансграничной сети «Интернет» — нематериальность и открытость трансграничности². Здесь же утверждается, что исходные принципы местонахождения и близости могут быть адаптированы и с успехом применены к новым формам гражданских правоотношений в сети «Интернет», например за счет установления связи с государством — местом онлайн-активности.

В целом обеспечение правовой определенности, соблюдения единых принципов законности во всех сферах традиционной и цифровой экономики, кибербезопасности актуализирует задачу поиска новых адаптированных инструментов определения права, подлежащего применению к отношениям с участием лиц и технологий различной государственной принадлежности в сети «Интернет».

Специфика регулируемых правоотношений очевидна, поскольку используемые технологии цифровых коммуникаций экономиче-

¹ См.: Степанов П.В. Подходы к пониманию цифрового суверенитета России // Журнал российского права. 2024. № 4.

² См.: Hage Y.E. *Le Droit International Privé À L'Épreuve de L'Internet*. Paris, 2022. P. 593.

ских субъектов ограничивают возможности использования классических коллизионных привязок, что само по себе ставит вопрос об их достаточности и содержательном соответствии потребностям международного коммерческого оборота. Сама же гипотетическая возможность оставления этой сферы без специального регулирования или же ее отнесения к *lex mercatoria*, диктуемая интересами цифровых платформ, ведет к параллельной реальности (зон суверенитета и юрисдикции сети, суррогата права), формируемой по принципу саморегулирования цифровыми платформами, претендующими на правовую монополию разработки общеобязательных правил поведения участников цифровых коммуникаций, заменяющих собой нормы национального права. В результате развития такого сценария регулируемых отношений под угрозой окажутся интересы не только частных лиц, но и публичные — государств, претендующих на обеспечение правосудия и гарантий соблюдения закона и в отношении своих резидентов.

Обеспечение определенности юрисдикции как условие верховенства права, соблюдения законности, недопустимости, предупреждения и пресечения любых форм правонарушений в экономической сфере киберпространства — общая задача для международного публичного и частного права. Юрисдикция и формы правового обеспечения законности не исчезают, а получают новые формы выражения в киберпространстве, и именно это должно являться сигналом и направлением развития правового регулирования¹.

При оценке возможности принуждения и манипулирования поведением участников цифровых коммуникаций не выглядит реалистичным утверждение о торжестве автономии воли, становится очевидной необходимость разработки специальных правил коллизионного регулирования, адаптированных к новой реальности. Представляются совершенно безосновательными утверждения об устаревании, исчерпании методов международного частного права применительно к виртуальному пространству. Вопреки мнению современных российских авторов цифровой гражданский оборот ставит вопрос об актуализации регулирования и никак не обосновывает «рассеивания коллизии права», преобразования метода современного международного частного права и т.д.² Безрассудно без-

¹ См.: Tsagourias N. The Rule of Law in Cyberspace: A Hybrid and Networked Concept? // *ZaöRV* 2020. Vol. 80. S. 451.

² См.: Мажорина М.В. Сетевая методология международного частного права в условиях гетерархичности нормативных систем // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина*. 2019. № 10. С. 39–46.

оговорочное отнесение всех возникающих отношений в сфере цифрового товарообмена к царству и безраздельному господству автономии воли, мягкого права: по мере переноса деловой активности в виртуальное пространство конфликт и интересы юрисдикций будут только возрастать.

Право цифровых платформ нуждается в независимом коллизионном регулировании и формировании самостоятельных конструкций. Здесь возможны как внутренние отношения между пользователями, так и их отношения с платформой — все они находятся в предмете как гражданско-правового, так и коллизионного регулирования, требуя индивидуальных решений.

Особенно явственно в установлении новых критериев и определителей применимого права нуждается сфера использования новых технологий блокчейн. Современными авторами уже предложены увязанные с этой спецификой особенности разрешения коллизионной проблемы¹. Неразрешимость коллизионного регулирования блокчейна обусловлена только отсутствием централизованного управления². Неопределенность правового регулирования криптовалюты и непригодность вещного статута не могут обосновать господства автономии воли, как то предлагается в юридической литературе³. Требуется разработка нового регулирования и предшествующие этому научно-практические исследования.

§ 2. НОРМАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: НОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ И РЕГУЛЯТОРЫ (ИМПЕРАТИВЫ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ)

Категория «виртуальное пространство» имманентно связана с информационно-коммуникационными технологиями, компьютерной техникой, а также социальными отношениями, возникающими, изменяющимися и прекращающимися по поводу их использо-

¹ См.: Drögemüller J. Blockchain-Netzwerke und Krypto-Token im Internationalen Privatrecht. Baden-Baden, 2023. S. 32.

² См.: Aigner M. Das internationale Privatrecht und die Blockchain — ein unlösbarer gordischer Knoten? // Zeitschrift für Europarecht, Internationales Privatrecht und Rechtsvergleichung. 2020. Heft 5. S. 211.

³ См.: Takahashi K. Law applicable to proprietary issues of crypto-assets // Journal of Private International Law. 2022. Vol. 18. Iss. 3. P. 19.

вания, в той или иной степени нередко характеризуется через их совокупность и взаимосвязанность¹. Здесь следует отметить, что термин «виртуальное пространство» не является устоявшимся в праве, а тем более в законодательстве², хотя его идентификации посвящено значительное число исследований. Наряду с термином «виртуальное пространство» в науке используются термины «киберпространство»³, «интернет-пространство»⁴, «кибернетическое пространство»⁵. Несмотря на этимологические различия, указанные термины призваны описать один и тот же феномен социальной действительности: некую среду (сферу/область/пространство), сформировавшуюся в результате развития компьютерных технологий, сети «Интернет» и иных информационно-коммуникационных технологий, являющихся особым местом социального взаимодействия, в ходе которого формируются общественные отношения.

Термин «виртуальное пространство» носит метафоричный характер, поскольку он не укладывается в общеупотребимую в праве концепцию пространства как места (космическое, воздушное и др.). В доктрине права было сформировано несколько концепций относительно соотношения виртуального и реального пространства. Правовые теории виртуального пространства традиционно классифицируются в соответствии с их суждениями относительно того, отличается ли виртуальное пространство от реального, является ли оно традиционным объектом правового регулирования или в силу своей специфики предполагает использование особых способов регулирующего воздействия.

На начальном этапе исследований виртуальное пространство характеризовалось киберэнтузиастами как самостоятельное про-

¹ См.: Канина Ю.С. Теоретико-правовое содержание и некоторые проблемы правового регулирования виртуального пространства // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 130–133.

² Использование данного термина в нормативных правовых актах скорее исключение. См., например: Распоряжение Минпросвещения России от 28 декабря 2020 г. № Р-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях» (вместе с Системой функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях: методические рекомендации).

³ См.: Ефимова Л.Г. Источники правового регулирования общественных отношений в киберпространстве // Lex russica. 2020. № 3. С. 114–120.

⁴ См.: Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2009.

⁵ См.: Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

странство (наряду с привычными для нас космическим, водным, земным, воздушным), которое в силу своей специфики находится вне юрисдикции органов публичной власти, а сложившиеся правовые концепции к нему неприменимы¹.

Между тем и в дальнейшем научном дискурсе, и в законодательской практике большинства государств мира виртуальное пространство рассматривалось хотя и специфической сферой регулирования, но все же частью обычного пространства, в котором осуществляется жизнедеятельность общества, формируются общественные связи².

Правовые теории идентификации киберпространства многочисленны и продолжают формироваться. Например, в отечественной науке довольно удачное определение рассматриваемого феномена дал И.М. Рассолов, который с точки зрения теории права и информационного права характеризует кибернетическое пространство как:

- глобальное объединение компьютерных сетей и информационных ресурсов, не имеющих четко определенного собственника и служащих для интерактивного соединения (коммуникации) физических и юридических лиц;
- новое пространство человеческого самовыражения и общения;
- международное пространство, пересекающее любые границы;
- децентрализованное пространство, которым никакой оператор, никакое государство полностью не владеет и не управляет;
- разнородное (гетерогенное) пространство, где каждый может свободно действовать, высказываться и работать (говоря образным языком — пространство «разума и свободы»)³.

Несмотря на продуктивность и научную значимость разработки правовых концепций виртуального пространства, направленных на выявление его соотношения с реальным пространством, такой вектор научных изысканий во многом смещает фокус научных исследований с ключевых научно-практических вопросов, связанных с эволюцией общественных отношений и права в условиях развития компьютерных технологий, сети «Интернет» и иных информационно-коммуникационных технологий.

¹ См.: Barlow, John Perry. A Declaration of the Independence of Cyberspace (1996). URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence>

² См.: Julie E. Cohen Cyberspace as/and Space // Columbia Law Review Vol. 107, No. 1 (Jan., 2007), pp. 210–256.

³ См.: Рассолов И.М. Указ. соч. С. 7.

Исследователи в области информационных технологий и цифровой экономики справедливо констатируют слияние виртуального и реального пространства, наличие между ними неразрывной связи, формирование «гибридного мира»¹.

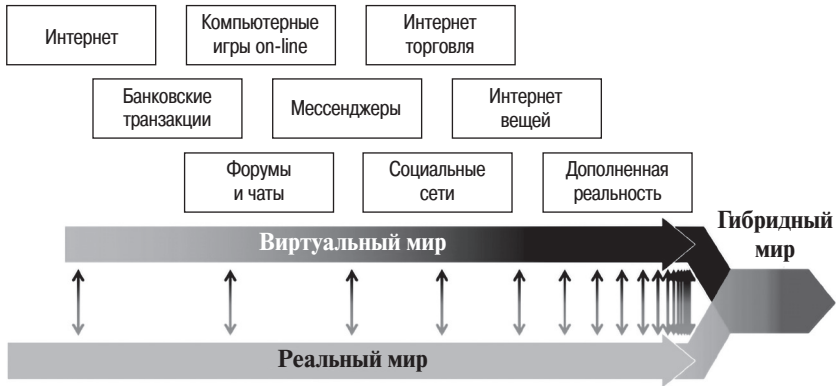

Схема. Сопряжение виртуального и гибридного мира².

Практически любая деятельность субъектов права в сети «Интернет» так или иначе порождает правовые последствия в реальном мире, оказывает воздействие на жизнедеятельность общества в целом и других субъектов права в частности, и, напротив, действия пользователя в реальном мире получают отражение, свой «слепок» в виртуальном пространстве.

По мере развития компьютерных технологий, сети «Интернет» и иных информационно-коммуникационных технологий формировались и продолжают формироваться все новые группы весьма специфических общественных отношений, одновременно происходит существенная трансформация и видоизменение уже существующих.

По своей природе значительная часть вновь возникающих в виртуальном пространстве отношений относится к информационным, т.е. возникающим при поиске, получении, передаче, сборе, обработке, накоплении, хранении, распространении и (или) предоставлении информации, пользовании информацией, защите информации, а также при применении информационных технологий.

¹ См.: Введение в «цифровую» экономику / А.В. Кешелава, В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А.В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А. Зимненко. ВНИИГеосистем, 2017. (На пороге «цифрового будущего». Книга первая).

² Там же. С. 5.

Примеры таких отношений многочисленны, это отношения, возникающие при:

- обработке персональных данных в виртуальном пространстве;
- осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц;
- использовании электронных подписей;
- создании, развитии и использовании информационных систем;
- обработке данных в виртуальном пространстве;
- управлении инфраструктурой телекоммуникационных сетей и их защите;
- функционировании цифровых платформ и экосистем.

Но ошибкой было бы констатировать, что в виртуальном пространстве складываются сугубо информационные отношения. Конституционно-правовые, гражданско-правовые, административно-правовые, финансово-правовые отношения и многие другие их виды — неотъемлемая часть современного виртуального пространства, в котором осуществляется общественный контроль за деятельностью органов публичной власти, проводятся выборы, оказываются государственные услуги, заключаются сделки, производятся расчеты.

На фоне накопления все большего массива общественных отношений, складывающихся в виртуальном пространстве, их упорядочения посредством принятия значительного объема законодательных и подзаконных нормативных правовых актов в науке все чаще звучат предложения рассматривать данные отношения в качестве цифровых, обосновывается возникновение цифрового права как самостоятельной комплексной отрасли.

Спектр влияния технологий на систему законодательства довольно широк и включает в себя как полное отсутствие потребности в изменении законодательства или его точечной корректировке, так и формирование самостоятельных подотраслей (международное космическое право) и отраслей законодательства и права (информационное право).

Разноплановое влияние технологий на систему права нередко подталкивает исследователей к преждевременной констатации и прогнозированию появления новых комплексных отраслей права при анализе нормативных массивов, формирующихся в ответ на возникновение новых технологий. Цифровое право¹ здесь не оди-

¹ См.: Вайпан В.А. Понятие и правовая природа цифрового права // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 10–17; Талалина Э.В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 18–32.

ноко: «квантовое право»¹, «высокотехнологичное право»², «право технологий искусственного интеллекта и робототехники»³ и многие другие. Технологическая нейтральность права и законодательства, однако, исключает стихийное возникновение отраслей из нормативных массивов, объединенных исключительно по предметному признаку. Право «не может зависеть от появления тех или иных технологий, но должно учитывать их наличие и специфику, формировать и включать в себя новые институты»⁴. Зарубежные юристы отмечают, что в отличие от всех других отраслей права интернет-право, аналог предлагаемого в отечественной доктрине цифрового права, «не является конкретной, стабильной и надежной областью практики и охватывает собой принципы и правила из ряда различных отраслей»⁵. В исключительных случаях речь может идти о появлении подотраслей права и циклических нормативных массивов⁶.

Противоречивость идей существования цифрового права, цифровых отношений, их реальное отличие от информационного права, информационных отношений нашли отражение в проектируемой в настоящий момент концепции Цифрового кодекса Российской Федерации, а именно в определенной несогласованности между его предметом, наименованием и структурой.

Спор о структуре права, попытки обоснования цифрового права на практике в конечном счете не приближают исследователей к ре-

¹ См.: Громова Е.А., Петренко С.А. Квантовое право: начало // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т. 1. № 1.

² См.: *Цифровое право: учебник* / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М., 2020.

³ См.: Кашкин С.Ю. Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта и робототехники как формирующаяся новая комплексная отрасль права в наиболее репрезентативных государствах и международных интеграционных объединениях: постановка проблемы / С.Ю. Кашкин // *Вестник Российского нового университета. Сер: человек и общество*. 2019. № 3. С. 134–144.

⁴ Научные концепции развития российского законодательства: монография / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2024. С. 387.

⁵ Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления Цифрового кодекса? // *Хозяйство и право*. 2020. № 4. С. 4.

⁶ О циклических нормативных массивах см.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 1. С. 85–102.

шению следующих принципиальных вопросов правового регулирования отношений, возникающих в виртуальном пространстве:

- выбор оптимальных регуляторов;
- построение целевых моделей трансформации правового регулирования отдельных блоков, формирующихся в виртуальном пространстве, новых общественных отношений в сфере искусственного интеллекта, оборота больших и иных видов данных, функционирования цифровых платформ и экосистем;
- исключение пробелов, противоречий и расхождений в регулировании отношений, складывающихся в виртуальном пространстве.

Выбор оптимальных регуляторов отношений, возникающих в виртуальном пространстве, обеспечение их оптимального сочетания — сложная теоретико-правовая проблема, решение которой требует усиления роли науки при подготовке проектов законов и важнейших подзаконных актов, придания приоритета научным выводам и рекомендациям¹.

Высокая динамика изменения законодательных актов, направленных на упорядочение социального взаимодействия виртуального пространства, технологическая сложность новейших программных и программно-аппаратных комплексов и инноваций, неочевидность их воздействия на социальные связи выступают факторами, препятствующими формированию согласованного регулирования, способствующими возникновению пробелов и противоречий.

Не случайно еще в первом издании научных концепций развития законодательства, формируемых ИЗаСП с 1994 г., подчеркивалось наличие острых проблем, непосредственно связанных с правовым регулированием информации и информатизации, а именно его разрозненность и несистемность, присутствие в регулировании пробелов и противоречий². Такая характеристика сохраняет свою актуальность и сегодня.

Система регуляторов, призванных упорядочить отношения, возникающие в виртуальном пространстве, многомерна. Как ранее упоминалось, «наряду с правом действуют, во-первых, политические нормы, во-вторых, нравственные, в-третьих, религиозные, в-четвертых, нормы саморегулирования, в-пятых, технические

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 5.

² См.: Концепции развития российского законодательства / под. ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 1994.

нормы, в-шестых, нормы самообязательства. Все нормы так или иначе регулируют «земное», воздушное, морское и космическое пространства, плюс невидимые явления Вселенной. Право вступает в разные отношения с другими нормами — оно их признает, допускает, взаимодействует с ними, использует их, запрещает, противодействует им, и эту динамику нужно исследовать»¹. Применительно к виртуальному пространству перечисленные регуляторы могут быть дополнены архитектурой сети, программным кодом².

Виртуальное пространство в определенный период (в начале формирования) представляло собой так называемое доправовое или внеправовое пространство. В нем преимущественно действовали механизмы саморегулирования, этические и технические нормы, самообязательства. По мере освоения правом виртуального пространства, а этот процесс продолжается, его доправовые или внеправовые области сужались, но отдельные его части так и остались неохваченными правом и его регуляторным воздействием. Это, во-первых, так называемый даркнет, во-вторых, вновь возникающие общественные отношения, которые в силу перманентного характера своего появления в виртуальном пространстве по мере развития технологий, новых способов социального взаимодействия еще не попали в сферу регулирующего воздействия права ввиду его консерватизма, известного отставания от динамики развития общественных отношений.

Развитие правового регулирования виртуального пространства идет нелинейно, во многом потому, что оно в силу своего трансграничного характера формируется на наднациональном и национальных уровнях (одновременно в нескольких правовых порядках с разной динамикой).

Хотя на наднациональном уровне действует значительное количество актов межрегиональных и региональных международных объединений, есть примеры принятия документов ООН, которые призваны упорядочить отдельные блоки отношений, возникающих в виртуальном пространстве³. Однако пока не представляется воз-

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 5.

² См.: Code and Other Laws of Cyberspace // Lawrence Lessig; New York: Basic Books, 1999. 297 pp.; Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма, 2023.

³ См.: Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах. Принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 г.; Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной без-

возможным констатировать наличие универсальной конвенциональной основы функционирования виртуального пространства и управления им. Главным препятствием на пути формирования данной основы выступают имеющиеся между государствами разногласия по таким ключевым вопросам, как: предпочтительное направление развития международного права, в том числе достаточность действующего регулирования; определение субъектов, уполномоченных на управление сетью «Интернет», пределов государственного суверенитета в виртуальном пространстве, соотношения кибервойны и кибербезопасности; кибершпионаж¹.

Несмотря на имеющиеся разногласия, работа над формированием универсальной конвенциональной основы функционирования виртуального пространства и управления им продолжается при активной позиции Российской Федерации, которая разработала и представила для дискуссии проекты: Конвенции ООН о борьбе с киберпреступностью; Универсального международного соглашения о применении норм ответственного поведения государств в ИКТ-среде; Международного стандарта технического регулирования в области менеджмента международной информационной безопасности².

Подходы, сформированные в национальном праве к регулированию виртуального пространства, чрезвычайно многообразны ввиду различий в уровне развития экономик и технологий, целей, преследуемых государствами при регламентации общественных отношений. Развиваются сферы регулирования, базовые инструменты и методы воздействия на субъектов права в виртуальном пространстве. Но есть и общее, во-первых, в большинстве правовых актов регулируются определенные сферы виртуального пространства.

опасности (A/70/174, 22 июля 2015 г.); Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности (A/76/135, 14 июля 2021 г.); Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (A/RES/76/240 от 31 декабря 2020 г.).

¹ Zhixiong Huang, Kubo Mačák Towards the International Rule of Law in Cyberspace: Contrasting Chinese and Western Approaches // June 2017 Chinese Journal of International Law 16(2):271-310 DOI:10.1093/chinesejil/jmx011

² См.: Международная безопасность в среде информационно-коммуникационных технологий / А.А. Стрельцов, А.Я. Капустин, Т.А. Полякова, Г.Г. Шинкарецкая, В.Н. Русинова; под общ. ред. А.А. Стрельцова, А.Я. Капустина, Т.А. Поляковой, А.С. Маркова, Б.Н. Мирошникова. М.: Национальная Ассоциация международной информационной безопасности, 2023.

Например, это такие области, как оборот персональных данных, ответственность за киберпреступления. Во-вторых, развитие правового регулирования отдельных блоков отношений, возникающих в виртуальном пространстве, происходит по определенному шаблону. Первоначально новые виды общественных отношений в виртуальном пространстве находятся вне регулирующего воздействия права, оставаясь неурегулированными, существуя в зоне этического и локального регулирования частных компаний, субъектов цифровой экономики, и лишь впоследствии они «неспешно осваиваются позитивным правом». Такая закономерность предопределена, во-первых технической и содержательной сложностью отношений, во-вторых, их неустойчивостью и изменчивостью, в-третьих, нетривиальностью задачи установления исчерпывающей номенклатуры фактических последствий, потенциальных и реальных рисков для охраняемых законом ценностей, порождаемых новыми технологиями и способами социального взаимодействия.

Выработка регуляторной модели отдельных блоков отношений, возникающих в виртуальном пространстве, осуществляется итерационно, по мере систематизации сведений о последствиях и рисках. Законодатель находится в постоянном поиске оптимального соотношения между «императивами, альтернативами и саморегулированием», но по общему правилу по мере развития правового регулирования сфера действия саморегулирования в виртуальном пространстве сужается и последовательно замещается диспозитивными, а затем и императивными нормами.

Следует констатировать наличие движения в сторону охвата все большего числа областей виртуального пространства правом. Из «внеправового» пространства оно становится одним из наиболее регулируемых пространств социального взаимодействия, значительный процент законодательных инициатив перманентно направлен на упорядочение общественных отношений, возникающих в виртуальном пространстве.

Можно прогнозировать, что усилия законодателя в части правового опосредования виртуального пространства будут интенсифицироваться по следующим направлениям: технологии искусственного интеллекта; цифровые платформы, обработка данных; информационная безопасность личности, общества и государства; ответственность за противоправную деятельность в виртуальном пространстве; обеспечение суверенитета в виртуальном пространстве

Для правовой науки и практики нетривиальной остается задача построения эффективного механизма обеспечения прав и закон-

§ 3. Этапы формирования системы правового регулирования виртуального...

ных интересов человека, безопасности личности, общества и государства в виртуальном пространстве. Ввиду трансграничности виртуального пространства, высокой степени его анонимности, отсутствия централизованного управления применение стандартных механизмов обеспечения законности имеет ограниченную эффективность. Решение указанной задачи в первую очередь предполагает использование императивных регуляторов. В этом направлении есть определенные достижения. Это так называемый закон о приземлении иностранных интернет-компаний¹, введение запрета на рекламу у и+ностранных агентов², формирование законодательной основы для блокировки вредоносного контента³. Но еще предстоит сформировать действенный механизм привлечения к ответственности за противоправные деяния в виртуальном пространстве, реализовать его восстановительные, превентивные и карательные функции. Здесь потенциалом обладают солидарная ответственность, механизмы взыскания на цифровое имущество, впервые предложенные профессором РАН С.А. Сеницыным.

§ 3. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Раскрывая данный вопрос, прежде всего нужно отметить, что граница регулирования виртуального пространства весьма широка и подвижна, поскольку нет устоявшегося понятия «виртуальное пространство».

По мнению профессора Ю.А. Тихомирова, «виртуальное пространство — не только государственные территории и международные зоны, но и предполагаемые и воображаемые обстоятельства, которые могут иметь место в будущем. Виртуальное пространство связано с правовым пространством и отражает регулирование

¹ См.: Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации».

² См.: Федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

не только в рамках государственной территории, но и за ее пределами»¹.

Интересны и мнения по данному вопросу, высказанные на XI Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге² в рамках панельной сессии: «Виртуальное право: правовое регулирование отношений в виртуальных вселенных и компьютерных играх». Например, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)» Галина Грищенко считает, что «виртуальное пространство — это не только те оболочки, которые захватывают игровую сферу, оно намного шире. Например, сфера правосудия онлайн — это тоже виртуальное пространство, когда через портал Госуслуг можно авторизоваться и создать свой цифровой Аватар и, собственно говоря, все судебные споры перенести в метавселенную». Доцент той же кафедры того же университета Кирилл Евсиков заметил, что «метавселенная — это новый вид информационных систем, в которых пользователь может создавать или получать объекты виртуальных прав и обмениваться ими с другими пользователями».

Как отмечает профессор Ю.А. Тихомиров, «в теории права сохраняет свое значение формула «действие закона во времени, пространстве и по кругу лиц»... понятие «пространство» чаще отождествляется с государственной территорией... и лишь в последние десятилетия масштабные процессы глобализации порождают другие явления и адекватные понятия»³.

Нужно согласиться, что «мировой и транснациональный характер виртуального пространства плохо приспособляется к национальным географическим границам»⁴.

В XXI веке «взят курс на создание единого информационного пространства, которое позволит всему населению нашей планеты получить доступ к необходимой информации и обмениваться ею в

¹ Тихомиров Ю.А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 5–16.

² URL: legalforum.info/news/virtualnoe-pravo-pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-v-virtualnykh-vselennykh-i-kompyuternykh-igrakh/ Международный молодежный юридический форум в рамках XI Международного юридического форума в Санкт-Петербурге (10 мая 2023 г.).

³ Тихомиров Ю.А., Головина А.А., Плюгина И.В. и др. Правовое пространство: границы и динамика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2019. С. 15.

⁴ Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. С. 420–426; Общая теория права / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1995. С. 177–179.

стационарных условиях и в движении независимо от географического местоположения собеседников, времени, языков, используемых в той или иной стране»¹.

В рамках технического направления научного знания развивается компьютерно-техническая трактовка виртуальной реальности (погружение субъекта в искусственно созданную при помощи компьютеров трехмерную среду и его навигация в ней, а также манипулирование ее объектами)².

Позволим представить свое понимание данного термина. Виртуальное пространство — это пространство обмена данными (данные — поддающееся многократной интерпретации представление информации в формализованном виде, пригодном для передачи, связи или обработки)³ между вычислительными устройствами — компьютерами, серверами⁴, маршрутизаторами⁵ и другим оборудованием или программным обеспечением⁶.

В связи с этим целесообразно обратиться к международному стандарту ИСО/МЭК 27033-1:2009⁷, который определяет понятие виртуальная вычислительная сеть (VLAN и VPN)⁸.

¹ Кривошеев М.И. Международная стандартизация цифрового телевизионного вещания. М., 2006. С. 10.

² См.: Орлов С.В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1 (11). С. 16.

³ См.: ISO/IEC 2382-1:1993 Информационные технологии: словарь. Ч. 1. Основные термины (2382-1:93 Information technology — Vocabulary — Part 1: Fundamental terms. NEQ).

⁴ Программное обеспечение или специальное компьютерное оборудование.

⁵ Специализированное устройство, которое пересылает данные на основе правил и таблиц маршрутизации.

⁶ Представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

⁷ См.: Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Сетевая безопасность. Ч. 1. Обзор и концепции (ISO/IEC 27033-1:2009 «Information technology — Security techniques — Network security — Part 1: Overview and concepts»).

⁸ Виртуальная локальная вычислительная сеть (virtual local area network): независимая сеть, созданная с логической точки зрения внутри физической сети. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Безопасность сетей. Ч. 1. Обзор и концепции (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 1 декабря 2011 г. № 683-ст).

Виртуальная вычислительная сеть построена на использовании ресурсов другой физической сети, а именно:

- вычислительной (например, компьютерной);
- телефонной;
- среды передачи данных¹.

Исходя из этого следует согласиться с М.А. Рожковой, что в этом контексте можно говорить о «цифровой среде, которая включает в себя:

- информационные и коммуникационные технологии, в том числе Интернет;
- мобильные и связанные с ними технологии и устройства;
- цифровые сети, банки данных, контент и услуги².

Однако, как правильно утверждает С.А. Сеницын, «цифровое пространство не может быть позиционировано как параллельный мир или реальность, а только как новые возможности и средства человеческих коммуникаций. По этой причине не представляется возможным согласиться с делением правового пространства на виртуальное и реальное, с вынесением цифрового субстрата за пределы регулируемых правом общественных отношений»³.

Поэтому основным вектором развития правового регулирования виртуального пространства является «дополнение действующих нормативных правовых актов, упорядочивающих отношения в виртуальном пространстве»⁴.

В связи с этим уместно вспомнить размышления выдающегося ученого в области информационного права И.Л. Бачило о причинах и направлениях эволюции государственных и правовых институтов в условиях формирования векторов развития информационного общества. Она указывает, что «информационная характеристика

¹ См.: ГОСТ Р МЭК 61131-9-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Контроллеры программируемые. Ч. 9. Одноточечный интерфейс цифровой связи для небольших датчиков и исполнительных устройств (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 14 сентября 2017 г. № 1124-ст).

² Рожкова М.А. Виртуальная реальность и метавселенная: предмет правового исследования // Virtual reality and Metaverse: subject of legal research // Закон.ру. 2021. 12 января. URL: https://zakon.ru/blog/2022/1/12/virtualnaya_realnost_i_metavselennaya_predmet_pravovogo_issledovaniya_virtual_reality_and_metaverse

³ Сеницын С.А. Личные неимущественные права и безопасность человека в виртуальном пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 13–24.

⁴ Анисимова А.С. Механизм правового регулирования интернет-отношений: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 14.

реальных исторических процессов существенно зависит от средств и механизмов информационных и коммуникационных технологий¹. Поэтому для понимания этапов становления системы правового регулирования виртуального пространства целесообразно обратиться к истории развития информационных технологий, основой которых является компьютер.

Изобретение первого компьютера в виде устройства на основе зубчатых колес («считающие часы») для сложения и вычитания шестизначных десятичных чисел связывают с именем Вильгельма Шиккарда, профессора университета Тюбингена. За «считающими часами» последовали машины Блеза Паскаля («Паскалина», 1642 г.) и Готфрида Вильгельма Лейбница — арифмометр Лейбница. Принято считать, что первым программистом и информационным теоретиком был именно Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716)², который изобрел перфокарту и вычислительную машину в 1679 г., а в 1703 г. — двоичную систему счисления, что позволяет сказать, что это и стало началом «цифровизации». Далее Жозеф-Мари Жаккар изобрел ткацкий станок, в котором сменяемые программы на перфокартах содержали код двух возможных положений («0» и «1») исполнительного механизма (челнока).³ В 1804 году ученый получил патент на свое изобретение. При этом промышленный вариант станка ему удалось получить лишь в 1807 г. Данный период, по сути, относится к становлению индустриального общества (первая промышленная революция).

В 1822 году Чарльз Бэббидж начал разработку механизма различий, который считается первой автоматической вычислительной машиной, а в 1837 г. он предложил первый общий механический компьютер — аналитический двигатель, который содержал ALU (арифметическая логическая единица), базовое управление потоком, перфокарты (вдохновленные жаккардовым станком) и встроенную память. Это первая универсальная компьютерная концепция. К сожалению, из-за проблем с финансированием данный компьютер при жизни Чарльза Бэббиджа так и не был построен. Однако все возможности, которые предоставляет компьютер, могут быть реализованы только через использование конечным пользова-

¹ Бачило И.Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное / И.Л. Бачило. М.: Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ», 2012. С. 9.

² Батурин Ю.М. От Интернета до виртуальной Земли и метавселенной (краткая история информационных технологий на критическом рубеже). М.: ИИЕТ РАН; Саратов: ООО «Амирит», 2022. С. 21.

³ Там же.

телем компьютерных программ. Первый программируемый компьютер был создан немецким ученым — Конрадом Цузе в 1938 г. Это электромеханический двоичный программируемый механизм и на самом деле первый действительно функциональный современный компьютер.

Понятие современного компьютера связывают с машиной Тьюринга, которая стала основой для теории о компьютерах и вычислительной технике. Цифровой компьютер (ABC) профессора Джона Винсента Атанасова появился в 1942 г. в Государственном колледже Айовы (ныне Университет штата Айова). Он был электрическим, использовал более 300 вакуумных трубок для цифровых вычислений, включая двоичную математику и булеву логику. Первой сохраненной в электронном виде программой для компьютера считается написанная Томом Килберном в 1948 г. программа, которая могла храниться в электронном виде.

Однако необходимость формирования системы правового регулирования¹ виртуального пространства вызвана третьей промышленной революцией², которая началась в 1960-х гг. и связана с появлением не только персональных компьютеров, но и сети «Интернет». На наш взгляд, именно этот период можно считать первым этапом формирования системы правового регулирования виртуального пространства. Характеризуя правовое регулирование на данной стадии нельзя не отметить, что общество электронных сетей основывается на децентрализации, открытости, сотрудничестве, что совершенно не соответствовало таким реалиям СССР, как цензура, иерархичность и контроль. Однако уже в речи на XX съезде Коммунистической партии Н.С. Хрушев объявил, что будущее — в автоматизации и эффективизации³. Ведущие математики и теоретики, например А.И. Китов, Н.А. Криницкий⁴ и академик В.М. Глушков, осознавали, что можно связать компьютеры в сеть, заставив ее работать во благо общества. Создав систему из тысяч компьютеров на уровне предприятий, подключенных к центральному компьютеру, В.М. Глушков предполагал сформировать «мыслящую» сеть

¹ Как правило, под правовым регулированием понимают установление предписаний (дозволений), ограничений и/или запретов, а также стимулов (преференций), поощрений и наказаний, с помощью которых происходит регулирование общественных отношений.

² См.: Рифкин Д. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М., 2014.

³ URL: <https://inosmi.ru/20160804/237430618.html>

⁴ См.: Китов А.И., Криницкий Н.А. Электронные цифровые машины и программирование. М.: Изд-во физ.-мат. лит., 1959.

(ОГАС), которая могла бы в режиме реального времени управлять всей экономикой страны как одной фабрикой. Однако идея цифрового администрирования была воспринята как угроза власти, поэтому предпосылки создания национальной компьютерной сети не были реализованы и формирование нормативно-правовой базы в ее современном виде началось только в 90-е гг. XX в., т.е. в том же десятилетии, когда распался Советский Союз¹.

Несмотря на то что уже в 1963 г. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечал² успешное урегулирование с помощью электронной вычислительной техники ряда крупных научных и инженерных проблем, применение вычислительной техники для массовых технических расчетов и решения таких задач, как планирование, управление, обработка информации в народном хозяйстве, оставалось неудовлетворительным. Это объяснялось рядом причин, среди которых можно выделить отсутствие:

- централизованного планирования загрузки электронных вычислительных машин;

- достаточно разработанных математических методов технико-экономических нормативов и унифицированной системы документации, которая была необходима для автоматизированной обработки данных на электронных машинах;

- качественной подготовки соответствующих специалистов.

Акты данного периода можно подразделить на следующие:

- содержащие руководящие указания по разработке и внедрению отраслевых автоматизированных систем управления³;

- регулирующие порядок создания и функции органов планирования, организации разработки планов относительно автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР);

- регулирующие проектирование, разработку, внедрение АСПР;

- содержащие юридико-технические нормы, определяющие особенности работы вычислительной техники.

Начало 1990-х гг. в нашей стране характеризуется значительным «ростом количества сетей общего пользования, создававшихся в основном как частные сети совместных предприятий с участием

¹ См.: Проект А.И. Китова и академика В.М. Глушкова «Общегосударственная автоматизированная система управления (ОГАС)» // Организационно-правовые проблемы АСУ / отв. ред. И.Л. Бачило, Ю.А. Тихомиров. М., 1979.

² См.: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 21 мая 1963 г. № 564 «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство».

³ См., например: Постановление Совмина СССР от 2 июля 1971 г. № 459 «О мерах по дальнейшему улучшению организации учета и отчетности в народном хозяйстве».

крупных иностранных телекоммуникационных операторов»¹. Общее количество пользователей Интернета в мире исчислялось уже десятками миллионов, что неизбежно повлекло за собой издание массива нормативных правовых актов. В указанный период были приняты документы, определившие дальнейший вектор развития правового регулирования виртуального пространства.

Так, в 1993 г. появилась Конституция Российской Федерации, в которой впервые были закреплены нормы, касающиеся права на информацию, составляющие основу законодательства в данной области, и такие важные указы Президента Российской Федерации, как:

«Вопросы формирования единого информационно-правового пространства Содружества Независимых Государств» от 27 декабря 1993 г. № 2293²;

«О дополнительных гарантиях права граждан на информацию» от 31 декабря 1993 г. № 2334³;

«Об основах государственной политики в сфере информатизации» от 20 января 1994 г. № 170⁴;

«О совершенствовании деятельности в области информатизации органов государственной власти Российской Федерации» от 21 февраля 1994 г. № 361⁵.

Итогом принятия данных актов стала разработка Концепции формирования и развития единого информационного пространства России одобренной решением Президента РФ от 23 ноября 1995 г. № Пр-1694, которая определила основные цели регулирования виртуального пространства. Также были приняты базовые для развития правового регулирования виртуального пространства федеральные законы от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»⁶, от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене»⁷, от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»⁸, от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи»⁹ и др.

¹ Савостицкий Ю.А. История развития глобальных компьютерных сетей / Ю.А. Савостицкий // Информационное общество. 2000. № 4. С. 59–65.

² САПП РФ. 1994. № 1. Ст. 19.

³ САПП РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

⁴ САПП РФ. 1994. № 4. Ст. 305.

⁵ САПП РФ. 1994. № 9. Ст. 699.

⁶ СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609.

⁷ СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3347.

⁸ СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 600.

⁹ СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 127.

§ 3. Этапы формирования системы правового регулирования виртуального...

Рассуждая об этапах формирования системы правового регулирования виртуального пространства, мы можем считать их условными.

Например, первую промышленную революцию (XVIII–XIX вв.), как правило, связывают с переходом от ручного (мануфактурного) труда к машинному (фабричному) производству, что, по сути, и означало переход в индустриальное общество¹.

Предпосылками второй промышленной революции (конец XIX — начало XX в.) явились успехи в физике и химии, например Майкл Фарадей открыл в 1831 г. электромагнитную индукцию, что стало основой для внедрения электричества в технологии. Однако развитие связи, создание сетей персональных компьютеров, появление сотовых телефонов случились уже в период третьей промышленной революции (1960-е гг.). Последующие этапы можно связать с четвертой и пятой промышленными революциями. В настоящее время, по мнению отдельных ученых, мы переживаем четвертую промышленную революцию «Умное производство»², которая характеризуется переходом к инновациям, основанным на комбинации технологий³. Ее отличительными признаками являются повсеместное распространение мобильного Интернета, автоматизация (роботизация) промышленности и сферы услуг (включая появление искусственного интеллекта и развитие Интернета вещей), взаимопроникновение технологий в сферах физической, биологической и цифровой⁴.

Настоящий этап правового регулирования виртуального пространства более подробно будет освещен в параграфе «Правовое регулирование использования информационных технологий в области культуры и образования».

¹ См.: Хикс Дж. Теория экономической истории. М.: Вопросы экономики, 2003. С. 184–188; Hicks J. A Theory of Economic History. Oxford, 1969. Pp. 145–166; Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy. New York — London, 1980. P. 233, 266; Hill C. Reformation to Industrial Revolution. A Social and Economic History of Britain, 1530–1780. Bristol, 1967. P. 139, 179; Тимошина Т.М. Экономическая история зарубежных стран: учебное пособие / под ред. М.Н. Чепурина. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2016. С. 113–379.

² См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М., 2019. С. 9.

³ См.: Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: What It Means and How to Respond. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution>.

⁴ См.: Молотников А.Е. Четвертая промышленная революция и современное осмысление корпоративной формы ведения бизнеса // Предпринимательское право. 2017. № 2. С. 11.

Следующий этап правового регулирования виртуального пространства — «Искусственный интеллект» Индустрия 5.0¹. Например, в Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и плана мероприятий по ее реализации² говорится, что уже в настоящее время осуществляется переход к стандартам Индустрии 5.0.

Как было отмечено, виртуальное пространство связано с правовым пространством, и своим появлением термин «виртуальное пространство» обязан прежде всего развитию современных информационно-коммуникационных технологий, и здесь важно установить, существуют ли различия между информационным и виртуальными пространствами.

В связи с этим уместно вспомнить, что «даже спустя много лет после признания информационного права в качестве дисциплины для преподавания в вузах и введения отдельной специальности для защиты диссертаций сомнения некоторых юристов в легитимности выделения этой отрасли не исчезли»³. Это в полной мере относится и к правовому регулированию виртуального пространства.

Определяющими для информационного права, по мнению И.Л. Бачило, являются: особый предмет правового регулирования — информационные отношения, а также информация как фундамент этих отношений. Природа этих отношений столь специфична, что они не могут быть регламентированы при помощи традиционных методов правового регулирования. Исключительное значение информации потребовало сделать акцент не только на развитии информационного пространства, но и на таких новых явлениях, как социальные сети и Интернет, где определенным образом меняются «традиционные правоотношения «лицом к лицу» и возникают виртуальные правовые связи»⁴.

В соответствии с определением правового регулирования как «институционального и познавательного механизма установления

¹ См.: Лопатин В.Н. Информационная безопасность в электронном государстве // Информационное право. 2018. № 2. С. 14–19.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 21 июня 2023 г. № 1630-р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и плана мероприятий по ее реализации».

³ Бачило И.Л. Информационное право: учебник. М.: Юрайт, 2011. С. 22.

⁴ См.: Правовое пространство и человек: монография / Н.В. Власова, С.А. Грачева, М.А. Мещерякова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. С. 10.

нормативно-юридических правил поведения (деятельности), обязательных или рекомендательных, их обеспечения и реализации, где исходными элементами определения являются,

во-первых, цели и предмет правового регулирования,

во-вторых, субъекты и объекты регулирования,

в-третьих, процесс и стадии регулирования,

в-четвертых, способы (методы) регулирования,

в-пятых, результаты и новый цикл регулирования»¹, можно выявить различие между объектом правового регулирования виртуального пространства и объектом правового регулирования информационного права.

Объект правового регулирования информационного права — отношения в информационной сфере, связанные с оборотом информации, формированием и использованием информационных ресурсов, созданием и функционированием информационных систем в целях обеспечения безопасного удовлетворения информационных потребностей граждан, организаций, государства и общества².

Объектом же правового регулирования виртуального пространства являются отношения, которые возникают при обмене данными между вычислительными устройствами. Таким образом, не все отношения по созданию и обмену информацией имеют место в виртуальном пространстве — они могут существовать и вне его.

Данный вывод подтверждается и в параграфе «Правовая природа: порядок создания, функционирование, правовые режимы информационных технологий» выводом автора о соотношении терминов «информация» и «данные» с помощью кругов Эйлера³.

Таким образом, понятие «информация» с большим объемом является подчиняющим, а понятие «данные» с меньшим объемом подчиненным. Данные — это всего лишь оболочка для транспортировки информации. Напомним, что в соответствии с законодательством информация представляет собой сведения, которые включают в себя как сообщения, так и данные независимо от формы их представления⁴. Таким образом, на этом этапе действительно мож-

¹ Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. С. 27.

² См.: Бачило И.Л. Информационное право. М.: Высшее образование; Юрайт, 2009.

³ Большим кругом является термин «информация», а термин «данные» полностью входит в объем круга «информация».

⁴ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

но говорить о стадии дополнения информационного законодательства актами, упорядочивающими отношения в виртуальном пространстве.

Однако нельзя и отрицать, что «в сети «Интернет» ежесекундно возникают отношения, подпадающие под предмет регулирования гражданского, административного, уголовного, финансового и других отраслей права»¹.

Именно «посредством Интернета и его технических сервисов создаются новые виртуальные формы общественных отношений, которые выходят далеко за рамки регулирования информационного права»², что, к сожалению, не позволяет соответствовать общеправовому критерию формальной определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы³.

Выводы:

1. Виртуальное пространство — это пространство обмена данными между вычислительными устройствами — компьютерами, серверами, маршрутизаторами и другим оборудованием или программным обеспечением.

2. Виртуальное пространство «связано с правовым пространством и отражает регулирование не только в рамках государственной территории, но и за ее пределами»⁴.

3. В научном плане понятие «виртуальное пространство» позволяет более обоснованно устанавливать границы и объем правового регулирования, однако необходимо дальнейшее уточнение системы понятий и терминов в данной сфере и их практического использования в правотворчестве и правоприменении.

4. Основными векторами развития правового регулирования виртуального пространства являются:

— дополнение действующих нормативных правовых актов, «упорядочивающих отношения в виртуальном пространстве»⁵;

¹ Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сб. ст. / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 147.

² Дашян М.С. Право информационных магистралей (Law of information highways): Вопросы правового регулирования в сфере Интернет. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 137.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П.

⁴ Тихомиров Ю.А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 5–16.

⁵ См.: Анисимова А.С. Механизм правового регулирования интернет-отношений: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 14.

– использование императивных правовых конструкций, с одной стороны, и равных прав всех субъектов виртуального пространства в отношениях с государством и друг с другом, с другой стороны.

5. Необходимость формирования системы правового регулирования виртуального пространства вызвана третьей промышленной революцией, которая началась в 1960-х гг. и связана с появлением не только персональных компьютеров, но и сети «Интернет». Последующие этапы можно отнести к четвертой и пятой промышленным революциям.

6. Объектом правового регулирования виртуального пространства являются отношения, которые возникают при обмене данными между вычислительными устройствами, а правовое положение субъектов правового регулирования виртуального пространства «характеризуется двойственностью, предполагающей законодательные и договорные начала регулирования»¹.

7. Необходима разработка моделей правового регулирования общественных отношений, возникающих в виртуальном пространстве. «Поскольку первоначально может быть несколько альтернативных вариантов правовых моделей будущего регулирования, правовой эксперимент мог бы быть подходящим средством апробации новелл в ограниченном масштабе и в ограниченный срок для проверки их эффективности и выработки оптимальных вариантов будущих правовых решений»².

§ 4. ГИБКИЕ «ЦЕПИ» НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ

Человек проводит значительную часть времени не только в реальном, но и в виртуальном пространстве³. В общественной жизни существует блок отношений, которые не просто тесно связаны с последним, но и исключительно в нем действуют. Как отмечают зарубежные эксперты, границы между пространствами довольно

¹ URL: file:///I:/%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20CHeremisinova_M.E._dissertatsiya_2020.pdf

² Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: науч. практ. пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2020. С. 66.

³ Согласно исследованиям Mediascope в России человек проводит ежедневно в среднем один час в социальных сетях. URL: <https://mediascope.net/news/1681112/>

быстро исчезают¹, появляются примеры использования видео-конференц-связи для реализации юридически значимых действий, а сами действия осуществляются в созданных виртуальных пространствах на видеоплатформах частных компаний, находящихся в других юрисдикциях. Например, в феврале 2023 г. в Колумбии в экспериментальном режиме было проведено судебное слушание дела по административному спору в виртуальном пространстве с использованием одной из технологий, основанных на применении искусственного интеллекта. В юридических сообществах разных стран прецедент активно обсуждался. Были отмечены риски, связанные с подобным подходом к реализации цифровой трансформации судебной процедуры (например, зависимость суда от технических решений, предлагаемых одной из нескольких частных компаний без проведения конкурентных процедур, необеспечение равенства доступа к правосудию, рост затрат на судопроизводство, идентификация участников заседания и др.).

Дополнительно можно отметить, что участники судебного разбирательства могут быть ограничены в доступе к соответствующему «бесплатному» ресурсу его обладателем. В результате массовой реализации нововведения частный субъект фактически будет определять возможность осуществления судебного разбирательства, реализации конституционного права на судебную защиту. Каковы в подобной ситуации гарантии прав лиц, участвующих в судебном заседании? Традиционные риски в отношениях с использованием сети «Интернет» усматриваются касательно обеспечения надлежащей защиты персональных данных участников, распределения рисков между частным и публичными субъектами. Устранение многих из существующих, в том числе перечисленных рисков, возможно лишь путем законодательных изменений, поскольку речь идет о базовых правах человека на защиту своих прав и справедливое судебное разбирательство, тайну личной жизни и др.²

Резонно возникает ряд вопросов о регуляторах в виртуальном пространстве. В этом параграфе монографии сфокусируемся на одном из них — праве.

Основные вопросы, которые будут рассмотрены: входят ли в состав регуляторов отношений в виртуальном пространстве правые; если да, то каков их видовой состав и отраслевая принадлеж-

¹ См., например: Digital-citizenship... and your child. What every parent needs to know and do. Council of Europe. 2019. 16 p. P. 2.

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ky9WWR4DevE>; <https://techpolicy.press/the-technosolutionism-trap-the-risky-use-of-tech-by-the-colombian-judiciary/>

ность; каково соотношение между ними; обладают ли эти регуляторы спецификой или являются одной из проекций набора регуляторов в пространстве реальном; если есть свои особенности, то какова их динамика; свободны ли лица в виртуальных пространствах, есть ли ограничения?

Попробуем разобраться в этих аспектах функционирования виртуального пространства. Прежде всего отметим многообразие подходов к определению ключевого понятия «виртуальное пространство», в том числе в юридической литературе. Его отождествляют с некоторыми иными видами пространств и трактуют, например, как: совокупность информации, общественных отношений и технологий¹; сеть «Интернет»; пространство в социальных сетях; метавселенную²; пространство, сформировавшееся с использованием информационно-телекоммуникационных технологий³; «иллюзорную среду»⁴; цифровой мир; виртуальный мир; киберпространство; инфосферу⁵. Одновременно обращается внимание на необходимость разграничения перечисленных понятий, их упорядочения и согласованности применения. Объединяет существующие подходы, предполагающие отграничить виртуальное пространство от мира реального⁶, указание на технологии, которые используются для его создания и поддержания.

¹ См., например: Струков К.В. Контрольная функция государства в сфере виртуального пространства (на примере Российской Федерации): автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 9.

² В частности, это понятие раскрывается как коллективное виртуальное пространство. См.: Лескина Э.И. Метавселенная и задачи в области правового регулирования данных // Юрист. 2023. № 3. С. 2–7.

³ Например, указывается, что под этим термином нередко понимается все происходящее в сети. См.: Рожкова М.А. Виртуальная реальность и метавселенная: предмет правового исследования // Virtual reality and Metaverse: subject of legal research // Закон.ру. 2021. 12 января. URL: https://zakon.ru/blog/2022/1/12/virtualnaya_realnost_i_metavselennaya_predmet_pravovogo_issledovaniya_virtual_reality_and_metaverse Исследователь призывает не отождествлять термины «виртуальное пространство» и «метавселенная» и разграничивать их для целей исследования, признавая при этом наличие общих проблем, коренящихся в применяемых технологиях и лежащих в их основе концепциях.

⁴ См.: Egorova V.I. Personification and depersonification — basic types of carnival in virtual reality // Modern problems of science and education. 2012. № 4. P. 289–289.

⁵ См.: Ерохина Ю.В. Правовое, технологическое и этическое регулирование в индустрии метавселенных // Вестник ВГУ. Сер. Право. 2021. № 2 (45). С. 147–163.

⁶ Виртуальное пространство выступает антагонистом физическому, «содержит информационный эквивалент вещей <...>, предполагает наличие некой сконструированной, оформленной, независимой от человека, хотя и данной только в

Отмеченная полисемия не случайна, поскольку за годы существования этого пространства произошли значительные технологические изменения, а сам феномен стал предметом исследования различных гуманитарных, экономических и технических наук. Для некоторых поколений людей виртуальный мир стал обыденной частью окружающей их действительности, что также повлияло и на изменение терминологии. Упоминание об интересующем нас феномене и соответствующий термин нередко можно обнаружить как в зарубежной литературе конца XX в.¹, так и в отечественных научных публикациях начала XXI в.²

Явление выделялось и осмысливалось в науке и с юридических позиций.

Для виртуального пространства характерны свои время и нормы³. Следует отметить, что значительное внимание уделялось вопросам регуляторов в киберпространстве и месту права среди них, например в работах Л. Лессига. В конце XX в. ученый выделил четыре типа регуляторов пространств (в том числе кибер), среди которых отметил не только право, но и иные социальные нормы, рынок (соотношение спроса и предложения) и природу⁴. Под последним ис-

его восприятию реальности, с которой возможно некое взаимодействие». См.: Кирик Т.А. Виртуальная реальность и ее онтологические прототипы: монография. Курган, 2007. С. 41.

- ¹ Этот термин использовал в своем романе «Лавина» (Snow Crash) Нил Стефенсон. Позднее писатель отрицал свою связь с крупной транснациональной корпорацией, которая применяет термин в настоящее время. Следует учитывать, что иной термин, обозначающий аналогичное явление, — «киберпространство» появился еще раньше у У. Гибсона. Его можно встретить сначала в 1982 г. в рассказе «Сожжение Хром», а затем в 1984 г. в романе «Нейромант». См.: King J., Grinter R., Pickering J. The Rise of fall of Netville // Culture of the Internet. Great Britain, Lawrence Erlbaum Associates, 1997. 463 p. p.p. 3–33, P. 4. URL: https://www.google.ru/books/edition/Culture_of_the_Internet/I2gekEf3i3IC?hl=ru&gbpv=1. Под киберпространством понималось пространство, которое не существует в реальности. В нем люди взаимодействуют и общаются друг с другом не физически, а электронно.
- ² Например, термин «виртуальное пространство» приводится в качестве иллюстрации термина, возникновению которого предшествовала метафора. Появление подобных терминов свидетельствует о методологических сдвигах на границе двух и более научных дисциплин, а применительно к социально-гуманитарному знанию — еще и о понятийном заимствовании из естественных и точных наук. См.: Красавин И.Т. Пространство и время: в поисках «естественной антологии» знания // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 90.
- ³ В данном случае мы намеренно избегаем слова «законы», поскольку таковые могут быть экономическими, правовыми, этическими и др.
- ⁴ См.: Lessig L. The Laws of Cyberspace. Draft: April 3, 1998. P. 2.

следователь понимал структуру как определенное ограничение мира, порой созданное иными людьми.

В киберпространстве в качестве структуры рассматривался код (программное обеспечение и устройства, которые формируют его). Это набор протоколов, совокупность правил, имплементированных или закодированных в программном обеспечении самого пространства и определяющих взаимодействие или «существование» в нем людей¹. Хотя действие права в качестве традиционного регулятора не оспаривается, в киберпространстве наиболее значимую роль играет, по мнению Л. Лессига, код.

Правовые ограничения, которые есть в реальном мире, распространяются и на киберпространство (например, очевиден запрет таких деяний, как оскорбления, клевета и др.). В отечественной правовой системе для отношений в цифровой реальности также признается главенствующая роль права и конституции как его базиса². Нормы права должны обеспечить защиту человека «в условиях увеличения виртуальной составляющей» в его жизни³. В литературе также особо подчеркивается необходимость сохранения «доктринальности» традиционных правовых принципов в виртуальном пространстве, в том числе в сфере гражданского судопроизводства⁴.

Право оказывает воздействие на отношения между людьми посредством ряда инструментов, в том числе закрепленных в актах различной отраслевой принадлежности и юридической силы. Виртуальные пространства формируются в сети «Интернет», поэтому охватываются существующим в нем нормативным порядком. В связи с этим в литературе и некоторых из упомянутых выше источниках затрагиваются общие вопросы правового регулирования Интернета в процессе анализа отношений в указанном пространстве.

Множество норм, материальных и процедурных, разных уровней (международного и национального) и видов (частных и публичных),

¹ См.: Lessig. Ibid. P. 4.

² См.: Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. Столичный вып. 2018. 29 мая. № 7578(115) С. 1, 4. Цит. по: Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 29.

³ См.: Filipova I. A. Creating the Metaverse: Consequences for Economy, Society, and Law // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/creating-the-metaverse-consequences-for-economy-society-and-law>

⁴ См.: Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / Н.В. Алексеева, С.Т. Багыллы, А.В. Белякова и др.; отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. М., 2024. С. 138.

включая традиционные юридические нормы и технические стандарты и требования, оказали воздействие на структуру виртуального пространства¹.

Соответственно формируют правопорядок не только публичные, но и частные субъекты, причем результаты воздействия последних бывают более значимыми для реализации прав человека. Публичные субъекты при разработке новых норм должны найти баланс между проектируемым регулированием и ожидаемым вмешательством в гражданский оборот, ведь по мере роста распространения технологий и построенных на их основе продуктов возрастает внимание государства к этому сегменту. При поиске баланса необходимо обеспечить защиту публичного интереса. На ранних этапах был реализован мягкий подход, поскольку необходимо было создать благоприятные условия, в том числе для притока ресурсов, формирования культуры и рынка потребления соответствующих услуг. Сохранение диспозитивных начал в более поздние периоды было обусловлено тем обстоятельством, что избыточно жесткое регулирование могло привести к обратному эффекту, сократить возможности для реализации прав человека и удовлетворения его общественно значимых потребностей.

Наблюдая высокую динамику общественных отношений, юридическое сообщество традиционно отмечает, что «закон становится недостаточно гибким инструментом регулирования быстро изменяющихся общественных отношений, что снижает регулятивный потенциал права и тем самым побуждает искать новые формы доведения правовых норм до адресатов»².

Рассматривая правовые регуляторы в виртуальном пространстве, необходимо учитывать специфику такой их группы, как положения международных договоров. Установленные ими рамки также таргетируют регуляторный ландшафт и соответствующее пространство. Следует обратить внимание, что мягкое право уступает место более консервативной форме — договорам³.

Несмотря на постепенную гармонизацию подходов, виртуальные пространства не станут универсальными, как и их правовое ре-

¹ См.: Kettemann M.C. *The Normative Order of the Internet: A Theory of Rule and Regulation Online*. Oxford, 2020. 382p. P. XVII.

² Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография. М., 2022. С.111.

³ См.: Шумилов В.М., Крайнюкова Л.М. Роль ООН в нормативном противодействии практике транснациональных преступлений террористического характера в информационной сфере // *Московский журнал международного права*. 2020. № 4. С. 34.

гулирование, поскольку варьируются наборы регуляторов, действующих с учетом национальной правовой системы и ее проекции на соответствующей территории. В этом кроется одна из причин их возможной недоступности для отдельных категорий потенциальных пользователей или конкретных лиц.

Суверенность публичного субъекта, его сложный геополитический контекст могут добавлять динамизма в систему международных обязательств и соответствующих ограничений. Кроме того, может довольно сильно варьироваться применение согласованных норм в силу суверенной воли отдельных государств¹.

Большинство людей² не выбирают ограничения в реальном мире и код в виртуальном пространстве, хотя могут выбирать требуемый продукт на конкурентном рынке. Если рынок продукта не конкурентный, то в этом случае может включаться соответствующее национальное регулирование (при его наличии).

В цифровую эпоху в ряде случаев государство может императивно предписывать использование программного продукта, но при отсутствии такового у человека есть возможность выбора — использовать продукт или технологию либо нет. Пользователь принимает условия пользовательского соглашения в этом случае, но не может изменить его. Одновременно пользователь не может изменить условия договора о предоставлении услуг (как правило, договоры присоединения), обеспечивающих подключение к сети и, соответственно, доступ к продукту. В результате возникает ряд договоров — своеобразная цепь, которой оказывается скован потребитель, поскольку каждый договор накладывает определенные обязательства на человека. Причем специальный порядок разрешения споров, предусмотренный этими договорами, еще более ограничивает потребителя в реализации его прав.

Побудить владельца продукта изменить условия пользовательского соглашения потребитель чаще всего не может, но способен это сделать законодатель³ или суд, причем иной юрисдикции (работчика или других групп пользователей при коллективном ис-

¹ В частности, ряд обязательств был принят государствами в связи с необходимостью обеспечения прав в условиях цифровых реалий. См., например, упоминаемые в Рекомендациях Совета Европы — Guidelines to respect, protect and fulfil the rights of the child in the digital environment. Recommendation CM/Rec(2018)7 of the Committee of Ministers. P. 28–29.

² Исключение составляют случаи его намеренного преобразования в противоправных целях.

³ Если его функции делегированы иному лицу, например ассоциации частных субъектов в определенной сфере, то это лицо исполняет их.

пользовании продукта)¹. В этом случае у пользователя есть возможность выбора — продолжать использовать продукт и принять изменения или не принимать их, утратив право на использование продукта (его последующей модификации). Применение продукта сковывает пользователя соглашением и соответствующими условиями.

Международными и национальными нормами связаны в определенной степени разработчики и дистрибьюторы новых продуктов, равно как распространяется на них регулирование, ориентированное частными субъектами, обладателями прав на базовые продукты и технологии.

Еще один значимый для реализации прав граждан в виртуальном пространстве аспект — это экономическая доступность продуктов, предоставляемых на возмездной основе, а также случаи интеграции продукта с различными цифровыми финансовыми сервисами (вход/выход из виртуальной валюты в фиат), зависящей от валютного регулирования, регулирования денежного обращения и системы платежей, блока регулирования, направленного на противодействие легализации и отмыванию денежных средств. В условиях усиливающихся внешних ограничений доступ к продукту может быть затруднен или невозможен в связи с невыполнимостью его оплаты.

Таким образом, жизнь в виртуальном пространстве — объект регулирования кода, в реальном мире — объект, регулируемый ограничениями. Суть ограничений кода в виртуальном пространстве меняется, но они постоянно существуют.

Воспевавшаяся и декларирувавшаяся на ранних этапах формирования виртуального пространства свобода в нем, как и в сети «Интернет», иллюзорна. Не случайно, еще на ранних этапах его зарождения отмечалась опасность превращения свободы в контроль, а само оно рассматривалось как наиболее полно и широко регулируемое из когда-либо известных человечеству².

Сеть «Интернет» не обладает природой как таковой, но у нее есть код, который является одним из возможных для реализации.

¹ Например, в 2023 г. компания Microsoft внесла изменения в пользовательское соглашение в соответствии с требованиями Кодекса Австралии о защите прав потребителей телекоммуникационных услуг, гарантирующие для потребителя его право взаимодействовать с компанией через уполномоченного представителя или адвоката. URL: <https://www.microsoft.com/en-in/servicesagreement/upcoming-updates>

² См.: Lessig. Ibid. P. 3–4.

В этом смысле отсылки в судебных актах к природе этого явления для обоснования невозможности регуляции некорректны¹.

Код создается на основе заказа конкретного лица, в котором уже определены концептуальные основы как сети в целом, так и продуктов, функционирующих в ней. Аналогичное справедливо и в отношении производных продуктов. Помимо прямых предписаний, адресованных пользователю, право может воздействовать на заказчика и разработчика, тем самым задавая первому модель поведения и, соответственно, косвенно направляя его². Реализовываться это может посредством регулирования доступа и идентификации, дифференциации функционала пространства. Одновременно регулирование может осуществляться провайдером соответствующих услуг посредством ограничения доступа к ресурсам.

Киберпространство, согласно Л. Лессигу, регламентируется несколькими закономерностями, в числе которых право³. Код превращается в полноценного «суверена», создающего свое регулирование. В обществе перманентно существует запрос на «некий «золотой ключ», который позволит найти ответ на сложные загадки противоречивого соотношения субъективных и объективных законов»⁴. В связи с этим отмечается потребность в выработке базовых подходов в целях гарантий соблюдения прав и свобод в сети.

В литературе выделяется специальным образом такая разновидность виртуального пространства, как метавселенная⁵, под которой предлагается понимать «коллективное виртуальное пространство, объединяющее физическую, дополненную и виртуальную реальность»⁶, «парадигму Интернета нового поколения, направленную на создание общего самоподдерживающегося виртуального социального пространства, характеризующегося признаками иммерсивности и многомерности»⁷, «суперэкосистему виртуальной реальности, сочетающую в себе функционирование различных технологий

¹ Lessig. Ibid. P. 9–10.

² Lessig. Ibid. P. 6.

³ Lessig L. Ibid. P. 16.

⁴ Тихомиров Ю. А. Законы общества и окружающего мира: монография. М., 2023. С. 115.

⁵ См.: Ситников М.С. К вопросу о проблеме использования лицензионного договора в рамках метавселенных // Цивилист. 2023. № 2. С. 21–25.

⁶ См.: Лескина Э.И. Указ. соч.

⁷ Wang Y., Su Z., Zhang N. [et al.]. A Survey on Metaverse: Fundamentals, Security, and Privacy // arXiv:2203.02662v4. Цит. по: Лескина Э.И. Указ. соч.

(искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность, блокчейн, Интернет вещей и т.д.)»¹, «параллельную цифровую реальность (глобальную цифровую платформу) <...>, в которой постоянно будут находиться люди»².

Соответственно, если рассматривать виртуальное пространство в узком смысле, как универсум, созданный человеком в сети «Интернет», то таковых может быть довольно много³, цели создания и использования также могут варьироваться и влиять на характер и содержание возникающих отношений. В публикациях можно встретить следующий перечень существующих метавселенных⁴: Horizon Worlds; Ceek city; Baidu Xi Rang; метавселенная Facebook (деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram на территории России запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности); Decentraland — метавселенная, работающая на блокчейне Ethereum; Аргона (метавселенная); Roblox, метавселенная ВДНХ⁵.

Как сложный продукт, существующий в сети, метавселенные также охвачены действием ряда регуляторов, включая специфические, обусловленные особенностями их контента. Современные государства постепенно определяются с набором регуляторов, применимых для адаптации продуктов транснациональных компаний к реалиям национальных правовых систем. Высказываются идеи создания внутренних инспекций в таких пространствах, которые позволяют оперативного реагировать на нарушения, но в этом случае необходимо «вторжение» в код продукта, созданного и используемого частным субъектом, со стороны публичного субъекта (могут потребоваться коррекция в существующих продуктах и учет новых

¹ Ruoyu Zh., Yushu Zh., Youwen Zh. [et al.]. Metaverse: Security and Privacy Concerns // Journal of latex class files. 2021. Vol. 14. Iss. 8. P. 1–7. Цит. по: Лескина Э.И. Указ. соч.

² См.: Филипова И.А. Прямая и представительная демократия в эпоху цифровых технологий // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 32–36.

³ Автором осознанно не используется слово «бесконечно».

⁴ URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_\(metaverses\)#.D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BE.D0.BF.D1.83.D0.B1.D0.BB.D0.B8.D0.BA.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB_.D0.B4.D0.BE.D1.80.D0.BE.D0.B6.D0.BD.D1.83.D1.8E_.D0.BA.D0.B0.D1.80.D1.82.D1.83_.D1.80.D0.B0.D0.B7.D0.B2.D0.B8.D1.82.D0.B8.D1.8F_.D0.BC.D0.B5.D1.82.D0.B0.D0.B2.D1.81.D0.B5.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D1.85](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_(metaverses)#.D0.9A.D0.B8.D1.82.D0.B0.D0.B9_.D0.BE.D0.BF.D1.83.D0.B1.D0.BB.D0.B8.D0.BA.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BB_.D0.B4.D0.BE.D1.80.D0.BE.D0.B6.D0.BD.D1.83.D1.8E_.D0.BA.D0.B0.D1.80.D1.82.D1.83_.D1.80.D0.B0.D0.B7.D0.B2.D0.B8.D1.82.D0.B8.D1.8F_.D0.BC.D0.B5.D1.82.D0.B0.D0.B2.D1.81.D0.B5.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D1.85)

⁵ URL: <https://metamsk.mos.ru/>

§ 4. Гибкие «цепи» национальных и международных регуляторов

требований в создаваемых). На региональном уровне также обсуждаются вопросы выработки гармонизированных подходов.

В заключение можно сделать следующие выводы. В виртуальном пространстве при его широком понимании действуют правовые регуляторы — частные и публичные, различной отраслевой принадлежности. Принимая во внимание трансграничный характер сети «Интернет», в виртуальном пространстве реализуется потенциал не только национального права (нередко двух государств и более), но и международного.

Виртуальное пространство подвергается постоянному динамичному и нередко нескоординированному воздействию регуляторов, применяемых как публичными, так и частными субъектами, причем последние могут существенно изменять его для одного или нескольких субъектов, в том числе лишая права доступа в соответствии с нормативными предписаниями публичных субъектов, находящихся вне его территории.

Сотрудничество государств, консолидация усилий могут позволить выработать унифицированные регуляторы и механизмы принуждения, создать действенные гарантии соблюдения прав и законных интересов людей.

Глава II

ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

§ 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ

Информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в.¹ Постоянное увеличение их количества определяет повышение их общественной значимости, необходимость исследования порядка их создания, функционирования, правовых режимов и выявления перспектив совершенствования, правового регулирования соответствующих отношений. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что «развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства»². Это определяет особую актуальность рассматриваемого вопроса.

Исследование правовой природы того или иного процесса либо явления, как правило, имеет целью дать исчерпывающую характеристику рассматриваемым общественным отношениям. Поэтому прежде всего определимся с терминами.

Следует отметить, что понятие «информационные технологии» было заимствовано юридической наукой из технических наук во многом без учета особенностей формирования юридического понятия аппарата³.

¹ См.: Окинавская хартия глобального информационного общества (принята на о. Окинава 22 июля 2000 г.).

² Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³ См.: Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975.

Выводы, касающиеся вопроса заимствования понятий из технических наук, изложены в статье,¹ в которой проанализированы различные точки зрения ученых относительно понятий «информационные технологии» и «информация».

Однако акцентируем внимание на термине «цифровые данные»², который был введен благодаря изменениям, внесенным в Конституцию РФ в 2020 г., а с учетом того, что на смену национальной программе «Цифровая экономика» идет национальный проект «Экономика данных», определение данного термина является приоритетным. Продолжаем отстаивать мнение: нельзя согласиться с утверждением, что термин «информация» практически не используется в принимаемых нормативных правовых актах и заменен термином «данные»³.

Это подтверждается и тем, что именно термин «информация» лежит в основе и закона о связи⁴, и закона об информации⁵, а также ряда подзаконных актов, например в основе Правил оказания услуг связи по передаче данных⁶.

Рассматривая определение «информационные технологии», которое дается в законе об информации⁷, можно сделать вывод, что это процессы, целью которых является преобразование информации (сбор, хранение, обработка и передача). Однако, обсуждая вопрос о порядке создания, функционирования и правовых режимах информационных технологий, важно в первую очередь определить, что является цифровой технологией. Как уже было отмечено⁸, согласно Правилам предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку программ деятельности лиди-

¹ См.: Савченко Е.А. Юридическая природа информационных технологий: порядок создания, функционирование, правовые режимы // Черные дыры в российском законодательстве. 2023. № 2. С. 24–29.

² Любая информация, обрабатываемая или хранимая на компьютере.

³ См.: Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. М.: ИЗИСП; НОРМА, 2022. С. 95.

⁴ См.: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи».

⁵ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2021 г. № 2606 «Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных».

⁷ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁸ См.: Савченко Е.А. Указ. соч.

рующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий под «сквозной цифровой технологией» понимается часть технологического процесса производства товаров, оказания услуг и выполнения работ, которая включает в себя: совокупность процессов и методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации¹.

Сопоставляя это определение с определением информационных технологий, данным выше, можно сделать вывод, что под «сквозной цифровой технологией» понимается совокупность информационных технологий, которая рассматривается как часть технологического процесса производства товаров, оказания услуг и выполнения работ.

Модификация общественных отношений, вызванная появлением новых информационных технологий, требует совершенствования и создания юридической формы. Одним из наиболее сложных является такой элемент юридической формы, как правовой режим. Отсюда все чаще возникает необходимость всестороннего анализа категории «правовой режим информационных технологий».

Научная и практическая значимость данной проблемы определяется тем, что в условиях, сложившихся сегодня в Российской Федерации, требуются обновленные правовые режимы, отвечающие духу времени, связанные со становлением новых социально-юридических состояний². Поэтому, переходя к рассмотрению пра-

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 3 мая 2019 г. № 551 «О государственной поддержке программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий» (вместе с Правилами предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий, Положением о проведении конкурсного отбора на предоставление государственной поддержки программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий).

² См.: Малько А.В. Категория «правовой режим» в общей теории права: вопросы теории и практики // Оценка правовых режимов: подходы и методы: сборник научных трудов. Красноярск, 2018.

новых режимов информационных технологий, вспомним, как раскрывалось понятие «правовой режим» разными учеными.

Например, С.С. Алексеев трактовал правовой режим как «порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования»¹.

Напомним, что правовые средства — это «институционные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, его энергию, которым принадлежит роль ее активных центров»².

По мнению А.В. Малько, правовой режим — это «особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права»³.

Правовые режимы характеризуются следующими признаками: устанавливаются законодательством; регламентируют конкретные области общественных отношений; состоят из совокупности юридических средств⁴.

Выдающийся ученый И.Л. Бачило⁵ считает, что при применении правового режима к конкретным областям отношений главным становится императивное установление определенного поведения всех субъектов в этой предметной области; также «большое значение имеет законодательное закрепление основных средств воздействия, используемых правовым режимом. Особую роль в его функционировании играют такие юридические средства, как стимулы и ограничения»⁶.

¹ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. С. 185.

² Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

³ Малько А.В., Саломатин А.Ю. Теория государства и права: учебное пособие / предисл. А.Г. Лисицына-Светланова. 2-е изд. М.: РИОР; Инфра-М, 2014. С. 176.

⁴ См.: Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 19.

⁵ См.: Талапина Э.В., Жарова А.К. Иллариya Лаврентьевна Бачило — основоположник информационного права в России // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/illariya-lavrentievna-bachilo-osnovopolozhnik-informatsionnogo-prava-v-rossii>

⁶ Бачило И.Л. Актуальные проблемы информационного права / под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М.: Юрайт, 2016.

По мнению профессора П.У. Кузнецова, режим правового регулирования общественных отношений в информационной сфере является центральным инструментом информационного права¹.

Однако, анализируя Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации), нужно согласиться, что «положения, непосредственно посвященные информационным технологиям, фактически сводятся к статье 12 (государственное регулирование в сфере информационных технологий), которая носит весьма общий характер и практически не содержит в себе регулятивных норм»².

Важнейшим условием эффективности права является соответствие законодательства достигнутому уровню социально-экономического развития. Отставание законодательства от него, обусловленная данным обстоятельством неполнота или противоречивость регламентации общественных отношений создают опасность возникновения не предусмотренных действующими правовыми нормами процессов, которые оказывают самое негативное влияние на общественное устройство³.

В этих целях был разработан Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», подразумевающий установление системного механизма тестирования в реальных правоотношениях путем экспериментальных правовых режимов, которые позволяют осуществлять гибкий подход к регулированию деятельности в сфере новых информационных технологий.

Правовой основой регулирования отношений в области создания информационных технологий является Гражданский кодекс РФ, который определяет, что по договору на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ исполнитель должен разработать образец нового изделия или новую технологию, а также техническую и (или) конструкторскую документацию на них, а заказчик обязан принять работу и оплатить ее (ст. 769). Однако, говоря о новых информационных технологиях, мы не можем не отметить и договоры, направленные на отчуждение (переход) исключи-

¹ См.: Кузнецов П.У. Теоретические основания информационного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

² Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М.: Статут, 2015.

³ URL: <https://izak.ru/upload/iblock/e12/dissertatsiya-10.07.2021.pdf>

тельных прав (ст. 1234 ГК РФ), договоры о предоставлении прав использования объектов интеллектуальной собственности: лицензионный договор (ст. 1235 ГК РФ), договор коммерческой концессии (ст. 1027 ГК РФ), договоры, направленные на создание объекта интеллектуальной собственности (ст. 1288 ГК РФ), но это должно являться темой отдельного исследования. Например, для разработки технологии искусственного интеллекта требуются:

– большие объемы данных, которые, в свою очередь, используют распределенные системы хранения данных (лицензиар предоставляет лицензиату право доступа к облачному хранилищу);

– выбор алгоритма и модели для решения поставленной задачи (договор на разработку программного кода, алгоритма и т.д. с последующей передачей исключительного права);

– обучение модели на основе анализа данных и выявленных закономерностей;

– тестирование и внедрение модели;

– мониторинг, выявление возможных проблем и необходимость внесения изменений для корректировки или обновления модели в целях улучшения ее работы.

Раскрывая вопрос о второй группе общественных отношений, в которых участвуют сквозные «цифровые технологии», прежде всего нужно отметить федеральный проект «Цифровые технологии»¹, который включен в состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Федеральный проект «Цифровые технологии» делает акцент на разработке «дорожных карт» по следующим технологиям:

1) искусственный интеллект, робототехника и большие данные;

2) системы распределенного реестра;

3) квантовые технологии;

4) новые производственные технологии (Интернет вещей, облачные сервисы, «цифровой двойник», технологии «умного» производства);

5) промышленный интернет;

6) технологии беспроводной связи;

7) виртуальная и дополненная реальность.

Поскольку «дорожные карты» должны обеспечивать развитие группы технологий, не все из них были приняты. Например, карты

¹ См.: Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии» (утвержден президентом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9).

по промышленному интернету и новым производственным технологиям были доработаны на базе одной карты «новые производственные технологии».

Рассматривая данный вопрос, нельзя не отметить и Концепцию регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года¹, в соответствии с которой объектом регулирования отрасли квантовых коммуникаций являются общественные отношения, возникающие в сфере квантовой связи и квантовой криптографии. Акцентируется необходимость разработки оптимального правового регулирования, которое включает в себя поэтапное закрепление понятийного аппарата отрасли квантовых коммуникаций в нормативных правовых актах Российской Федерации и документах по стандартизации:

– первый этап — внесение изменений в нормативно-техническую базу в области квантовых коммуникаций;

– второй этап — внесение изменений в законодательство Российской Федерации в области связи, информации, информационных технологий и защиты информации.

К цифровым технологиям также относятся, например, цифровые технологии идентификации и аутентификации, в том числе разработанные на основе биометрических персональных данных². Как мы видим, перечень является открытым, что представляет собой основную причину, из-за которой нельзя детально урегулировать новые информационные технологии.

Очевидно, что в различных актах по-разному определяется даже сам набор цифровых технологий.

Например, согласно Концепции технологического развития на период до 2030 года³ в перечень сквозных технологий включены:

- 1) технологии обработки и передачи данных;
- 2) искусственный интеллект;
- 3) технологии хранения и анализа больших данных;
- 4) технологии распределенных реестров;
- 5) нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальностей;

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 11 июля 2023 г. № 1856-р «Об утверждении Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года».

² См.: Указ Президента РФ от 30 сентября 2022 г. № 693 «Об определении организации, обеспечивающей развитие цифровых технологий идентификации и аутентификации».

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года».

§ 1. Правовая природа информационных технологий: порядок создания...

- б) квантовые вычисления и квантовые коммуникации;
- 7) новое индустриальное и общесистемное программное обеспечение;
- 8) геоданные и геоинформационные технологии;
- 9) технологии доверенного взаимодействия;
- 10) современные и перспективные сети мобильной связи.

Кроме того, мнения ученых различны и в отношении перечня информационных технологий, что также не позволяет установить четкие границы правового регулирования.

Например, по мнению члена-корреспондента РАН Ю.М. Батурина, в концепцию «четвертой промышленной революции» входит сочетание таких информационных технологий, как:

- 1) искусственный интеллект;
- 2) робототехника;
- 3) суперкомпьютеры;
- 4) большие данные;
- 5) машинное обучение;
- 6) облачные технологии;
- 7) 3D-печать;
- 8) Интернет вещей и нейро-информационные технологии»¹.

Нужно согласиться, что «мы просто не успеваем за развитием информационных технологий».² В том числе и законодательно... Настоящее время характеризуется трансформацией «принципа верховенства закона, когда законодатель допускает введение разного рода отклонений от законодательных установлений для решения определенных прикладных задач»³.

Выводы.

1. Правовая природа информационных технологий характеризуется организованной совокупностью методов, средств и действий, обеспечивающих целесообразное качественное преобразование одних видов информации в другие.

Правовую природу информационных технологий определяют две группы общественных отношений, регулируемых нормами права.

К первой группе относятся отношения, которые уже получили название информационных, т.е. связанных с оборотом информа-

¹ Батурин Ю.М. От Интернета до виртуальной Земли и метавселенной (краткая история информационных технологий на критическом рубеже). М.: ИИЕТ РАН; Саратов: ООО «Амирит», 2022.

² Там же.

³ Харитоновна Ю.С., Сунь Ци. Цифровизация общественных отношений и верховенство закона: опыт переосмысления в России и Китае // Гражданское право. 2022. № 2. С. 3–8.

ции — ее созданием, распространением, использованием, хранением и уничтожением. А вторую группу образуют общественные отношения, в которых участвуют новейшие средства коммуникации и программного обеспечения, т.е. сквозные информационные технологии.

2. Информационные технологии можно представить совокупностью четырех основных способов преобразования информации: сбора, хранения, обработки и передачи.

3. Методами информационных технологий являются методы обработки и передачи информации, которые в большинстве своем сводятся к обработке текстовых, числовых и графических данных.

4. Правовой режим информационных технологий можно определить как закрепленный в правовых нормах комплекс юридических средств воздействия на общественные отношения, которые возникают при создании и использовании информационных технологий.

5. Мнения ученых различны в отношении перечня информационных технологий, что не позволяет установить четкие границы их правового регулирования. Поэтому регламентирование новых информационных технологий характеризуется существующими нормами только частично и в основном определяется добровольным саморегулированием и внедрением инструмента мягкой силы, что дает возможность достичь консенсуса в вопросах выработки единых стандартов при создании и использовании технологий.

§ 2. ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Процесс цифровизации, широкое применение новых цифровых технологий как в сфере бизнеса, так и в государственном управлении ставят перед правовой наукой большое количество вопросов, требующих решения. Среди них — блок проблем, связанных с появлением и активным включением практически во все сферы жизни цифровых платформ (digital platforms). Более того, цифровые платформы имеют настолько высокую значимость, что в экономической и юридической литературе активно рассматриваются не просто использование цифровых платформ, а «переход к платформенной экономике»¹, особенности платформенной бизнес-модели

¹ См.: Экосистемы: подходы к регулированию: доклад Банка России для общественных консультаций. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf

и модели управления¹. Авторы аналитического доклада НИУ ВШЭ отмечают, что «набирает обороты процесс формирования платформенной экономики — новая парадигма социально-экономического развития, напрямую связанная с распространением цифровых платформ и экосистем»².

Особенности и преимущества платформенной модели ведут к качественной перестройке как бизнеса, так и государственного управления. Платформенный подход становится ведущим практически во всех сферах. Задача создания цифровых платформ и их функционирования заложена Правительством Российской Федерации, утвердившим Концепцию создания цифровой аналитической платформы³, предусмотренную Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁴ и планом мероприятий федерального проекта «Цифровое государственное управление»⁵ национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁶.

Что касается цифровых платформ, здесь чаще говорят о платформенной бизнес-модели, однако цифровые платформы создаются и функционируют как в публичной, так и в частноправовой сферах. В связи с этим требуют ответа такие вопросы, как понятие цифровой платформы, правовая сущность цифровых платформ, виды цифровых платформ, различия в зависимости от сферы использования, необходимость (или отсутствие необходимости) в правовом регулировании отношений, связанных с созданием и функционированием платформ.

¹ См.: Карцхия А.А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. 2020. № 4. С. 22–26. DOI: 10.18572/2070-2140-2020-4-22-26.

² Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, А.В. Демьянова и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Б.М. Глазкова, П.Б. Рудника, Г.И. Абдрахмановой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. ISBN 978-5-7598-3001-6.

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 17 декабря 2019 г. № 3074-р «Концепция создания цифровой аналитической платформы» // СПС «Консультант-Плюс».

⁴ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>

⁵ См.: Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление». URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf>

⁶ См.: Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/activity/directions/858/>

В настоящее время на территории Российской Федерации функционируют несколько десятков цифровых платформ (точный подсчет не производили) как в сфере бизнеса, так и в государственном управлении. Сложность в более точном определении количества действующих цифровых платформ связана, в частности, с тем, что отсутствуют как общее определение цифровых платформ, так и критерии, по которым ту или иную систему следует отнести к цифровой платформе.

Как правило, в имеющихся определениях цифровых платформ присутствует отсылка к информационным системам. Так, например, Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ определяет инвестиционную платформу как информационную систему в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используемую для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы.

В Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) «О национальной платежной системе» новая глава 4.2 (введена Федеральным законом от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ) посвящена регламентации функционирования платформы цифрового рубля, которая также рассматривается как информационная система. Там же дано определение платформы цифрового рубля: это «информационная система, посредством которой в соответствии с правилами платформы цифрового рубля взаимодействуют оператор платформы цифрового рубля, участники платформы цифрового рубля и пользователи платформы цифрового рубля в целях совершения операций с цифровыми рублями».

Определения цифровых платформ существуют и на подзаконном уровне. Так, уже из названия постановления Правительства Российской Федерации от 7 июня 2022 г. № 1040 «О федеральной государственной информационной системе «Единая цифровая платформа «Национальная система пространственных данных» (далее — постановление № 1040) видно, что цифровая платформа рассматривается в нем как информационная система.

¹ СПС «КонсультантПлюс».

В Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2022 г. № 3102-р, данная платформа представлена как цифровая экосистема создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем, включающая в себя единую программно-аппаратную среду, цифровые продукты, информацию, информационные технологии, государственные информационные системы, необходимые для реализации функций платформы «ГосТех», а также совокупность нормативных правовых, организационных, методологических правил и процедур, обеспечивающих деятельность участников отношений, возникающих в связи с созданием и функционированием платформы.

Минэкономразвития России разработало Концепцию общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». Учитывая направленность и сферу применения Концепции, цифровая платформа рассматривается в данном документе как «бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства»¹.

Еще одно определение цифровой платформы приводится в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 г. и период 2024 и 2025 годов², разработанных Банком России. Согласно данному определению цифровая платформа представляет собой информационную систему, работающую через сеть «Интернет», которая обеспечивает взаимодействие участников платформы, позволяя им создавать и обмениваться ценностями.

Как видим, имеются как различия в определении цифровых платформ, так и общие черты. При этом различия в первую очередь связаны со сферой функционирования цифровой платформы.

Круг субъектов цифровых платформ в названных нормативных правовых актах совпадает не полностью. Так, в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указаны: оператор инфор-

¹ URL: <https://economy.gov.ru> (по состоянию на 28 мая 2021 г.)

² Вестник Банка России, 2022, № 63.

мационной системы, бенефициарный владелец, пользователи, операторы обмена цифровых финансовых активов.

Постановление № 1040 к участникам информационного взаимодействия в рамках цифровой платформы относит: поставщиков информации; пользователей; оператора системы. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) «О национальной платежной системе» в круг субъектов включает оператора платформы цифрового рубля, участников платформы цифрового рубля и пользователей платформы цифрового рубля.

Как видим, в обязательном порядке в качестве субъекта присутствует оператор цифровой платформы, а также другая сторона, которую можно назвать пользователем цифровой платформы и у которой возможны различные статусы, что доказывают приведенные примеры. В любых вариантах одним из главных субъектов рассматриваемых отношений является оператор цифровой платформы (он же может быть одновременно и владельцем цифровой платформы). Применительно к сфере бизнеса оператора цифровой платформы часто рассматривают как посредника¹.

Пользователи платформ в сфере бизнеса представляют собой две (в некоторых случаях более) различных по статусу группы субъектов, но в любом случае принято выделять поставщиков и потребителей тех или иных товаров и услуг, реализующих свои потребности с помощью цифровой платформы. В государственном секторе присутствует и оператор цифровой платформы, а другими участниками отношений выступают граждане и юридические лица, органы государственной и муниципальной власти, а также структуры, уполномоченные на оказание определенных государственных (муниципальных) услуг.

В отношении отдельных государственных платформ в соответствующем нормативном правовом акте круг участвующих субъектов может быть раскрыт более подробно. Так, относительно платформы «ГосТех» в постановлении Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2022 г. № 2194² в качестве участвующих субъектов указаны:

– пользователи платформы «ГосТех», к которым отнесены государственные органы и внебюджетные фонды, обеспечивающие создание, развитие и эксплуатацию государственных информаци-

¹ См.: Гелисхаманова И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. № 6. Т. 11. С. 25.

² СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. IV). Ст. 8913.

онных систем на платформе «ГосТех» и (или) использование цифровых продуктов платформы «ГосТех», а также иные лица, уполномоченные на осуществление мероприятий по созданию, развитию, эксплуатации государственных информационных систем;

– поставщики платформы «ГосТех», к которым отнесены юридические и физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, предоставляющие цифровые продукты на платформе «ГосТех»;

– участники команды разработки — представители пользователя платформы «ГосТех», а также представители поставщика, подрядчика, исполнителя, привлеченного пользователем платформы «ГосТех» к созданию, развитию, эксплуатации государственных информационных систем на платформе «ГосТех».

Разумеется, в данной структуре присутствует и оператор платформы. По сути, это обязательный субъект складывающихся отношений, занимающий особое место среди участвующих субъектов. Оператор цифровой платформы осуществляет эксплуатацию платформы, он может быть собственником технических средств, посредством которых обрабатывается информация, либо лицом, которому собственником поручена эксплуатация этих технических средств¹.

В законодательстве, регулирующем предпринимательскую сферу, среди операторов цифровых платформ принято выделять торгового агрегатора (агрегатор информации о товарах и услугах или оператор маркетплейса). Правовые основы статуса такого оператора цифровой платформы установлены в том числе Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (с последующими изменениями). Оператора маркетплейса, как правило, рассматривают в качестве информационного посредника в связи с тем, что:

- на его сайте размещаются товарные предложения других лиц;
- обеспечен свободный доступ к агрегируемой информации;
- существует возможность заключить договор купли-продажи или оказания услуг на основе этих предложений;
- обеспечена возможность оплаты (предоплаты).

В юридической литературе уточняется, что «агрегатором информации о товарах и услугах является не любой посредник, предоставляющий свою онлайн-платформу для сотрудничества с продавцами (исполнителями) и покупателями (заказчиками), а лишь тот,

¹ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

кто одновременно с этим обеспечивает прием предоплаты за товары и услуги»¹. Следует уточнить, что в любом случае это лицо является оператором цифровой платформы.

Этот вид цифровых платформ имеет ряд особенностей в правовом регулировании, поскольку их оператор способен оказывать влияние на конкуренцию, на товарный рынок и, по сути, обеспечивать монополистическую деятельность. В связи с этим Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»² (далее — Закон № 301-ФЗ) Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» дополнен ст. 10.1 «Запрет на осуществление монополистической деятельности хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой», вступившей в силу с 1 сентября 2023 г.

Такой запрет действует при наличии в совокупности следующих условий:

— сетевой эффект дает возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке, на котором сделки совершаются посредством цифровой платформы, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять им доступ на этот товарный рынок;

— доля сделок, совершаемых между продавцами и покупателями посредством цифровой платформы, превышает в стоимостном выражении 35% общего объема сделок, совершаемых на соответствующем товарном рынке;

— выручка владельца цифровой платформы за последний календарный год превышает 2 млрд руб.

Одним из условий является так называемый сетевой эффект, определение которого введено Законом № 301-ФЗ. Под сетевым эффектом понимается свойство товарного рынка (товарных рынков), при котором потребительская ценность программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров (речь идет о цифровой платформе), изменяется в зависимости от изменения количества таких продавцов и покупателей. Иными словами, значимость и эффективность цифровой платформы непосредственно связана с

¹ Бычков А.И. Агрегаторы и маркетплейсы // Экономико-правовой бюллетень. 2019. № 12.

² СПС «КонсультантПлюс».

сетевым эффектом, обусловленным количеством ее участников (пользователей).

Применительно к государственным цифровым платформам такое качество, как сетевой эффект, не рассматривается и не присутствует. Соответственно, сетевой эффект не является общей для всех цифровых платформ характеристикой.

На основании изложенного к общим характеристикам цифровых платформ полагаем возможным отнести следующие:

- цифровая платформа представляет собой информационную систему с необходимыми сервисами;
- созданы единая информационная среда и соответствующая информационно-технологическая инфраструктура;
- цифровая платформа обеспечивает взаимодействие различных субъектов — участников платформы;
- цифровая платформа позволяет удовлетворять потребности и оказывать услуги участникам платформы;
- цифровая платформа обеспечивает устранение территориальных барьеров.

В ряде публикаций отмечается как отличительная особенность «взаимовыгодность отношений участников платформы»¹. Однако указанное качество свойственно не всем цифровым платформам, а только тем, которые функционируют в бизнес-среде. В оценке государственных цифровых платформ более важны такие их характеристики, как удобство, доступность и оперативность получения услуги.

Уяснению свойств и характеристик цифровых платформ способствует их классификация, которую можно проводить по различным критериям. Так, как уже говорилось, по принадлежности их можно разделить на государственные и негосударственные, от чего во многом зависит направленность их деятельности. По кругу пользователей и доступу к сервисам платформы делятся на закрытые и открытые (общедоступные)². По направленности деятельности и сфере функционирования создаются цифровые платформы: платежно-расчетные, инновационные, торговые, инвестиционные и др.

¹ См.: Батрова Т.А., Пешкова (Белогорцева) Х.В., Баранов И.В., Ротко С.В., Беляев М.А., Тимошенко Д.А. Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2021.

² См.: Основные направления развития развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов.

Широкое применение цифровых платформ ставит вопрос о необходимости их комплексного правового регулирования. Однозначного ответа на него нет. Кроме того, необходимо учитывать, что довольно много проблем уже урегулировано действующим законодательством. Представляется в настоящий момент оправданной точка зрения, согласно которой «регулирование цифровых платформ не требует создания специального законодательства как обособленного правового массива»¹. Действительно, в ряд федеральных законов в последние годы внесены изменения, регламентирующие деятельность цифровых платформ в той или иной сфере, в первую очередь в финансовой, в сфере оказания государственных услуг; введена административно-правовая ответственность за нарушение антимонопольного законодательства. Во многих сферах государственного управления создаются и уже действуют цифровые платформы в рамках установленного правового регулирования.

Вместе с тем цифровые платформы — новое для права явление, и далеко не все вопросы их создания и функционирования решены. Некоторые проблемы становятся все более актуальными. На данный момент наиболее остро стоят вопросы о защите персональных данных и об обеспечении конкуренции. Применительно к персональным данным цифровые платформы аккумулируют пользовательские данные, т.е. данные, характеризующие пользовательское поведение участников, их предпочтения и интересы, что впоследствии используется в таргетированной рекламе и даже позволяет предлагать разным потребителям одни и те же товары и услуги по разным ценам. При этом такая разница может быть более чем существенной.

Большой интерес для коммерции наряду с персональными данными представляет и накапливаемая цифровыми платформами информация о товаре или услуге, знание и использование которой создают существенные преимущества, позволяют закрыть конкуренту доступ к рынку, заменить его продукт, предлагаемый пользователям, своим или установить дискриминационные условия доступа. Решения судебных органов по таким вопросам уже имеются в российской практике². Дальнейшее правовое регулирование функционирования цифровых платформ требует изучения как российскими практиками, так и специалистами других стран.

¹ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. М.: ИЗИСП; НОРМА, 2022.

² См., например: Kaspersky и Microsoft, Kaspersky и Apple.

§ 3. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИСКУССТВЕННЫХ УСТРОЙСТВ (РОБОТЫ, ИНТЕРНЕТ-ВЕЩИ, 3D-ПРИНТЕРЫ, БЕСПИЛОТНИКИ И Т.П.)

Общество всегда изобретало различного рода технологические устройства, которые по мере развития науки и техники становились более сложными. Это стало особенно заметно после создания компьютера, а впоследствии с усовершенствованием и применением технологий искусственного интеллекта. При этом с каждым новым устройством в правовой науке возникали научные споры об их правовой идентификации, а для права как социального регулятора является важным установление их юридической природы¹.

Ретроспективно это можно продемонстрировать на автомобильном транспортном средстве, параллельно с активным использованием создавались новые правовые требования для эксплуатации, так как существовала вероятность нанесения вреда здоровью человека. Так, основной целью принятия Международной конвенции относительно передвижения автомобилей 1909 г.² было установление для всех государств минимальных требований к автомобилям и их водителям для того, чтобы они могли быть допущены к переезду из одной страны в другую (определенный род и качество системы тормозов, управления и сигнализации, система знаков, которая указывала бы на «национальность» автомобиля и т.д.; определенный возраст и квалификация водителей). В Международной конвенции, касающейся передвижения автомобилей 1926 г.³, содержались специальные положения о форме, размерах дорожных знаков и местах их установки, так как условия, которые сложились к 1926 г., потребовали изменить подход к автомобилю на международном уровне: от понимания передвижения одних только автомобилей (как это было в Конвенции 1909 г.) к осознанию его в качестве сложного и многокомпонентного явления, определяемого уже

¹ См.: Халтурин А.Н. Право как социальный регулятор // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 76–82.

² См.: Международная конвенция относительно передвижения автомобилей от 28 сентября 1909 г. // Известия Министерства иностранных дел. СПб., 1912. Кн. I. С. 1–29.

³ URL: <https://base.garant.ru/2540348/>

как «автомобильное движение», в котором принимают участие многие субъекты¹.

Текущий этап развития общества характеризуется все более активным созданием технологических устройств и трансформацией общественных отношений. Наиболее удачное разделение устройств предложили Клейтон М. Кристенсен и Джозеф Л. Боу. Они предположили, что существуют два вида устройств²: одни модернизируют уже имеющиеся устройства и называются «поддерживающими» (*sustaining*), а другие являются новыми для настоящего уровня техники, иначе говоря, они представляют собой «подрывные технологии» (*disruptive technologies*). При этом последним свойственно менять «правила игры» в общественных и экономических отношениях, и вместе с этим происходит создание новых пробелов в праве. В настоящий момент Всемирная торговая организация выделяет следующие: блокчейн, Интернет вещей, искусственный интеллект, виртуальную реальность, беспилотные летательные аппараты, беспилотные автомобили, 3D-принтеры и другие передовые технологии³. В российском законодательстве также подчеркивается, что использование технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики носит общий («сквозной») характер и способствует созданию условий для усиления эффективности и формирования принципиально новых направлений деятельности хозяйствующих субъектов⁴.

Вместе с этим каждое из этих устройств потенциально может нанести вред правам и законным интересам человека и гражданина. В 2018 году Европейский союз высказал мнение, что технология 3D-печати преобразует способ изготовления продукции, но многие правовые вопросы, такие как гражданская ответственность и права интеллектуальной собственности, все еще нуждаются в

¹ См.: Любимов Л.В. Ретроспективный анализ развития правовой регламентации понятия «дорожное движение», а также принятия национальных и международных правовых актов в сфере безопасности дорожного движения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2018. № 4 (35). С. 186–193.

² Подробнее об этом см.: Joseph L. Bower, Clayton M. Christensen. Disruptive technologies: catching the wave // The Journal of Product Innovation Management № 1.13. 1996. P. 75–76.

³ URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wco-wto_e.pdf

⁴ См.: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

уточнении¹. В российской правовой науке подчеркивается, что на данный момент из-за стремительного распространения и развития 3D-печати, в частности 3D-биопринтинга, могут начаться войны среди патентов нового вида². Сходные правовые неопределенности возникают и с «умными» домашними устройствами, так как удобство этих устройств достигается ценой значительных проблем в конфиденциальности или возможности их взлома³. В научных статьях, касающихся беспилотных автомобилей, одни авторы утверждают, что, несмотря на многие преимущества этих транспортных средств, их недостатком являются отсутствие конфиденциальности, утрата возможности передвигаться в относительной анонимности⁴, а другие авторы предпринимают попытки определить лицо, которое будет нести ответственность в случае причинения вреда⁵. Кроме того, существуют ученые, призывающие полностью отказаться от использования некоторых устройств, в частности от технологий искусственного интеллекта⁶.

Таким образом, правовая идентификация различных новых устройств является комплексной и сложной проблемой. Связано это прежде всего с тем, что законодатели не всегда могут предугадать развитие инновационных процессов и предусмотреть негативные последствия от реализации правовых решений⁵. В первую очередь это характерно для «подрывных» технологий, которые создают нетипичные общественные отношения, и их сложно «вписывать» в уже действующее регулирование. При этом в российском законода-

¹ URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/economy/20180615STO05928/3d-printing-sorting-out-the-legal-issues>

² См.: Финкина А. П. Правовой статус 3D-биопринтинга // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2021. Т. 4. № 13. С. 64–70.

³ URL: <https://jolt.law.harvard.edu/digest/smart-homes-deserve-the-same-treatment-as-smartphones>

⁴ URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13660834.2017.1269871?journalCode=cict20>

⁵ URL: https://academic.oup.com/ajcl/article/70/Supplement_1/i39/6655619

⁶ Подробнее об этом см.: Илон Маск совместно с экспертами в области искусственного интеллекта потребовал запретить обучать нейросети // URL: <https://rg.ru/2023/03/29/ilon-mask-sovmestno-s-ekspertami-v-oblasti-ii-potreboval-zapretit-obuchat-nejroseti.html>; «Единая Россия» хочет запретить искусственный интеллект в медицине, образовании и кадрах. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-08-17_edinaya_rossiya_hochet_zapretit

⁵ См.: Хабриева Т.Я. Право и модернизация экономики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 1. С. 4.

тельстве не разработано единого концептуального подхода к формированию целостной системы, как это происходит в инновационной политике¹.

В таких условиях оптимальным представляется создание комплексного регулирования, которое, с одной стороны, учитывало бы особенности этих устройств, а с другой — не допускало бы ущемления прав и интересов человека. Все названные устройства можно условно охарактеризовать как «искусственные», так как они являются рукотворными объектами, выполняющими определенные функции, для которых они были изначально созданы. Вместе их объединяет также то, что у них общие черты и процесс функционирования. Объединение их в рамках одного правового режима позволит рассматривать искусственные устройства как единое целое и вместе с этим сформировать общие подходы (принципы) для предотвращения возможных угроз правам и интересам человека, так как при формировании правового режима искусственных устройств основное внимание должно быть сосредоточено не на описании всевозрастающих возможностей техники, а на обеспечении безопасного существования и развития человека в условиях повсеместного использования технологий, дающих колоссальные возможности в части управления поведением человека и проникновения во все сферы его жизни, контроля и координации его деятельности².

Кроме того, сложность правовой идентификации искусственных устройств можно продемонстрировать на примере регулирования компьютерной программы, которая обладала статусом «подрывной технологии» в середине прошлого века. При этом совершенствование управления компьютерной программой позволит проследить основную динамику правовой идентификации и на основе этого сформировать возможное правовое регулирование для искусственных устройств.

Первый этап характеризуется тем, что после создания и применения искусственных устройств не возникает общественной потребности в их правовом регламентировании. Причина заключается в том, что искусственные устройства еще не заняли значительного места в экономических и общественных правоотношениях. Так, изначально не было потребности в корректировке компьютерных

¹ См.: Хабриева Т.Я. Век инноваций и право // Экономическая политика. 2010. № 3. С. 52.

² См.: Синицын С.А. Личные неимущественные права и безопасность человека в виртуальном пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 14.

программ, так как компьютеры не были широко распространены, а программы создавались и распространялись преимущественно в академической сфере. Впоследствии компьютеры стали появляться во многих домохозяйствах, что вызывало потребность их настройки. Сходные примеры можно привести и в отношении сети «Интернет» и искусственного интеллекта. В 90-х годах прошлого века утверждалось, что сеть «Интернет» — самое неурегулированное место свободного взаимодействия людей¹, но на данный момент она стала самой отлаженной технологией среди всех². Искусственный интеллект также не корректируется с момента его создания, но сейчас предпринимаются попытки создания правовых норм для регулирования общественных отношений, возникающих при его применении. При этом стоит отметить, что была попытка стабилизации искусственного интеллекта, но она не получила поддержки по причине представления этой технологии «игрушечной» проблемой («toy» problem) для права³.

Стоит согласиться с мнением Меган Ричардсон по поводу новых технологий: «Казалось, что к этому моменту широко считалось, что возможности новых технологий были удивительно гибкими, когда они объединялись с человеческим воображением и предприимчивостью и подвергались минимальным юридическим ограничениям»⁴. Однако после нерегулируемого периода наступает второй этап, а именно начинается процесс нахождения правовой идентификации и внесения предложения относительно возможного пути регулирования. При этом в некоторых случаях это происходит не совсем удачно. Так, в 70-х гг. прошлого века существовало два возможных подхода к регулированию компьютерных программ. Первый был предложен в 1978 г. Всемирной организацией интеллектуальной собственности⁵. Он представлял собой правовую защиту компьютерных программ в рамках авторского и патентного права,

¹ Подробнее об этом см.: Наумов В.Б. Российский Интернет: первые судебные прецеденты // Арбитражные споры. 2000. № 1. С. 110–113.

² URL: <https://riamo.ru/article/113734/sferu-interneta-slishkom-silno-reguliruyut-v-rf-ekspert-xl>

³ См.: Samuelson P. CONTU revisited: the case against copyright protection for computer programs in machine-readable form. Duke Lj. 1984. P. 663–769.

⁴ Wragg P., Coe P. (ed.). Landmark Cases in Privacy Law. — Bloomsbury Publishing, 2023. 5.

⁵ Model Provisions on the Protection of Computer Software. WIPO Publication № 814 (R). WIPO, 1978 // Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/copyright/120/wipo_pub_120_1978_01.pdf

т.е. охрану особого рода (*sui generis*). Е.А. Войниканис считает, что это необычное для того времени регулирование было выбрано по нескольким причинам: «Во-первых, как полагали разработчики, компьютерные программы в полной мере не соответствуют ни понятию произведения, ни понятию изобретения. Во-вторых, для установления правового режима регулирования компьютерных программ необходимо иметь дело со сложившейся экономической практикой, а в тот период она только формировалась».

Второй подход был предложен Конгрессом Соединенных Штатов Америки и заключался в правовой охране компьютерной программы авторским правом путем пересмотра Закона об авторском праве (*Copyright Act*). Стоит отметить, что подписание законопроекта отложили. Одной из причин этого было опасение, что авторско-правовое регулирование не учитывает функциональность компьютерных программ¹. В заключении Комиссии по новым технологическим видам использования произведений, защищенных авторским правом (*Commission on New Technological Uses of Copyrighted Works*), подготовленном в 1978 г., было сказано, что термин «литературные произведения» не предполагает наличия какого-либо критерия литературной или качественной ценности. Он включает в себя каталоги, справочники и аналогичные фактические, информационные или учебные произведения и подборки данных, а также авторские компьютерные базы данных и программы, тем самым подтверждая, что авторское право в отношении компьютерных программ будет направлено на достижение правильного баланса, при этом разрешение вопроса о разграничении между функциональностью и выразительностью остается в сфере судебной практики.

После введения правового регулирования наступает третий этап — формирование правоприменительной практики, которая во многом позволяет проверить правильность правовой идентификации и модифицировать ее в необходимых случаях. В рамках авторского права суды неоднозначно разрешали споры, возникающие в связи с компьютерными программами. Самым ярким примером является судебное дело *Computer Associates Int'l, Inc. v. Altai, Inc*², в котором судья высказал свое особое мнение: «Точные границы авторской защиты не совсем понятны, так как компьютерные программы имеют гибридную природу, которая, хотя и является лите-

¹ См: Litman J.D. Copyright Compromise and Legislative History. Cornell Law Review. 1987. №. 5. P. 857–904.

² 982 F.2d 693 (2d Cir. 1992).

ратурным выражением, также является высокофункциональным утилитарным компонентом в более широком вычислительном процессе. Решения судов представляют попытку поместить квадратный колышек в круглое отверстие». В доктрине также критиковали выбранный подход. Так, Памела Самуэльсон утверждает: «К сожалению, комиссии по новым технологическим видам использования произведений, защищенных авторским правом, не удалось полностью понять внутреннюю функциональность компьютерных программ, важность стандартов и сетевых эффектов в индустрии программного обеспечения, а также внутреннюю необходимость разработки программного обеспечения, способного взаимодействовать с другими программами. При этом комиссия также не дала рекомендаций о том, как, когда и почему функциональность должна ограничивать объем защиты авторских прав в программах»¹. Сходной точки зрения придерживался В.А. Дозорцев: «Программы для ЭВМ представляют собой содержательный интеллектуальный продукт. Уже в силу этого их правовая охрана авторским правом как формы не может быть эффективной, это не конкретный, реальный объект, представляющий ценность благодаря своей форме. Она не может быть вполне адекватной, поскольку речь идет не только о той самой индивидуально-определенной программе, а о содержании, которое может быть представлено и в иной форме, не вполне совпадающей с первоначальной»².

Таким образом, существует три основных стадии правового регулирования искусственных устройств. Особой и наиболее важной стадией из них является правовая идентификация. При этом искусственный интеллект, который представляет собой основу для формирования большинства «подрывных» устройств (например, роботы, интернет-вещи, умные устройства), прошел первый этап и плавно переходит ко второму. Так, согласно Отчету об индексе искусственного интеллекта Стэнфордского института количество научных публикаций увеличилось с 2010 по 2021 г. в два раза, а количество законов, регулирующих «искусственный интеллект», — с 2016 по 2022 г. в 37 раз³. При этом нынешняя тенденция показы-

¹ Samuelson P. Functionality and Expression in Computer Programs: Refining the Tests for Software Copyright Infringement // Berkeley Technology Law Journal 2017. 31 (3). P. 1215– 1300.

² Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2005.

³ URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/>

вает, что существуют противоречия в правовой идентификации искусственного интеллекта.

Основное противоречие состоит в определении места искусственного интеллекта в системе правоотношений и степени его участия в них, а именно в идентификации его как объекта или как субъекта. В доктрине и на практике нет единой позиции по данному вопросу. Одни ученые считают, что технология искусственного интеллекта должна быть субъектом правоотношений. Например, С.Е. Чаннов утверждает, что за роботами нужно закрепить статус субъекта¹. При этом они как субъекты права смогут «претендовать» на защиту от жестокого обращения и, соответственно, прибегать к содействию государственных органов в случае нарушения данного права². Е.Н. Мельникова в своей статье поддерживает признание искусственных устройств субъектами прав и обязанностей и вместе с этим предлагает распространить ответственность на технологии искусственного интеллекта³. М. Кожевникова и С. Карпова считают, что необходимым шагом на пути выстраивания отношений человека и искусственного интеллекта является создание правил, уважающих интересы и потребности всех сторон. Включение искусственного интеллекта в круг моральных субъектов приведет к наделению их правами и обязанностями, которые в определенной степени могут выступать гарантом взаимного уважения и безопасности⁴. При этом в рамках большинства дискуссий по вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта основное внимание уделяется моральной ценности искусственного интеллекта, его конечной стоимости, возможной ответственности, более независимой (коммерческой) роли в экономических правоотношениях⁵.

Другие ученые считают, что искусственный интеллект может быть только объектом правоотношений. В.А. Вайпан полагает, что в сложившейся российской системе правоотношений вполне есте-

¹ См.: Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квализусубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 94–109.

² Там же.

³ См.: Мельникова Е.Н. Встраиваемость концепции электронного лица в правовую систему государства или государственного образования // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 94–112.

⁴ См.: Кожевникова М., Карпова С. Искусственный интеллект: субъект и объект // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 80–94.

⁵ См.: Kurki V. The Legal Personhood of Artificial Intelligences // A Theory of Legal Personhood. Oxford: OUP. 2019. С. 175–189.

ственным является вывод о том, что роботы и иные машины с искусственным интеллектом представляют собой объекты правоотношений и не могут быть самостоятельными субъектами права, поскольку право регулирует общественные отношения между людьми как биологическими существами¹. Е.Е. Кирсанова утверждает, что искусственный интеллект не является субъектом права и не имеет правоспособности². С.А. Соменков считает, что сегодня системы искусственного интеллекта — это объекты гражданско-правовых отношений.

Исходя из этого, в юридической науке существуют две позиции в отношении правовой идентификации искусственного интеллекта. Одни ученые полагают, что искусственный интеллект выступает в качестве субъекта, и тем самым признают эти технологии равными человеку. Другие ученые видят в искусственном интеллекте объект правоотношений, в большинстве случаев — инструмент.

Подход ученых к определению искусственного интеллекта как субъекта правоотношений, по нашему мнению, является необоснованным. Исходя из технического понимания, искусственный интеллект — сугубо технический инструмент. Его задача состоит в выполнении конкретной функции. При этом сходным с искусственным интеллектом объектом в техническом плане является компьютерная программа. Единственное их различие — в итоговом результате, который достигается разными техническими способами. Однако при функционировании компьютерных программ не возникает проблем с определением их места в правоотношениях. В юридической науке признается, что компьютерная программа — объект правоотношений, поэтому она несопоставима с человеком.

Вышеизложенного подхода в правопонимании искусственного интеллекта и следует придерживаться в дальнейших научных исследованиях. Поддержка и развитие подхода о правосубъектности искусственного интеллекта губительны для формирования научной концепции регулирования искусственного интеллекта, так как это отодвигает насущные проблемы и нарушения законных прав людей в сторону признания правосубъектности этих технологий. Вместе с этим стоит согласиться с С.А. Синицыным, который считает, что за стремлением расширить границы традиционной правосубъектности в действительности стоит ярко выраженный экономи-

¹ См.: Вайпан В.А. Правовое обеспечение цифровой трансформации транспортного комплекса России // Транспортное право. 2022. № 3. С. 3–7.

² См.: Антонов А.А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 69–74.

ческий интерес, очевидно, крупных участников рынков производства киберинженерных систем за счет минимизации собственной ответственности за производимое оборудование или владельцев машин в ущерб законным интересам потерпевших, что способно оправдать стремления любого капиталиста, но никак не подменить собой задачи правового регулирования, функции и принципы права¹.

Развивая эту мысль, следует сделать вывод, что основными предпосылками к заблуждению о правосубъектности искусственного интеллекта в науке являются несколько оснований. Первая и основная предпосылка — человек и робот смогут жить вместе в одном социуме как равные субъекты общественных отношений. Так, Айзек Азимов в сборнике рассказов «Я, робот» изображает гармоничное сосуществование людей и роботов, при котором последние выступают ценными помощниками человека². Наиболее ярко это продемонстрировано в рассказе «Робби», где немой робот-нянька присматривает за маленькой девочкой Глорией, которая относится к нему как к одушевленному существу³.

Другая предпосылка — на разных уровнях происходит очеловечивание технологий искусственного интеллекта. Так, в 2017 г. Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу Софии⁴. В китайском городе Ханчжоу бывший сотрудник компании Huawei «вступил в брак» с самодельным роботом⁵. И уже в действующем регулировании технологии искусственного интеллекта наделяются человеческими качествами. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» указано, что под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной дея-

¹ См.: Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. М., 2020. С. 72.

² См.: Азимов А. Я, робот. М.: Эксмо, 2022.

³ В этом рассказе также формулируется первый закон робототехники, согласно которому робот не может причинить вред человеку.

⁴ Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot // URL: <https://www.arabnews.com/node/1183166/saudi-arabia>

⁵ См.: Китайский инженер «женится» на самодельном роботе // URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/04/robot/>

тельности человека. Сходные правовые представления существуют во многих иностранных правовых порядках. В Новой Зеландии искусственный интеллект понимается как передовые цифровые технологии, которые дают возможность машинам воспроизводить или превосходить способности, требующие человеческого интеллекта¹. В Национальной программе по искусственному интеллекту. Введение в ИИ (*National Program for Artificial Intelligence. AI Guide*) Объединенных Арабских Эмиратов искусственный интеллект выступает как набор технологий, позволяющих машине или системе понимать, учиться, действовать и чувствовать, как человек². В Национальной стратегии по искусственному интеллекту Сингапура содержится указание на то, что искусственный интеллект — это способность моделировать интеллектуальное, человекоподобное поведение в компьютерах³.

Таким образом, из вышеизложенных оснований и формируется заблуждение общественности, что искусственный интеллект имеет человеческие способности, поэтому и является живым. Это в дальнейшем проецируется в научных исследованиях правоведов как субъектов общества. Право — это прежде всего явление культуры, своего рода «накопитель» прогрессивных элементов культуры общества⁴.

Выходом из этой ситуации видится следующее: стоит рассмотреть комплексное регулирование для искусственных устройств в качестве инструментов, созданных для выполнения определенной задачи или функции. Это, с одной стороны, позволит обеспечить правовую целостность, а с другой — применять к этим идентичным технологиям сходное правовое регулирование. При этом в каждом конкретном случае должны быть свои особенности, правовое регулирование искусственных устройств должно создавать основу (принципы) для их формирования.

Юридическая природа искусственных устройств должна рассматриваться с двух сторон: как совокупность внутренних техноло-

¹ ARTIFICIAL INTELLIGENCE. Shaping a Future New Zealand. URL: https://aiforum.org.nz/wp-content/uploads/2018/07/AI-Report-2018_web-version.pdf

² National Program for Artificial Intelligence UAE. AI Guide [Электронный ресурс]. URL: https://ai.gov.ae/wp-content/uploads/2020/02/AIGuide_EN_v1-online.pdf

³ National AI Strategy // Smart Nation Singapore. URL: <https://www.smartnation.gov.sg/initiatives/artificial-intelligence/>

⁴ См: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. I. М.: Юридическая литература, 1981. С. 175; Братусь С.Н. Некоторые спорные вопросы общего понятия права. В кн.: Вопросы современного развития советской юридической науки. Л., 1968. С. 16–17.

гических комплексов (неосязаемые объекты) и как материальные (осязаемые) объекты.

Совокупность внутренних технологических комплексов представляет собой нематериальные объекты, с помощью которых функционирует искусственное устройство. Они регулируются в рамках интеллектуальной собственности и информационного права. В частности, таким объектом является база данных, позволяющая работать множеству искусственных устройств. С одной стороны, она — объект интеллектуальной собственности, а с другой — информация, которая содержится в этой базе данных и может охраняться в рамках Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», так как она прямо или косвенно относится к определенному или определяемому физическому лицу¹. Это можно продемонстрировать на беспилотном транспортном средстве, которое собирает множество персонализированных данных как о самом себе, так и о водителе и даже о пассажирах². При этом эти сведения направляются в базу данных оператора, которая охраняется как интеллектуальная собственность³.

Материальные (осязаемые) объекты представляют собой объекты материального мира, из которых состоит само искусственное устройство. Они охраняются в рамках вещного права, так как являются вещью, т.е. физическим телом, которое имеет массу и пространственные пределы⁴.

Стоит отметить, что большое значение в наше время приобрела именно совокупность внутренних технологических комплексов искусственного устройства⁵. Например, без программного обеспечения беспилотный летательный аппарат не выполняет предусмотренную функцию. Не случайно некоторые ученые утверждают, что

¹ При этом возможная передача персональных данных в масштабах базы данных искусственного устройства должна осуществляться в рамках законодательства о персональных данных.

² Подробнее об этом см.: Mulder T., Vellinga N.E. Exploring data protection challenges of automated driving // *Computer Law & Security Review*. 2021. №. 40.

³ Соотношение персональных данных и базы данных было представлено в судебном деле «ВКонтакте против Дабл Дата». Подробнее об этом см.: Maria K. Commentary on the Legal Practice of Database Protection // *Legal Issues in the digital Age*. 2020. №. 1. С. 124–134.

⁴ См.: Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 1.

⁵ Подробнее об этом см.: Калятин В.О. Проблема ослабления имущественных прав в цифровой среде // *Вестник гражданского права*. 2018. № 6. С. 30–40.

цифровой век характеризуется повышением значимости интеллектуальных результатов.

Таким образом, искусственные устройства всегда появляются в течение жизнедеятельности общества, создавая при этом правовые проблемы в правовой идентификации. Формирование правового режима для искусственных устройств позволит обеспечить целостность и единообразие правовой идентификации, а также применять к этим идентичным технологиям сходное правовое регулирование. Юридическая природа искусственных устройств должна рассматриваться с двух сторон. С одной стороны, как совокупность внутренних технологических комплексов (неосязаемые объекты), а, с другой стороны, как материальные (осязаемые) объекты. При этом совокупность внутренних технологических комплексов представляет собой нематериальные объекты, с помощью которых функционирует искусственное устройство, а материальные (осязаемые) объекты представляют собой объекты материального мира, из которых состоит само искусственное устройство.

Глава III

СУБЪЕКТЫ ПРАВА

В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

§ 1. ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И БИЗНЕС-СТРУКТУРЫ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Специфика сети «Интернет» и созданного на ее основе виртуального пространства, заключающаяся в формировании принципиально нового пространства коммуникаций, ускорении передачи информации, образовании современных форм организации деятельности (дистанционной, сетевой, платформенной), предопределила наличие особенностей в правовом статусе органов публичной власти и бизнес-структур при их участии в правоотношениях, складывающихся в виртуальном пространстве.

Последовательное освоение правом виртуального пространства привело к тому, что изначальная его характеристика как пространства свободы, недоступного для юрисдикции органов публичной власти, полностью утратила свою актуальность.

Органы публичной власти реализуют в виртуальном пространстве все свойственные им функции: регулирующую, организационную, правоохранительную, контрольную, оказания государственных и муниципальных услуг.

В рамках исследования вопроса о влиянии цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти ранее констатировали, что, во-первых, дополняются и изменяются цели и задачи органов исполнительной власти. Во-вторых, для наиболее эффективного достижения и реализации новых целей и задач адаптируется организационная структура органов исполнительной власти посредством создания специальных структурных подразделений, органов публичной власти и других организационно-кадровых изменений (введение должности заместителя руководителя федерального органа исполнительной власти, ответственного за цифровую трансформацию). В-третьих, цифровизация отражается

на компетенции органов исполнительной власти. В-четвертых, имеются широкие возможности для дальнейшего внедрения современных цифровых технологий при реализации практически любой из существующих типов государственных функций, будь то функция по выработке государственной политики или функция по оказанию государственных услуг¹.

Расширение практики перевода реализации функций органов публичной власти в виртуальное пространство обеспечило:

- возможность оказания и получения преимущественного числа государственных услуг в виртуальном пространстве²;
- возможность обжалования решений контрольно-надзорных органов с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций)³;
- условия для реализации в виртуальном пространстве исполнительного производства и многое другое.

Позитивный социальный эффект указанных преобразований очевиден: возрастание доступности для граждан государственных и муниципальных услуг, ускорение производств и упрощение участия в них населения, снижение временных, трудовых и финансовых издержек на реализацию функций органов публичной власти, снижение рисков коррупционных проявлений.

Между тем в науке усматриваются и угрозы для прав и законных интересов граждан при переводе функций органов публичной власти в виртуальное пространство. К их числу в первую очередь относят риски, связанные с полным и безальтернативным переводом государственных и муниципальных услуг в виртуальное пространство без возможности их получения в неэлектронном виде. На практике такой подход к организации процесса оказания государственных и муниципальных услуг уже нашел отражение в российской правовой системе. Например, только в электронном виде может

¹ См.: Кабытов П.П., Стародубова О.Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 113–126. DOI: 10.12737/jrl.2020.136

² См.: Концепция перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2022 г. № 837-р.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 24 июля 2020 г. № 1108 «О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц».

быть подано заявление о согласовании переустройства, перепланировки помещения в многоквартирном доме¹.

В то же время установлениями ст. 33 Конституции Российской Федерации предусмотрено право граждан Российской Федерации обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные заявления в государственные органы и органы местного самоуправления. В ряде научных и аналитических исследований, касающихся подхода к правовому регулированию оказания государственных и муниципальных услуг, предполагающего исключительно электронный способ взаимодействия, усматривается прямое противоречие с приведенным конституционным установлением². В действительности данный способ на первый взгляд умаляет в определенной степени права и законные интересы граждан, например потому, что услуги связи и доступа в виртуальное пространство платные, охват и техническая возможность получения таких услуг — менее 100% населения Российской Федерации, многим гражданам ввиду их физических особенностей или возраста электронные формы взаимодействия с органами публичной власти менее доступны, чем личный прием. Отсюда утрата «права быть услышанным».

Но все же перечисленные риски и препятствия не являются непреодолимыми для перевода оказания государственных и муниципальных услуг в исключительно электронный вид, а должны учитываться при формировании правового режима и конструировании механизма оказания данных услуг в указанный вид. Например, предоставление бесплатного доступа в сеть «Интернет» в многофункциональных центрах государственных услуг, содействие отдельным категориям граждан в получении государственных и муниципальных услуг в электронном виде, развитие форм электронного взаимодействия с органами публичной власти для восстановления «права быть услышанным».

Иное бы означало необходимость сохранения государством организационных основ для оказания государственных и муниципальных услуг в неэлектронном виде, невозможность оптимизации

¹ См.: Постановление Правительства Москвы от 25 октября 2011 г. n 508-пп «Об организации переустройства и (или) перепланировки помещений в многоквартирных домах».

² См., например: Савоськин А.В. Размышления о проблемах реализации конституционного права граждан обращаться лично // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 33–37; Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. М., 2021.

и сокращения финансовых, трудовых и временных издержек. Сама по себе норма ст. 33 Конституции Российской Федерации о праве граждан Российской Федерации обращаться лично в органы государственной власти может быть интерпретирована по-разному: и как предусматривающая право на личный прием, и как устанавливающая право на личное обращение, от своего имени, не вводя ограничений на формы такого обращения. В современных условиях вторая трактовка выглядит наиболее соответствующей уровню развития общественных отношений, тем более что при принятии Конституции РФ в 1993 г. не предполагалось существования такого широкого круга правоотношений, складывающихся в виртуальном пространстве.

Несколько более сложным представляется преодоление проблемы, связанной с фактической обязательностью регистрации на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций). По-видимому, такая регистрация по мере развития общественных отношений должна стать юридически обязательной, уже сейчас реализация прав и законных интересов граждан во многих сферах жизнедеятельности предполагает потребность в такой регистрации — по аналогии с обязательностью получения документа, удостоверяющего личность, регистрации по месту жительства.

С одной стороны, обязательность данной регистрации может рассматриваться нарушением права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; конституционно-правовой запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается. С другой стороны, аналогичные противоречия с обязанностью получения документа, удостоверяющего личность, регистрации по месту жительства не усматриваются, а по своему содержанию указанные обязанности близки, и государство получает необходимые сведения для оказания государственных и муниципальных услуг, публично-правового взаимодействия с гражданином. Действующим законодательством исключена необходимость получения согласия гражданина на обработку его персональных данных при получении государственных и муниципальных услуг, что закономерно и логично, поскольку по общему правилу получение государственных услуг осуществляется по инициативе гражданина.

Значительно бóльшие риски для прав граждан и в первую очередь для права на неприкосновенность частной жизни несут предлагаемые в настоящий момент введение цифрового профиля гражданина, централизованный сбор обезличенных персональных

данных, персональных данных в государственной информационной системе. Проект федерального закона № 992331-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» (в части уточнения порядка обработки персональных данных)» призван восполнить пробелы в законодательстве и обеспечить благоприятные правовые условия для сбора, хранения и обработки данных в целях развития новых технологий. Но пока баланс в проектируемом регулировании между потребностями бизнеса и государства в данных и необходимостью обеспечения прав граждан при их обработке не найден. За время рассмотрения законопроекта несколько раз принципиально менялся предлагаемый им подход к регулированию, что закономерно в условиях особой чувствительности сферы обработки персональных данных в частности и защиты информации в целом.

Законодатель делал выбор между введением в правовое поле нового вида данных — «анонимизированных персональных данных», совершенствованием правового режима обезличенных персональных данных, децентрализованным подходом к их сбору и обработке, централизации обезличенных данных в государственной информационной системе.

Проектируемым регулированием предусматривается, что каждый оператор персональных данных обязан по запросу уполномоченного органа в сфере регулирования информационных технологий предоставить персональные данные субъекта (для обезличивания) или обезличенные данные в целях повышения эффективности государственного и муниципального управления, а также в иных целях, установленных федеральными законами, и в случаях, определенных Правительством Российской Федерации.

Такой подход к регулированию обработки обезличенных и персональных данных вступает в прямое противоречие с основополагающими принципами ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»:

– обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей. Не допускается обработка персональных данных, несовместимая с целями сбора персональных данных (ч. 2 ст. 5);

– не допускается объединение баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой (ч. 3 ст. 5);

– обработке подлежат только персональные данные, которые отвечают целям их обработки (ч. 4 ст. 5);

§ 1. Органы публичной власти и бизнес-структуры в виртуальном пространстве

– содержание и объем обрабатываемых персональных данных должны соответствовать заявленным целям обработки. Обрабатываемые персональные данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки (ч. 5 ст. 5).

К аналогичным противоречиям приведет и реализация идеи введения цифрового профиля граждан. Указанные противоречия становятся еще более значимыми при обострении вопросов обеспечения информационной безопасности при обработке персональных данных гражданами органами публичной власти. Около 20% утечек персональных данных происходит именно через данные органы¹.

Существующие меры юридической ответственности, механизмы обеспечения информационной безопасности пока не дают надлежащего эффекта. В таких условиях следует ставить вопрос об ограничениях в части сбора и обработки персональных данных, минимизации их концентрации и сроков хранения, а не о расширении полномочий на сбор таких данных, что предусматривают многочисленные законодательные инициативы наряду с описанными.

Столь же неоднозначным и не лишенным противоречий остается статус бизнес-структур в виртуальном пространстве. Наряду со специальными правами и обязанностями, установленными информационным законодательством, специальными мерами ответственности за деяния в виртуальном пространстве, для отдельных участников правоотношений в виртуальном пространстве характерно наличие несвойственных для рядовых субъектов предпринимательского сообщества прав по отношению к другим участникам общественных отношений. Речь идет об операторах цифровых платформ, владельцах социальных сетей, которые в силу как законодательных установлений², так и своего «квазимонопольного» или «олигопольного» положения на рынках приобретают «квазипубличные полномочия» по отношению к их пользователям. Во всяком случае по характеру своего воздействия на пользователей (оказывающих услуги, продающих товары, размещающих контент с использованием платформы и пользователей, получающих соответствующие услуги,

¹ См.: Россия: утечки информации ограниченного доступа, 2022–2023 годы: аналитический отчет // Экспертно-аналитический центр InfoWatch. 2024 г. // URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-v-rossii-za-2022-2023.pdf>

² См., например: Статья 10.6 «Особенности распространения информации в социальных сетях» Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

приобретающих товары с использованием платформы) данные полномочия крайне сходны с публично-правовыми.

К числу таких прав операторов цифровых платформ, владельцев социальных сетей могут быть отнесены возможности:

– устанавливать обязательные для исполнения пользователями правила в несвойственной для этого форме гражданско-правового договора или оферты. Действие таких требований распространяется фактически на неопределенный круг лиц, во всяком случае с точки зрения количественного охвата субъектов права в условиях безальтернативности части платформ. С содержательной точки зрения формируемые правила далеко не всегда соответствуют нормам законодательства. Более того, зачастую в той или иной степени они противоречат отдельным положениям законодательства или произвольно развивают их;

– применять меры принуждения (приостановление использования платформы, блокировка пользователя, в том числе бессрочная, удаление контента, штрафы, снижение рейтинга);

– ограничения доступа к информации, ее удаления¹;

– разрешения споров между пользователями платформы (продавцом и покупателем).

Наиболее чувствительным для пользователей вопросом остается применение операторами платформ мер принуждения. Несмотря на наличие на большинстве платформ внутренних правил пересмотра ограничений, блокировок, для них характерны чрезвычайно непрозрачные процедуры, «невозможность быть услышанным», отсутствие возможности предоставления контраргументов и доказательств.

Крайне сомнительным выглядит и применение бессрочных мер, которые не прекращают своего действия даже в случае принятия пользователем необходимых шагов (удаление контента, нарушающего правила), которые в ряде случаев оказываются безвозвратно утраченными, например, если пользователи сервиса «такси» теряют право на профессию.

Неоднозначна практика произвольного определения за отступление от внутренних правил цифровых платформ размеров штрафов, которые зачастую кратно превышают размеры административных и даже уголовных штрафов. В результате слабая сторона

¹ См., например: Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография / Н.С. Волкова, А.А. Ефремов, С.М. Зырянов и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2024. С. 32–35.

§ 2. Гражданин и его правоспособность в виртуальном пространстве

договора, которой является пользователь платформы, вынуждена затрачивать значительные ресурсы на защиту своих прав и тем самым нести явно несоразмерную деянию ответственность, являющуюся по своей правовой природе более карательной (штрафной), нежели правовостановительной.

Безусловно, нельзя говорить, что пользователи оказываются в правовом вакууме и лишены возможности оспаривать решения операторов платформы. Так, пользователям, которым владельцем социальной сети ограничен доступ, предоставлено право в случае несогласия с принятым решением обратиться с заявлением об отмене мер по ограничению доступа к его информации в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи.

Но преимущественно оспаривание указанных действий (бездействия) операторов цифровых платформ, социальных сетей происходит только в судебном порядке. При этом возможности защиты своих прав оператором платформы и пользователями несопоставимы. Как результат — социальные взрывы, получившие неоднократное освещение в прессе: забастовки курьеров, таксистов, пунктов выдачи заказов¹.

По-видимому, государственно-правовой реакцией должно стать введение:

- требований к отдельным элементам содержания правил использования платформ, обеспечение возможности проверки их на соответствие законодательству;
- базовых принципов установления операторами платформ порядка оспаривания применяемых ими мер принуждения.

§ 2. ГРАЖДАНИН И ЕГО ПРАВОСПОСОБНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Правоспособность как способность гражданина с рождения иметь права, выполнять обязанности давно изучается в юридической науке. «Правоспособность, — писал С.Н. Братусь, — это право быть субъектом прав и обязанностей. Этому праву корреспондируют и соответствующие обязанности: все, кто вступает в какие-либо отношения с данным гражданином, не должны нарушать его пра-

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5734095>; <https://www.rbc.ru/business/15/03/2023/64116c889a7947de327e0288>

воспособность. Правоспособность пользуется правовой защитой, что характерно для всех субъективных прав»¹.

Под правоспособностью гражданина понимается определенная Гражданским кодексом Российской Федерации способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность). Системный характер составляющих правоспособность прав и обязанностей предписывает отнести к их числу наиболее уязвимые с точки зрения развития человеческой цивилизации права: на жизнь и здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни и жилища, личную и семейную тайну, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага. Правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами. Она возникает в момент рождения человека и прекращается его смертью.

Основные подходы к пониманию существа правоспособности давно сложились и в науке, и в правовой доктрине. Как отмечают Н.В. Козлова и С.Ю. Филиппова², категория «правоспособность» известна большинству правовых систем. При этом на ранних этапах развития правовых систем мира установлению субъекта правоспособности уделялось недостаточное внимание. В научной литературе в качестве примера приводится работа Ф.К. фон Савиньи, который пишет: «Изначально понятие лица или субъекта права должно совпадать с понятием человека, и эту изначальную идентичность обоих понятий можно выразить следующей формулой: каждый отдельный человек, и только человек является правоспособным». При этом генезис подхода к определению правоспособности как элемента правосубъектности включает в себя и иные случаи, в основе которых лежит идея о том, что не все люди могут быть признаны субъектами прав. Например, В.М. Хвостов указывает, что согласно римскому праву «люди делились на *liberi* и *servi*. *Servus*, по общему правилу, не правоспособен». Рассматривая правоспособность как часть правосубъектности, отметим высказывания Л. Эннексеруса, который писал по поводу понятия «правоспособность» следующее: «Понятие права (субъективного) как исходящей от правопорядка, служащей удовлетворению человеческих интересов власти, предпо-

¹ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 6.

² Физические лица как субъекты российского гражданского права: монография / отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. М.: Статут, 2022.

лагают наличие субъекта, наделенного этой властью, субъекта права или, что на юридическом языке равнозначно, лица. Однако правосубъектность, признание в качестве лица не является правом (субъективным), а представляет собой правовое свойство, правовую предпосылку всех прав и обязанностей; свойство личности равнозначно правоспособности»¹.

Сегодня цифровые технологии активно проникают в сложившиеся отношения и институты, влияют на правоспособность и объем правосубъектности. Происходит цифровая трансформация современного права, в отношении которой академик Т.Я. Хабриева справедливо подчеркивает, что «как в доктрине, так и в юридической практике пока нет достаточно четкого понимания ни вектора, ни закономерностей, ни механизма этих трансформаций»². Развитие цифровых технологий, переход от информатизации к цифровизации, расширение ценностного каталога прав человека и динамичные изменения, охватившие содержательные стороны прав человека, оказывают заметное влияние на развитие представлений о возможных пределах и ограничениях правоспособности в виртуальном пространстве.

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» отмечается, что быстрые темпы технологического развития позволяют людям во всех регионах мира пользоваться новыми информационными и коммуникационными технологиями и в то же время повышают способность правительств, компаний и физических лиц отслеживать, перехватывать и собирать информацию, что может нарушать или ущемлять права человека (особенно право на неприкосновенность личной жизни). При этом подчеркивается, что необходимость обеспечения общественной безопасности может оправдывать сбор и защиту некоторой конфиденциальной информации, но государства должны гарантировать соблюдение в полном объеме своих международно-правовых обязательств в сфере прав человека. В Резолюции содержится призыв ко всем государствам: а) уважать и защищать право на неприкосновенность личной жизни, в том числе в контексте цифровой коммуникации; б) положить конец нарушениям этих прав и создавать условия для предотвращения таких нарушений, в том числе путем обеспечения соответствия

¹ Эннекперус Л. Курс германского гражданского права. Т. I, полутом I: Введение и общая часть / под ред. Д.М. Генкина и И.Б. Новицкого. М., 1949. С. 283.

² Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

национального законодательства их международным обязательствам; в) провести обзор своих процедур, практики и законодательства, касающихся слежения за сообщениями, их перехвата и сбора личных данных, включая массовое слежение, перехват и сбор, в целях защиты права на неприкосновенность личной жизни путем обеспечения полного и эффективного выполнения всех международных обязательств; г) учредить новые или продолжать использовать уже имеющиеся независимые, эффективные внутренние надзорные механизмы, способные обеспечивать транспарентность в соответствующих случаях и подотчетность в отношении слежения государств за сообщениями, их перехвата и сбора личных данных.

Хартия глобального информационного общества 2000 г., принятая и Россией, предусматривает развитие эффективного механизма защиты частной жизни потребителя, в том числе при обработке личных данных, гарантируя при этом как свободный поток информации, так и эффективное функционирование электронной идентификации, электронной подписи, криптографии и других средств обеспечения безопасности и достоверности операций.

Стремление сохранить фундаментальную открытость Интернета при одновременной реализации таких политических целей, как защита конфиденциальности, обеспечение безопасности, интеллектуальной собственности и детей в Интернете, а также укрепление доверия к последнему, подчеркнута в Канкунской декларации.

Виртуальное пространство, как и пространство правовое, — довольно дискуссионные правовые категории, не имеющие пока четко установленных идентификаторов, которые легли бы в основу определения их границ. Однако отсутствие общепризнанного понимаемого значения — как в социуме, так и в юриспруденции — не препятствует применению этих понятий в целях защиты жизненно важных объектов и интересов человека: личность, установки, поведение¹, коммуникация в виртуальном пространстве, адаптация к изменяющимся условиям социальной и природной среды² и т.п.

Виртуальное пространство, являясь продуктом развития цифровизации в широком значении этого термина, функционирует, опираясь на достижения цифровых технологий. Цифровизация социальной жизни привела к появлению цифровых прав, сформировав-

¹ См.: Распоряжение Минпросвещения России от 28 декабря 2020 г. № Р-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях».

² См.: Приказ Минпросвещения России от 18 мая 2023 г. № 370 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования».

ших цифровой суверенитет личности. В докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» подчеркнуто, что правовое государство призвано одновременно обеспечивать для человека и гражданина и безопасность, и возможность полноценной реализации прав и свобод, в том числе в информационной (цифровой) среде¹.

Цифровые права и такие права, как право на жизнь и здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни и жилища, личную и семейную тайну в виртуальном пространстве, формируют полноценную картину степени защиты прав и свобод человека, его правоспособности. Непосредственно термин «цифровые права» имеет довольно широкое применение и включает в себя весь спектр прав и свобод, защита которых востребована в виртуальном пространстве. Входят в эту группу и права, относящиеся к применению, созданию и публикации цифровых произведений, к доступу и использованию компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей (в частности, к доступу к сети «Интернет»).

Представляется, что к пониманию цифровых прав допустим и более широкий подход, предполагающий рассмотрение в их составе не только сугубо цифровых прав, прав в области защиты информации и интеллектуальной собственности, размещаемой на интернет-площадках, но и давно сформированных прав человека, защита которых в целом требуется в цифровом (виртуальном) пространстве. Во многом это обусловлено расширением темпов цифровой трансформации, которая является одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. Внедрение новых цифровых технологий в Российской Федерации осуществляется с использованием инструментов стратегического планирования. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года как ключевой документ стратегического планирования, определяющий основные механизмы, меры и действия по реализации его полномочий, отводят существенную роль вопросам обеспечения ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу. Цифровая трансформация должна содействовать: прорывному развитию стра-

¹ URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>

ны, повышению уровня жизни граждан, созданию комфортных бытовых условий, раскрытию таланта каждого человека. Но ее базисом остается весь комплекс прав и свобод человека и гражданина, развивающихся, дополняющихся и подлежащих защите в виртуальном пространстве. Как отмечает В.Д. Зорькин, цифровые права человека — это конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, — применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации. Задача государства — на основе Конституции и с учетом указанных международных документов — признавать и защищать цифровые права граждан от всевозможных нарушений, обеспечивая при этом конституционно-правовую безопасность личности, общества и государства¹.

Современная эпоха позволяет по-новому взглянуть на содержание правоспособности гражданина, которое расширяется за счет его возможности иметь права в виртуальном пространстве, «цифровой реальности». Например, на рассмотрение сетевого сообщества была предложена Декларация прав цифрового человека (Декларация прав человека в цифровом мире, Всемирная декларация цифровых прав). В научной литературе появилось множество работ, в которых постоянно формулируется расширяющийся перечень выявленных угроз правам человека, возникающих вследствие технологической революции. Например, развитие информационных технологий, по мнению Дж. Сартора, может привести к ряду неблагоприятных последствий, таким как безработица, отчуждение человека от социума, а также неравенство, поскольку спрос на высокооплачиваемые рабочие места, требующие творчества и навыков, может удовлетворяться только специалистами — людьми, а не машинами.

Неравенство может усугубляться различием возможностей в получении информации, провоцирующим в дальнейшем дискриминацию. Например, информация, хранящаяся в компьютерных системах, может использоваться для разграничения людей путем классификации их на типы без учета их реальной идентичности или определенных характеристик с тем, чтобы подвергать их дифференцированному обращению в отношении работы, доступа к бизнесу, социальным возможностям и др. В качестве угроз выделяются также цензура, автоматическая оценка поведения человека, когда ре-

¹ URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>

шение принимается на основании информации, не известной ему и оцениваемой по неполным критериям¹.

Правоспособность гражданина в виртуальном пространстве зависит от того каталога прав человека и гражданина, который сложился в каждой национальной правовой системе. Его развитие идет следующими путями: новые дополнения перечня прав человека, расширение содержания конкретного права человека, повышение правовых и материальных гарантий его реализации². В частности, Н.С. Богданова определяет способы пополнения перечня прав человека в Российской Федерации, а именно: путем повышения стандартов реализации права при изменении национального законодательства; ратификации международных актов и договоров; толкования норм и формирования правовых позиций Конституционным Судом Российской Федерации; практики Европейского Суда по правам человека; «вызревания новых прав, достойных конституционного уровня признания из закрепленных в текущем законодательстве прав»; актуализации потребностей человека. В этом перечне ученый указывает риски нарушения конституционных ценностей, социальных ориентиров, отдельных прав человека³.

Большинство исследователей каталога прав и свобод человека и гражданина поддерживают идею расширения содержания прав человека, реализуемых в виртуальном пространстве, а также повышения уровня их защиты, в том числе с ориентацией на цифровую реальность, в которой они применяются. Правоприменительная практика в Российской Федерации во многом формируется исходя из нового понимания содержания уже устоявшихся правовых реалий. Например, рабочее место подразумевает электронный почтовый ящик, что в целом потребовало пересмотра уже сложившихся подходов к определению рабочего места не только физически существующего, но и проецируемого в виртуальное пространство. Так, в Апелляционном определении Верховного Суда Республики Башкортостан от 1 декабря 2015 г. по делу № 33-17852/2015 акт осмотра не только рабочего места, но и электронного почтового ящика был принят в качестве доказательства нарушения работни-

¹ См.: Никитина Е.Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 27–44.

² Там же.

³ См.: Богданова Н.А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 1. С. 41–57.

ком трудовой дисциплины и кодекса этики, а также признан оправданным и допустимым просмотр личной переписки, так как она велась со служебного почтового ящика. Аналогично в Апелляционном определении Московского городского суда от 20 апреля 2015 г. по делу № 33-12843/15¹ было признано законным увольнение сотрудника за направление им на свой личный почтовый ящик (электронную почту) корпоративного файла.

В.Д. Зорькин отмечает, что «наступило время конкретизации прав и свобод человека и гражданина применительно к цифровой реальности. Зарождается новое право, регулирующее отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта»². Об этом упоминает и Е.Е. Никитина, говоря о развитии системы прав и свобод человека и гражданина: «Качество предполагает непрекращающееся развитие системы. Как правило, оно происходит в нескольких формах: дополнение перечня прав человека, расширение содержания конкретного права человека, повышение правовых и материальных гарантий его реализации»³. При этом согласимся, что регулятивный потенциал действующей системы прав человека опирается на краеугольный камень всей правовой системы — антидискриминационный принцип, содержащий запрет на дискриминацию по признакам национальной, расовой, половой, социальной и т.п. принадлежности.

Развитие технологий искусственного интеллекта напрямую затрагивает цифровую идентичность людей — идентификацию человека в виртуальном пространстве по биометрическим данным (по лицу, голосу, походке, фигуре и т. п.), позволяющую достичь технологической точности в распознавании, превышающей физиологические возможности человека. Это же относится к идентификации материальных объектов, зданий, транспорта, номеров автомашин, животных, надписей, брендов, географических объектов и т.д.⁴ При этом появление дополнительных идентификационных маркеров приводит к дальнейшему расширению классификационных групп граждан посредством алгоритмов искусственного интеллекта, направленных на выделение людей с общими характери-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный вып. № 7578 (115). URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavati-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>

³ Никитина Е.Е. Указ. соч.

⁴ URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>

стиками, предоставляемыми цифровым сервисам самими гражданами. Кроме того, эти характеристики могут быть собраны и вычислены посредством бесконтактного или даже скрытого наблюдения за людьми. Решения, основанные на данных, могут касаться как групп лиц, так и отдельных индивидуумов в этих группах. Одним из примеров этого является, как указано в докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве»¹, ценовая дискриминация отдельных пользователей, основанная на возрасте, привычках или уровне достатка. Цифровая трансформация, ее формы и направления в первую очередь должны опираться на создание комфортной цифровой среды, исключающей разные формы дискриминации граждан — как скрытой, так и явной.

А.И. Ковлер² отмечает в числе опасностей, поджидающих каталог прав человека в виртуальном пространстве, «покушения на неприкосновенность частной жизни путем скрытого наблюдения (практике Европейского суда по правам человека уже известен ряд дел о скрытом наблюдении за служащими на рабочем месте); зависимость осуществления конституционных прав от воли других субъектов (например, провайдеров); ненадлежащее обеспечение конфиденциальности при обработке уже оцифрованной персональной информации; появление дополнительных расходов на приобретение технических средств и устройств (например, обязательное использование электронных дневников школьников в многодетных семьях); привязка к электронному адресу для получения служебной или банковской информации».

В виртуальном пространстве со временем свое развитие и соответствующие механизмы защиты получит каждое из прав человека, закрепленных в Российской Федерации на конституционном уровне. Но уже сегодня можно уверенно отметить задачу защиты достоинства личности, чести и доброго имени, права на образование, обеспечения доступа к культурным ценностям.

Ключевым правом в этой системе всегда остается право на охрану достоинства личности. Оно закреплено в ст. 21 Конституции Российской Федерации в виде формулы. Но это право не только на охрану личности «здесь и сейчас», в нашем физическом мире, оно и

¹ URL:<https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>

² См.: Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12.

сопутствующие ему алгоритмы защиты давно востребованы в виртуальном пространстве.

И.А. Кравец отмечает, что «человеческое достоинство становится не только центром гравитации для прав человека в различных сферах и для удовлетворения разных интересов и потребностей, но и экзистенциальным и гуманитарным основанием для антропологического конституционализма»¹. А.И. Ковлер подчеркивает, что «именно соблюдение достоинства личности гарантирует неделимость прав человека»².

Часть 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации гласит: «Ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности». Важно подчеркнуть развитие содержания этого конституционного права за счет включения его в ценностно-смысловой каталог в сети «Интернет» и в других электронных системах. Необходимо усилить правовой механизм защиты этого права человека в виртуальном пространстве, направленный на предотвращение угрозы подмены так называемой электронной личности, а также представляется востребованным четкое правовое осмысление как самого права на охрану достоинства личности, так и непосредственно категории «личность» как правовой и в целом социальной.

Данное право тесно соприкасается с задачей обеспечения безопасности личности, общества и государства. В настоящее время в цифровом пространстве происходит массовый, тотальный сбор персональных данных граждан, в том числе биометрических. Этот сбор осуществляют как частные цифровые платформы (социальные сети, поисковики, рекламные системы, мобильные операторы, провайдеры доступа в Интернет, интернет-СМИ, мессенджеры), так и государственные структуры. В докладах по проблемам развития цифрового общества отмечается, что сбор данных зачастую делается в бесконтактном режиме, в ряде случаев без ведома человека; полученные данные укрупняются путем объединения с данными из других баз, группируются в единые базы с максимально полными профилями граждан; при этом эти данные не подлежат удалению по истечении времени или после решения поставленной задачи.

Статья 23 Конституции Российской Федерации направлена на защиту права каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; на

¹ Кравец И.А. *Dignitatis Humanae*: современные концепции, проблема целостности в философской и правовой экзистенции и использования в конституционализме // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 98.

² Ковлер А.И. Указ. соч.

тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. При этом следует подчеркнуть, что на международном уровне защита неприкосновенности частной жизни уже рассматривается как необходимое условие укрепления доверия к цифровой экономике. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Это также установлено на конституционном уровне (ст. 24 Конституции России). В эпоху цифровизации защита данного конституционного права тесно сопряжена с правом свободы общения и выражения мнения в сети «Интернет», с правом на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации. При этом параллельно, как отмечено в докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве»¹, происходит вычисление и вычленение сведений по косвенным признакам в больших данных с последующим их сведением в профиль пользователя или цифровой профиль гражданина. Например, благодаря поисковым запросам, данным о покупках, общению в социальных сетях, коротким сообщениям, СМС, крупные цифровые платформы, мобильные операторы и другие игроки цифровой сферы уже сейчас могут довольно уверенно создать личный профиль пользователя, включающий в себя возраст, пол, наличие беременности, различных физиологических и психических заболеваний, сексуальные, религиозные и политические предпочтения, семейные обстоятельства, связи интимного рода, сведения об уровне дохода, а также другие чувствительные личные данные. В докладе приводятся примеры, когда платформа, провайдер, оператор могут с помощью разнообразных средств идентификации атрибутировать вычисленные данные, т.е. привязать их к конкретному гражданину, его ФИО, адресу и т. п., что дает практически неограниченные возможности для цифровых манипуляций с личными данными. В связи с этим оправданным видится дальнейшее регулирование способов применения чувствительных типов персональных данных, например запрет на использование любых данных о болезнях, беременности, личных семейных и родственных обстоятельствах, на любой анализ поведения. Актуализируется необходимость защиты от сбора и группирования таких данных также в связи с обсуждаемой в СМИ идеей о формировании социального

¹ URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>

рейтинга в нашей стране. Благодаря социальному ранжированию в зависимости от заслуг, в том числе фиксируемых в виртуальном пространстве, к примеру, в Китае можно получать кредиты на льготных основаниях, пользоваться услугами каршеринга без дополнительных регистраций, социальными льготами. Вместе с тем понижение социального рейтинга может закрыть доступ к бесплатной медицине, пользованию услугами авиаперевозчиков, получению бытовых услуг без подачи дополнительных данных. Данная система сбора персональных данных нуждается в изучении, направленном не только на создание такого механизма социального рейтингования, но и на принятие его российским обществом с учетом ментальности и уже имевшего место в нашей истории опыта контроля, осуществляемого государством над его гражданами.

Правоспособность гражданина в виртуальном пространстве также обусловлена возможностью реализации права каждого на образование, предусмотренного положениями ст. 43 Конституции Российской Федерации. Установление на конституционном уровне гарантий общедоступности и бесплатности дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях приведет к включению в содержание данного права развития цифрового образования и грамотности в виртуальном пространстве, предусмотренного в ряде документов региональных международных организаций. Право на образование тесно связано с правом каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Оно установлено в ст. 44 Конституции России, реализуется через сеть виртуальных музеев и концертных залов, выставочных проектов с цифровыми гидами.

Правоспособность человека и гражданина в виртуальной среде касается и права, установленного ст. 26 Конституции Российской Федерации, — права каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Родной язык — это язык с особым правовым статусом, не искусственно созданный, а тот, который можно рассматривать как связующее звено с национальным самосознанием, с этнической самоидентификацией. Так, эсперанто — искусственно созданный язык для общения — не смог компенсировать коммуникативные функции любого национального (родного) языка. Право на пользование родным языком в виртуальном пространстве можно рассмотреть через призму обеспечения функционирования сайтов и мессенджеров на национальных языках. Например, в настоящее время

создаются гаджеты на национальных языках для коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Вместе с тем можно отметить, что каталог прав человека не только расширяется за счет внесения в него конкретных прав и свобод, дополнения их содержания, появления новых форм защиты, обусловленных их применением в цифровой среде, но и развивается путем гибридизации некоторых прав либо их отдельных характеристик в виртуальном пространстве. Например, можно прогнозировать дальнейшее сращивание права на образование и права на доступ к Интернету; права на доступ к знаниям, получаемым в сети «Интернет», и права на участие в культурной жизни; права на конфиденциальность, свободу от наблюдения и шифрования и права на неприкосновенность частной жизни; многие из этих прав отражены в Хартии прав человека в Интернете¹. Такой прогноз основывается также на динамике появления новых позитивных прав, таких как право доступа к Интернету и одновременно права на защиту персональных данных и права на забвение. При этом изменяются формы реализации прав: «право на свободу слова может отныне реализовываться посредством новых средств коммуникации (веерная рассылка на электронные адреса или создание персональных блогов)... эти явления, несомненно, оказывают влияние на реальные права человека»².

Расширение сфер цифровизации затрагивает многие аспекты конституционно-правового развития. Уточнение содержания прав человека в виртуальном мире назрело, поскольку очевидны риски при отсутствии определенности в понимании границ правосубъектности гражданина в виртуальной цифровой среде. Виртуальное пространство сосуществует с цифровым, но не подменяет его. Открытым остается вопрос о возрасте дееспособности в виртуальном пространстве, о степени контроля со стороны государства и других заинтересованных структур цифрового профиля, о гарантиях защиты имени от рисков злоупотреблений с ним.

Расширяющиеся сферы применения цифровых технологий должны опираться на полноценное нормативное правовое регулирование, в том числе применительно к повышению степени защищенности прав и свобод человека и гражданина. Развитие больших данных, нейротехнологий и искусственного интеллекта, квантовых технологий, компонентов робототехники и сенсорики, технологий беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальностей и

¹ URL: <https://www.apc.org/en/node/5677>

² Ковлер А.И. Указ. соч.

многого другого¹ формируют лишь матрицу, в которой реализуется право-, дее- и деликтоспособность человека.

Представляется, что развитие виртуальной цифровой среды должно не только сопровождать расширение гарантий защиты прав человека, в том числе от мошенничества, коррупционных злоупотреблений, но и способствовать сохранению и поддержанию индивидуализации человека, его идентичности как в виртуальном мире, так и в цифровом пространстве. Например, в общественном дискурсе давно обсуждается Положение по использованию цифровых данных в Шэньчжэньской специальной экономической зоне, разработанное в 2021 г., и возможности его трансформации в отечественном правовом пространстве. Данным Положением в Китае был введен общественный рейтинг, ставший своего рода новеллой в сращивании технологий искусственного интеллекта и социального статуса гражданина, ключевым элементом которого стала морально-нравственная категория «добропорядочность», включающая в себя три составные: этичность, благонадежность, законопослушность. При этом оценивать поведение граждан и назначать им баллы предполагается автоматически с помощью цифровых технологий.

Огромные риски, связанные с элементарным понижением уровня социальных гарантий в случае падения индекса «добропорядочность», с сокращением возможности напрямую воздействовать соответствующими рейтингами как на группы людей, так и на отдельных граждан, с ослаблением действенности двусторонних каналов связи между государством и гражданином, государством и обществом, должны быть учтены при изучении положительных сторон такого опыта. Также отметим, что дифференцированный подход в социальных рейтингах к лицам одной и той же возрастной группы, социальной группы, психофизиологического развития напрямую затрагивает объем право- и дееспособности этих лиц в сходных правовых ситуациях. Внимание заслуживает оценка таких рисков, как расширение социальной изоляции, диспропорция в защите прав и свобод в случае их нарушения, сужение границ применения прав и свобод человека.

Ценностный каталог прав и свобод человека и гражданина развивается и дополняется с учетом возможности выстроить пределы правового регулирования в условиях цифровизации, сформировать критерии и параметры сосуществования цифровой среды и совре-

¹ См.: Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11.

§ 2. Гражданин и его правоспособность в виртуальном пространстве

менного права, предвидения рисков для создания эффективных форм защиты прав человека в условиях технологической трансформации общественных отношений. Поиск баланса между задачами, решаемыми государством с помощью цифровых технологий, и интересами личности в виртуальном пространстве должен опираться на соблюдение прав и свобод человека и гражданина, в том числе на отсутствие ограничений в реализации одних и тех же прав в виртуальном и правовом пространствах, на защиту личности и ее достоинства с учетом социальных и информационных потребностей общества.

Глава IV АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

§ 1. ПРАВОСОЗНАНИЕ И НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ ОБРАЗЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВИРТУАЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ

Законность как важнейшее средство обеспечения прогрессивного развития общества приобретает в условиях цифровой трансформации общественной практики особое значение в связи с необходимостью решения экономических, социальных и политических задач, а также защиты прав, свобод и законных интересов личности, в том числе связанных с функционированием и развитием виртуального пространства.

Данное пространство все чаще становится не только ключевым способом коммуникации, методом реализации экономических интересов, средством самовыражения, но и принципом действия права. Обладая такими характеристиками, как глобальность, отсутствие национальных границ, анонимность, оно предоставляет личности беспрецедентные возможности для реализации прав и свобод, которые также могут использоваться и для совершения правонарушений (вредоносных) действий. Это обстоятельство делает актуальным организацию контроля за такими действиями.

Поскольку методы государственной деятельности по контролю за функционированием виртуального пространства разнообразны, а их перечень регулярно дополняется новыми способами контроля, в том числе основанными на началах самоорганизации и расширения участия самих пользователей такого пространства, то осмысление этого процесса представляет научный и практический интерес с точки зрения законности его осуществления.

В современной правовой науке законность рассматривается как многостороннее явление, как принцип деятельности государства, политико-правовой режим общественной жизни и метод поведения субъектов правоотношений на основе соблюдения законов¹.

¹ URL: <https://www.sites.google.com/site/tgpotvety/home/zakonnost-ponatie-i-principy-garantii-zakonnosti-ponatie-i-vidy>; https://studopedia.ru/3_101334_

Природа законности напрямую связана с законотворческой деятельностью, обеспечение которой обусловлено действием права в государстве.

В связи с тем, что виртуальное пространство связано с техническими, технологическими и социальными отношениями, возникающими, изменяющимися, прекращающимися в процессе использования телекоммуникационных технологий, то это предполагает проведение различий в содержании законности, которые зависят от ее нормативной (круг правовых предписаний, обязательных для исполнения) и субъективной (состав субъектов, на которых распространяются обязанность соблюдать правовые предписания и право требовать такое соблюдение от других лиц) стороны, т.е. законность следует рассматривать с разных точек зрения, которые в совокупности отражают ее главное свойство — соответствие существующих в обществе процессов и явлений требованиям правовых предписаний и их неукоснительное соблюдение.

В обеспечении режима законности в виртуальном пространстве как объекте контрольной деятельности важную роль играют понятия «субъект законности» и «соразмерность ограничений».

В отличие от субъектов законотворчества (правотворчества) субъектами законности выступают не только государственные органы и должностные лица, но и все носители субъективных прав, в том числе участники виртуального пространства. Учет этой стороны законности определяет повышение ее роли в современном обществе.

Идея соразмерности ограничений в виртуальном пространстве тесно связана с принципами законности — основными началами, выражающими ее содержание.

Можно выделить три основных принципа законности, применимых в отношении субъектов виртуального пространства: верховенство закона (единые требования к субъектам в масштабах территории действия нормативного акта), целесообразность (выбор в рамках закона оптимальных вариантов осуществления правовой деятельности) и реальность (фактическое выполнение правовых предписаний при неотвратимости ответственности за их нарушение). Это дает право полагать, что принципы законности распространяются на всех пользователей виртуального пространства без исключения.

С учетом этого исследование свойств виртуального пространства предполагает анализ категории «законность» через призму соот-

ношения поведения субъектов виртуального пространства и действия законов, регламентирующих такое поведение.

Поскольку законность как социальное явление складывается из правил поведения конкретных субъектов, то важное значение имеют свойства и качества личности, от которых зависит характер ее действий в правовой ситуации, прежде всего связанных с ее правосознанием, под которым обычно подразумевается сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность.

В рассматриваемом контексте под правосознанием допустимо понимать сложную структуру, отражающую систему правовых взглядов, основанных на чувстве ответственности за результаты функционирования и развития виртуального пространства.

Являясь неотъемлемой составляющей механизма действия права, правосознание представляет собой целостную систему, качества которой проявляются в рамках общественных процессов через реагирование пользователей виртуального пространства на изменение внешней среды при их контакте друг с другом и с этой средой.

Определение правосознания в качестве системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов позволяет утверждать, что любая составляющая правосознания включает в себя правовые идеи, взгляды, мнения, теории, которые распространены в данном обществе, отражают типичные свойства его юридической действительности и объективируются в правовой культуре¹.

С позиций качества отражения правовой действительности, связанной с функционированием виртуального пространства, ассоциация правовой культуры со степенью свободы человека в рамках функционирования виртуального пространства предполагает не только отражение в сознании и поведении личности требований норм и принципов права, но и солидарность с данными требованиями.

Следовательно, сложный характер формирования правосознания может проследиваться через его неразрывную связь с правовой культурой и юридическим мышлением², а также с правовым мента-

¹ См.: Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1996. С. 123–127.

² См.: Певцова Е.А. Правовая культура и правовое воспитание на рубеже XX–XXI вв. М., 2003; Петручак Л.А. Правовая культура современного российского общества. М., 2021; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4. С. 70–86.

литетом и правовой идеологией¹ пользователей виртуального пространства, применяющих цифровые технологии².

По мнению Е.А. Лукашевой, «правосознание содержит понимание объективной необходимости законности»³. В связи с этим А.А. Солуков полагает, что законность связана с определенной правовой идеологией как формой общественного сознания⁴.

Исходя из этого, актуальной задачей выступает определение смыслополагающих идей, отражающих ценностные ориентиры законопослушного поведения большей части пользователей виртуального пространства, способных стать основой для консолидации их действий в рамках преодоления деструктивного влияния социально вредной информации.

Такое влияние предполагает необходимость учитывать то, что правовая идеология пользователей виртуального пространства как познавательная сторона правосознания личности не возникает самопроизвольно, а вырабатывается и усваивается (что, кому при каких обстоятельствах предписывается, запрещается или дозволяется) в рамках функционирования такого пространства.

Важно также представлять, что через правовую психологию пользователи виртуального пространства реализуют не только знания права, но и умение критически оценивать свое поведение с точки зрения его соответствия правовым установкам.

Таким образом, особенности правосознания участников взаимодействия в виртуальном пространстве могут проявляться в их волевом поведении и в конечном счете в реагировании на жизненные обстоятельства, складывающиеся в рамках существующей правовой действительности. И, прежде чем общественное правосознание найдет свое отражение в психике отдельных людей, оно стано-

¹ См.: Азнагулова Г.М. Правовой менталитет и правовая идеология современного российского общества // Юридическая мысль. 2014. № 4. С. 5–11.

² См.: Кучеров И.И. Криптовалюта (идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств): монография. М., 2018; Правовое регулирование электронной торговли в зарубежных странах: монография / отв. ред. Н.Г. Семилютина, О.А. Терновая. М., 2019; Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М., 2019; Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М., 2019.

³ См.: Лукашева Е.А. Правосознание и законность в социалистическом обществе: Идеологические и социально-психологические факторы обеспечения законности: автореф. ... д-ра юрид. наук / АН СССР. Ин-т государства и права. М., 1973. С. 13.

⁴ См.: Солуков А.А. Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Солуков. М., 2012. С. 14.

вится коллективным сознанием социальных групп. Особенности такого правосознания обуславливаются тем, что в любой общности возникают свои нормативные ценности, которые влияют на оценки участников виртуального взаимодействия в сложившейся юридической реальности.

Прослеживая связь законности и правосознания, можно констатировать, что ценностное ядро правосознания выступает в качестве важнейшего фактора реализации идеи законности в виртуальном пространстве как таковой. Наряду с этим существенное значение имеют социально-экономические и ценностно-психологические факторы, обусловленные сменой технологического уклада и появлением таких постматериальных ценностей, как новая возможность самовыражения, проведения досуга и ряда других¹.

Важно отметить, что указанные факторы воздействуют не только на правовое поведение, но и на формирование состояния законности в виртуальном пространстве, которое характеризуется рядом параметров. При этом влияние каждого конкретного фактора на правовое поведение участников виртуального взаимодействия может быть прямым (непосредственным) и косвенным (опосредованным), позитивным и негативным.

И.А. Ильин, говоря о проблеме законности, соединяет ее с проблемой правосознания личности, стремящейся к обретению права², а понимание правосознания — с духовным совершенствованием человека, с его стремлением к общественному и личному идеалу через законы духовного достоинства, автономии, взаимного признания³. Философ утверждал, что понятие нормального правосознания тождественно понятию естественного права и что нормальное правосознание формирует позитивное право как систему конкретных норм, регулирующих жизнь человеческого общества⁴. С учетом этого С.С. Алексеев отмечал, что законность как понятие «характеризует правовую действительность, взятую под углом зрения практического осуществления»⁵.

¹ См.: Честнов И.Л. Легитимность как характеристика социального государства постиндустриального общества // Социальное государство: коллективная монография. М.: Русайнс, 2016. С. 4.

² См.: Ильин И.А. О сущности правосознания // Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ; Хранитель, 2006. С. 191.

³ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Раготь, 1993. С. 147.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Алексеев С.С. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 133.

Данный подход представляет интерес позиции углубленного анализа идеи правосознания, связанной с функционированием виртуального пространства¹, характеризующей в целом отношение людей к праву, а следовательно, и к законности².

Понимание правосознания в контексте теории отражения вполне может связываться с воспроизведением и существующей модели правопорядка³ как результата реализации законности в жизни через эмоционально-ценностное восприятие получаемой информации о правовой реальности⁴, если правосознание оказывается объектом технологического манипулирования⁵ при отсутствии в виртуальном пространстве механизмов правовой защиты, аналогичных действующим в традиционных сферах общественных коммуникаций⁶.

В 2011 году глава Минкомсвязи России И. Щеголев, выступая на сессии Лондонской конференции по киберпространству, заявил, что «Россия призывает выработать международный кодекс поведения в киберпространстве, чтобы ограничить злоупотребление информационными технологиями против интересов отдельных государств и современного мира в целом. Это не юридически обязывающий документ, а те правила, которые предлагается рассмотреть, которые соответствуют целям, обсуждаемым на конференции. Этот кодекс может быть утвержден в виде конвенции под эгидой ООН»⁷.

Данное предложение не потеряло своей актуальности и сегодня. Однако разработка проблематики правосознания, обусловленная функционированием виртуального пространства, призвана учитывать необходимость увеличения числа социально полезных или со-

¹ См.: Смазнова О.Ф. Аксиома правосознания И.А. Ильина и темпоральный анализ развития правосознания // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 24. С. 50.

² См.: Власов В.И. Теория государства и права. Ростов н/Д.: Феникс, 2002; Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов н/Д.: Феникс, 2001.

³ См.: Юрашевич Н.М. Эволюция понятия правового сознания // Правоведение. 2004. № 2. С. 165–181. С. 181; Батуркин В.Г. Понятие и структура правового сознания // История государства и права. 2004. № 5. С. 21.

⁴ См.: Поляков А.В., Тимошина Е.В. Теория государства и права. СПб., 2005. С. 157.

⁵ См.: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2019.

⁶ См.: About one-in-five Americans who have been harassed online say it was because of their religion. URL:<https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/02/01/about-one-in-five-americans-who-have-been-harassed-online-say-it-was-because-of-their-religion/>

⁷ URL: <https://rg.ru/2011/11/01/shegolev-site.html>

циально нейтральных поступков людей, а институты гражданского общества независимо от государства должны располагать средствами, с помощью которых можно заставлять отдельных субъектов права соблюдать определенные этические и моральные нормы.

В правовой и философской литературе правовое сознание рассматривается в двух аспектах — гносеологическом и социологическом, т.е. как результат отражения правовой действительности и как первоначало, являющееся и источником права, и его предпосылкой.

Такие подходы дополняют друг друга, объясняя механизм взаимодействия права и правосознания. Исходя из этого, анализ виртуального пространства как объекта права позволяет сделать вывод, что подключение компьютера пользователя в виртуальном пространстве осуществляется путем совершения нескольких юридически значимых действий, природа которых не является новой.

Отношения, которые возникают в связи с функционированием виртуального пространства как технологической среды, относятся к сфере технических стандартов либо представляют собой предмет правового регулирования существующих правовых норм, т.е. речь прежде всего идет об особом способе реализации прав и обязанностей пользователей пространства. При этом предметом регулирования являются взаимоотношения между операторами и пользователями по поводу передачи информации и оказания услуг.

Если принимать во внимание особенности такого взаимодействия, а также то, что сетевое сообщество функционирует одновременно и как управляемая государством, и как самоуправляемая система, то наказание и поощрение в традиционном виде в виртуальном пространстве бессмысленны.

В связи с этим допустимо ставить вопрос о введении нового правового образа — квазиправового взаимодействия, идея которого связана с реализацией общественного и частично государственного контроля за средствами самозащиты пользователей, обеспечивающими их систему безопасности, дополняемыми определенными превентивными правовыми гарантиями со стороны государства.

Поскольку виртуальное пространство естественным образом делится на сектора, сформировавшиеся из системы объективных связей между различными позициями субъектов квазиправового взаимодействия, находящихся в альянсе или конфликте друг с другом, то каждый сектор может строиться с учетом своей логики, своих правил и закономерностей функционирования.

В рамках таких правил могут выявляться и поддерживаться возможности самоорганизации, приемлемые для субъектов виртуального пространства, с помощью квазиправовых форм (типа «досок

позора», где располагается информация о злостных нарушителях, о действиях, совершенных под влиянием обмана), а также кодексов поведения, содержащих нормы саморегулирования, которые распространяются на все виды деятельности, призванной быть законной, пристойной, честной и правдивой в виртуальном пространстве.

Исходя из этого, участники виртуального пространства призваны принимать на себя такие бессрочные обязательства, как, например, запрет производства, копирования и использования программных и технических средств, не приобретенных на законных основаниях, нарушение признанных норм авторского права, вскрытие (взламывание) системы передачи данных, совершение краж виртуального имущества.

Действенность таких положений может подкрепляться сетевыми форумными, на которые пользователи виртуального пространства выносят конкретные проблемы. Их обсуждение позволит выработать предложения по оценке тех или иных действий и событий.

С учетом такого подхода функционирование любого сектора в виртуальном пространстве можно сравнить с рынком услуг, на котором с учетом иерархии существуют как спрос и предложение в виде доминирующих мнений и позиций, так и механизмы депортации (технической, организационной) субъектов, игнорирующих оговоренные правила квазиправового взаимодействия. При этом позиция (статус) каждого субъекта в виртуальном пространстве должна определяться его способностью действовать эффективно во взаимоотношениях с другими субъектами и их позициями, исходя из выбора «меньшего из двух зол», т.е. сравнением последствий соблюдения и несоблюдения правил, принятых участниками такого взаимодействия.

Исходя из ассоциации виртуального пространства с пространством стилей жизни субъектов квазиправового взаимодействия, допустимо поставить вопрос о введении в юридический оборот таких понятий, как «возможности» и «ограничения», которые призваны выступать в качестве аналогов понятий «права» и «обязанности», присущих реальному миру¹.

От результата выполнения или игнорирования правил квазиправового взаимодействия зависит либо получение реальных благ и услуг субъектами виртуального пространства, либо ограничение возможности их участия в рамках этого взаимодействия. Такое ог-

¹ Здесь вполне уместно вспомнить выражение французского философа Рене Декарта: «Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений».

раничение, направленное на достижение общего блага, вполне может быть опосредованным юридическими нормами, предоставляющими, например, право применять технические средства самозащиты без какой-либо специальной регламентации.

В этом случае вполне приемлемой может стать деятельность негосударственных организаций по защите прав и интересов пользователей виртуального пространства (кибердружин), которые по мере появления новых сложностей (угроз) будут разрабатывать рекомендации по их устранению и оперативно рассылать их всем заинтересованным участникам квазиправового взаимодействия. При этом с точки зрения реализации законности «на уровне личности социальный контроль превращается в самоконтроль, средством которого выступают ценностные ориентации личности, усвоенные ею нормы поведения, социально-психологические установки, чувства и эмоции»¹.

Учет данного обстоятельства обязывает субъектов квазиправового взаимодействия, оценивая обстоятельства конкретной жизненной ситуации, более активно использовать социальный опыт, накопленный в ходе цивилизационного развития, поскольку преобразование жестко детерминированного начала правового регулирования в автономно-осознанное начало саморегулирования обуславливает ответственность не только перед собой, но и перед обществом в целом.

Таким образом, переход к саморегулированию как высшему типу правомерного поведения личности в виртуальном пространстве, которая может расцениваться в качестве базовой формы правового регулирования, является сущностной характеристикой квазиправового взаимодействия. Этим переходом определяется соотношение в цикле правового регулирования качественных и количественных показателей законности (качественные — характеризуют содержание, а количественные — степень жесткости причинно-следственных связей, в которые вступает личность или социальная группа в виртуальном пространстве).

Принимая во внимание сказанное, отметим, что граница между правовым регулированием и саморегулированием в виртуальном пространстве является весьма подвижной. С одной стороны, правовое регулирование, постепенно сливаясь с идеями нравственности и справедливости, трансформируется в саморегулирование, проявляющееся исключительно через правосознание и волю личности, а с другой — внутреннее убеждение личности формируется посредством сохраняющейся в обществе правовой регуляции, которая об-

¹ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 229.

условливает индивидуальные цели, стимулы, желания в рамках развития виртуального пространства.

Опираясь на тот факт, что дискретность и непрерывность в их чистом виде — суть абстракции, применяемой на разных уровнях познания и отражения объективной реальности, которая представляет собой диалектическое единство непрерывности и прерывности¹, следует отметить, что возможности развития саморегулирования создают предпосылки для дальнейшего совершенствования идеи законности в виртуальном пространстве, связанной как субъективными, так и объективными факторами развития виртуального пространства.

Если с этим согласиться, то в качестве еще одного правового образа, связанного с дальнейшим развитием виртуального пространства, следует назвать «органонидный интеллект», предполагающий интеграцию человеческого мозга с машиной и превращение человека в единую цифровую личность, имеющую более активную связь с информационным пространством, чем с реальностью².

Так, например, китайские ученые из Нанькайского университета в Тяньцзине в 2022 г. объявили о существенном прогрессе в создании технологии интерфейса «мозг-компьютер» за счет безопасного внедрения чипов в мозг без вскрытия черепа — через вену в нужную область моторной коры. При этом такая операция может производиться менее чем за два часа³.

По мнению ученых, такой мозг будет обладать бóльшим потенциалом вычислительных способностей, которые сделают нашу жизнь более безопасной и приятной⁴.

Возможность подключения мозга человека к облачному сервису позволит пользователям виртуального пространства находиться сразу в двух состояниях — реальном и цифровом, что призвано усилить в тысячи раз их мыслительные процессы за счет обмена данными, хранящимися на компьютерах всего мира⁵.

Реализация таких технологий допускает, что все эмоции, мысли, переживания, творческие порывы, воспоминания человека можно

¹ См.: Бирюков Б.В. Кибернетика и методология науки. М., 1974. С. 91.

² URL: <http://nm-union.ru/obosnovaniepoziciiivlasovojirinyleonidovnyvverhovnomsudepodmi1946.html>

³ URL: <https://hightech.plus/2022/07/03/kitaiskie-inzheneri-uspeshno-vnedrili-chip-v-mozg-bez-vskritiya-cherepa>

⁴ URL: <https://hi-news.ru/science/iskusstvennyj-mozg-mozhet-stat-realnostyu-k-seredine-stoletiya.html>

⁵ URL: <https://naked-science.ru/community/762428>

будет записать в качестве информации, которую без какой-либо потери (в случае утраты физического тела) можно закачать из облака в мозг¹. Однако при этом пользователи сети будут постепенно разучатся общаться с реальностью — они не смогут взаимодействовать друг с другом, напрямую разговаривать глаза в глаза². Причем по мере продвижения исследований и разработок в этой области такой сценарий становится все более вероятным, поскольку в результате виртуализации бытия человек постепенно потеряет традиционные смыслы и перестанет адекватно осознавать собственные интересы. При дальнейшем развитии технологий в этом направлении характер современного виртуального пространства будет стремительно меняться.

Если учитывать, что в настоящее время личная информация (номер мобильного телефона, свидетельство о рождении, документ, удостоверяющий личность, QR-коды) и другие значимые для жизнедеятельности сведения, а также цифровые деньги уже циркулируют в виртуальном пространстве, то в качестве актуального современного правового образа следует выделить такое многогранное явление, как кибертерроризм, которое связано с последствиями политически мотивированной атаки на виртуальное пространство, создает опасность для жизни или здоровья людей³ и не получило еще однозначной интерпретации на международном уровне, но активно влияет на функционирование такого пространства.

Принимая во внимание все более активное использование в противоправных (вредоносных) целях нейросетей, кибертерроризм может характеризоваться как явление, связанное с действиями лица или группы лиц, направленными на устрашение людей, оказание давления на правительства для создания атмосферы страха в обществе, навязывания ему определенной линии поведения либо на причинение существенного вреда посредством использования информационно-электронных сетей и (или) систем искусственного интеллекта⁴.

¹ URL: <https://bloknot.ru/nauka/vechnost-k-2030-godu-chelovechestvo-obretet-bessmertie-1078386.html>

² URL: <https://dzen.ru/a/ZBK5FKrZFBok3OLa>

³ См.: Васильев М.В. Современные медиатехнологии на службе международного терроризма // Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики: матер. междунар. науч. семинара. Псков. 2016. С. 18–41.

⁴ См.: Противодействие кибертерроризму в цифровую эпоху: монография / О.А. Степанов. М., 2020. С. 12.

Особенность кибертеррористических проявлений (атак) заключается в настоящее время в том, что при сравнительно небольших усилиях можно «добавить нестабильности» в виртуальное пространство, связанное с системой общественного функционирования, доведя до критического уровня структуры ее управления в целях создания возможности перехвата власти за счет нанесения ущерба информационным ресурсам и процессам, а также подрыва политической и социальной систем, массивной психологической обработки населения с целью дестабилизации общественной жизни¹.

Серьезность последствий кибертерроризма для пользователей виртуального пространства предполагает повышение уровня его безопасности.

Еще в декабре 1997 г. в Вашингтоне на встрече министров юстиции и внутренних дел восьми промышленно развитых стран были одобрены ключевые принципы по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий, которые актуальны и сегодня².

Вместе с тем важно осознавать, что безопасное функционирование виртуального пространства может быть обеспечено лишь в

¹ Там же.

² См.: Принципы по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий: для тех, кто злоупотребляет информационными технологиями, не должно быть «тихих гаваней»; расследования и наказания за международные высокотехнологические преступления должны координироваться между всеми заинтересованными странами независимо от того, где был нанесен ущерб; сотрудники охраны правопорядка должны быть подготовлены и оснащены для борьбы с преступлениями, использующими современные технологии; юридические системы должны обеспечивать конфиденциальность, целостность и доступность данных систем, а также их защиту от несанкционированного вмешательства при одновременном наказании за серьезные злоупотребления; юридические системы должны обеспечивать сохранение и быстрый доступ к данным в электронной форме, что часто является критическим для успешного проведения расследования преступлений; режимы оказания взаимной помощи должны давать возможность своевременного сбора улик по делам, относящимся к международным преступлениям, и обмена ими с применением современных информационных технологий; электронный доступ представителей охраны правопорядка к открытым для общественности источникам информации должен осуществляться без разрешения государств, на территории которых они находятся; необходимо разработать и применять судебные стандарты определения подлинности электронных данных для использования при расследовании уголовных преступлений и судебном преследовании; информационные телекоммуникационные системы должны, по возможности, разрабатываться с целью оказания помощи в обеспечении защиты и определения случаев злоупотреблений, а также способствовать выявлению преступников и сбору улик; работа в данной области должна координироваться с деятельностью других родственных международных организаций для предотвращения дублирования усилий.

условиях координации межгосударственной деятельности, нацеленной на сотрудничество правоохранительных органов с теми участниками виртуального взаимодействия, которые заинтересованы в противодействии кибертерроризму, исходя из осознания ими необходимости такого противодействия.

В связи с этим вновь приобретает актуальность идея «чувства законности», которую Г.Ф. Шершеневич определил как побуждение соблюдать установленные законы, не сообразуясь с конкретными условиями применения, как «не только согласованное с законом поведение, но и ... потребность соблюдения закона»¹.

А.С. Бондарев рассматривает чувство законности через призму системы правовых чувств человека, которые, сформировавшись, «становятся ведущими во всей его правовой чувственно-эмоциональной деятельности»².

По мнению А.В. Смоленцева, правовое чувство является самоорганизующейся системой установок правового характера, основанной «на общепринятом идеале добра и справедливости»³.

Учитывая сказанное, можно сделать вывод о том, что система средств, призванных обеспечивать законность в виртуальном пространстве, в настоящее время представляет собой комбинацию взаимообусловленных юридических, социально-экономических, психологических и технологических элементов, тесно связанных с интеллектуально-волевым поведением участников такого пространства.

§ 2. ОСНОВАНИЯ И ФОРМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОТИВОПРАВНЫЕ (ВРЕДНОСНЫЕ) ДЕЙСТВИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Природа виртуального пространства не позволяет сегодня даже самому сильному государству в одиночку и в полном объеме решить проблему противоправных действий — для сокращения до минимума выгоды от этой деятельности и увеличения до максимума риска наказания за участие в ней необходимы сбор информации и обмен ею в международных масштабах.

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Часть теоретическая. Философия права. Т.1. Вып. 1—4 / Шершеневич Г.Ф. М.: Бр. Башмаковы, 1910.

² Бондарев А.С. Правовая антикультура в правовом пространстве общества / А.С. Бондарев; ГОУВПО «Пермский гос. Ун-т». Пермь: Ред.-изд. Отд. Пермского ун-та, 2006. С. 47.

³ См.: Смоленцев А.В. Правовое чувство: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 9.

Поскольку категория «законность» характеризует результативность действия права в современном обществе, то говорить о законности в международном аспекте допустимо только при том, что «обеспечивается верное понимание природы и целей законов, реализация принципов законодательного регулирования, а также общепринятых оснований ответственности — с учетом международно-правовых актов»¹.

Это обстоятельство позволяет вести речь о широком понимании законности как явлении, воплощающем в себе международные гуманистические принципы (основополагающие начала деятельности), методы (совокупность способов, приемов и средств осуществления юридически значимых действий) и правовые режимы (порядок осуществления действий, исходя из духа и буквы закона) общественной практики, отвечающие интересам наибольшего числа жителей планеты.

Значительная часть интернет-сервисов в виртуальном пространстве взаимозависима, поскольку облачные технологии допускают наличие распределенных между различными юрисдикциями вычислительных мощностей, т.е. интернет-сервис, основанный на современных информационно-телекоммуникационных технологиях, представляет собой архитектурно распределенную по нескольким юрисдикциям систему правовых отношений. При этом пользователи, взаимодействующие в рамках такого интернет-сервиса, относятся к различным юрисдикциям. Между тем архитектура виртуального пространства предполагает международный характер взаимодействия. Это обуславливает трудности определения применимого права, связанные как с местом разрешения спора и иными обстоятельствами юридического характера в Интернете, так и с обязанностями субъектов перед регулирующими органами. С точки зрения общей теории права решение данной проблемы допускает возможность экстерриториальности правовых норм применительно к контенту интернет-сайта, ориентированного на аудиторию, состоящую из населения иного государства. При этом понятие «иностранный элемент» может интерпретироваться расширительно касательно возможности применения права одной правовой системы к отношениям, в которых один или более субъектов принадлежат к другой правовой системе².

¹ Тихомиров Ю.А. Действие права. М., 1992. С. 148.

² См.: Степанов О.А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 4–23.

Исходя из этого, представляется необходимым на государственном уровне развить деятельность, направленную на предотвращение использования виртуального пространства в целях, которые несовместимы с обеспечением безопасности. Такая деятельность должна быть связана с установлением единых стандартов, определяющих права, свободы личности, порядок наступления ответственности за осуществление противоправных действий, а также с более действенной организацией сотрудничества правоохранительных органов различных стран, которая не только позволит сократить выгоды от противоправной (вредоносной) деятельности в виртуальном пространстве, но и увеличить риск наказания за сознательное участие в ней. Этим определяется целесообразность выработки единых подходов к локализации и устранению негативных факторов, связанных с функционированием виртуального пространства.

Важно, чтобы национальные правовые системы активно настраивались на условия функционирования виртуального пространства. Такого рода диалог возможно вести либо под эгидой ООН¹, либо в рамках Международного союза электросвязи, имеющего 150-летнюю историю и сохраняющего свои приоритеты.

Так, например, многими пользователями онлайн-игры «Аллоды Онлайн» в России вкладываются деньги в сферу виртуального пространства в целях получения определенного преимущества при осуществлении игрового процесса путем покупок и продаж, игровых аккаунтов (учетных записей) и закрепленных за ними виртуальных предметов. Обратной стороной этого процесса являются участвовавшие случаи хищений предметов и персонажей у игроков, а также блокировки аккаунта с последующим причинением имущественного вреда его обладателю посредством изъятия содержимого, на приобретение или создание которого либо на получение возможности пользоваться которым были потрачены реальные деньги и время. Исходя из этого, 68% опрошенных игроков считают, что кража и иные противоправные деяния в отношении виртуальной собственности равноценны краже реально существующего имуще-

¹ Еще в апреле 2000 г. на X Конгрессе ООН по предотвращению преступности главное внимание было уделено координации борьбы национальных правоохранительных структур в области компьютерной преступности, а также достижению договоренности об обмене видеофайлами, на которых зафиксированы показания свидетелей преступлений, и о совместной разработке технологий быстрого отслеживания атак и об идентификации хакеров, т.е. об обмене информацией правового характера.

ства, так как в виртуальную собственность вложены либо деньги, либо труд по ее созданию, либо и то и другое¹.

Поскольку формой реализации юридической ответственности является наказание, которое характеризует существующий в обществе режим законности, то проблема юридической ответственности за противоправные (вредоносные) действия в виртуальном пространстве должна рассматриваться с точки зрения последствий действий пользователей такого пространства. При этом следует отметить, что ни признаки субъекта преступления, ни признаки субъективной стороны состава преступления, связанного с кражей того или иного имущества в виртуальном пространстве, не должны иметь значения для возбуждения уголовного дела при обращении в правоохранительные органы с указанной проблемой, так как это обстоятельство не обязательно должно быть связано с наличием данных о том, кто конкретно совершил кражу. Для возбуждения уголовного дела в данном случае достаточно, чтобы имеющиеся сведения характеризовали содеянное лишь в общих чертах, установление же всех его обстоятельств является уже задачей конкретного расследования².

Как социальное явление, отражающее реальное действие права (его сущность), юридическая ответственность должна выражаться предметно через перспективу нежелательных последствий для конкретного лица в случае его установления в контексте сложных взаимосвязей реального и виртуального миров.

В настоящее время отсутствует какая-либо универсальная модель правового реагирования на последствия поведения личности в виртуальном пространстве. В связи с этим следует согласиться с Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногором, которые отмечают, что перед юриспруденцией из-за происходящей трансформации права в условиях цифровой реальности стоит ряд фундаментальных задач, среди которых выделяются постановка и разработка проблем виртуального и реального в праве, необходимость изучения права с точки зрения соотношения виртуального и реального³.

¹ См.: Васильев А.М., Козырин А.А. Уголовно-правовая защита правомерных интересов в отношении виртуальных объектов // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 2. С. 14–44.

² Уголовное дело должно возбуждаться даже при наличии минимальной степени вероятности того, что преступление действительно было совершено, хотя в дальнейшем такое предположение может и не подтвердиться, и дело будет прекращено.

³ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

По мнению К.Г. Юнга, личность есть не что иное, как отпечаток (маска) набора унаследованных общечеловеческих идей, представлений¹ — «универсальная коллективная психе», «вырезка» из общественного сознания. Принимая во внимание данное мнение, можно сделать вывод о том, что целенаправленная деятельность государства по формированию в общественном сознании соответствующих мировоззренческих установок, призванных сопровождать развитие общества, путем принятия правовых норм, поддерживаемых организацией специального государственного контроля, способна оказать позитивное влияние на процесс сохранения социума².

С учетом этого представляется возможным предложить следующую юридическую конструкцию, характеризующую сущность реагирования на последствия поведения личности в виртуальном пространстве: «Если имеют место вредоносные действия, связанные с использованием виртуального пространства, то необходимо предусмотреть форму правового реагирования, нейтрализующую такие действия, иначе сетевое функционирование и использование ресурсов виртуального пространства будет сопровождаться социально опасными проявлениями». Исходя из такой конструкции, государство призвано, с одной стороны, своими запретами и угрозой применения санкций побуждать личность к соответствующему поведению, связанному с использованием возможностей виртуального пространства, а с другой — при обнаружении поведения, противоречащего закону, устанавливать и применять меры воздействия на личность³. При этом юридическая ответственность пользователей виртуального пространства, совершивших правонарушение, может реализоваться либо в добровольной форме путем исполнения обязанностей, предусмотренных санкцией юридической нормы, либо в принудительной форме, характерной для деятельности компетентных государственных органов, прежде всего суда.

Для минимизации последствий распространения в сети контента, связанного с ложной информацией, посредством несанкционированного создания электронной маски человека и вложения в нее

¹ См.: C.G. Jung. Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewussten. 3. Aufl. Zurich-Leipzig, 1938, S. 63–64.

² См.: Противодействие кибертерроризму в цифровую эпоху: монография / О.А. Степанов. М., 2020. С. 76.

³ См.: Степанов О.А. Правовое воздействие на развитие цифровой среды в обществе: монография. М.: Проспект, 2021; Его же. Противодействие кибертерроризму в цифровую эпоху: монография. М.: Юрайт, 2020.

информационных фальшивок необходимо также обратить внимание на проблему ответственности разработчиков технологии искусственного интеллекта и лиц, использующих его потенциал в противоправных целях.

Поскольку правонарушение, касающееся сферы виртуального пространства, представляет собой сложную совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых объективных и субъективных факторов, то в качестве минимального требования наступления ответственности субъектов правоотношений следует признать поведение, обусловленное осознанным действием (бездействием), влекущим за собой общественную опасность. Исходя из этого, ответственность субъектов как правовое явление может рассматриваться в диапазоне отношений «виновная ответственность» — «ответственность за риск» (например, в случаях применения чат-ботов) в целях причинения ими вреда¹.

Традиционный подход к анализу данного явления как психическому отношению субъекта к окружающей его социальной действительности вряд ли непосредственно применим к таким объектам за последствия совершенных ими действий. Выделяемые правоведением формы вины — умысел и неосторожность, необходимые для раскрытия социально-правовой сущности правонарушения, имеют место лишь в том случае, когда субъект права знает и понимает, что он нарушает правовые запреты и предписания. По крайней мере в настоящее время такие характеристики могут быть присущи разработчику и заказчику чат-ботов, действия которых формально не связаны с результатами использования данных программных продуктов. Отсюда возникает необходимость развития института ответственности без вины как превентивной меры защиты интересов социума.

Так, разработчик обязан не только предвидеть возможность, но и учитывать риск выхода создаваемого им объекта из-под его контроля, а заказчик — допускать такой риск. Данная позиция не противоречит принципу справедливости и призвана защищать жизненно важные интересы социума.

Поскольку именно право как инструмент социального управления способно в складывающихся условиях эффективно действовать через волю и сознание людей, стимулируя их поведение в обществе, то в качестве факта, порождающего ответственность без

¹ См.: Степанов О.А. Проблемные аспекты категорий «вина» и «исполнимость судебных решений» в условиях цифровой трансформации общества // Современное право. 2022. № 6. С. 96–98.

вины, должно рассматриваться не правонарушение, а причинение общественного вреда. Это требует углубленной научной проработки вопросов, касающихся определения допустимой степени риска, возможности его эскалации, а также действий должностных лиц, берущих на себя ответственность за риски. При этом новые направления развития общественных отношений вполне могут облекаться не только в новые, но и в старые правовые формы. В качестве рецепции, например, вполне допустимо рассматривать институт гражданской чести, который в России XIX — начала XX в. определял правоспособность личности и был связан с признанием достоинства и доброго имени человека. Умаление гражданской чести в результате неблагоприятных действий личности приводило по приговору суда к ограничению ее правоспособности в какой-либо деятельности либо в занятии конкретной должности в той мере, в какой этого требовала защита нравственности.

Если исходить из того, что правовое регулирование отражает единство сущности права с результатами его проявления в жизни, то становится вполне допустимым возврат к использованию римского института популярного иска, согласно которому любой гражданин мог выступить в защиту закона и поставить вопрос о привлечении его нарушителя к ответственности независимо от того, какой интерес он затрагивал — общественный или частный. Данный юридический инструмент носил превентивный характер и способствовал ограждению общества от наиболее деструктивных действий личности. Использование подобной формы юридической ответственности в условиях неопределенности категории вины для создаваемых продуктов искусственного интеллекта является вполне оправданным.

Следует обратить внимание и на то, что новые возможности учета сложных взаимосвязей, касающихся ответственности за противоправные (вредоносные) действия в виртуальном пространстве, обеспечиваются практической реализацией положений концепции «минимума контактов», ориентированной на квазимежгосударственный характер взаимодействия различных стран в вопросах разграничения их юрисдикции¹.

Поскольку в рамках реализации указанных положений лишь требуется доказать, что деятельность соответствующего субъекта была направлена на территорию конкретного государства, если по техническим и экономическим причинам взаимозависимые интер-

¹ См.: Барнашев А. Экстерриториальная юрисдикция в США: доктрина «минимальных контактов» // Российская юстиция. 2000. № 5. С. 46–47.

нет-сервисы, обеспечивающие виртуальное взаимодействие таких субъектов, находятся в различных юрисдикциях, то данный подход интересен прежде всего с позиций уяснения формы реализации юридической ответственности за использование виртуального пространства в противоправных (вредоносных) целях, когда за основу берется не закон государства, в котором находится ответчик, а фактическая связь рассматриваемого отношения с правопорядком государства суда¹.

Ориентация на использование названных механизмов межгосударственного взаимодействия предполагает дальнейшее исследование проблемы законности в виртуальном пространстве через призму постановки вопросов, связанных с определением оптимальных форм юридической ответственности за противоправные (вредоносные) действия в этом пространстве.

Таким образом, проблему законности в виртуальном пространстве важно рассматривать в контексте анализа генезиса, становления и использования правовых теоретических воззрений, связанных с трансформацией научного знания о виртуальном пространстве с учетом сложности понимания идейных и прикладных аспектов реализации законности применительно к этому пространству.

¹ См.: Степанов О.А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 4–23.

Глава V

ОЦЕНКА ПРАВОВОГО ОПЫТА ЦИФРОВИЗАЦИИ В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ

§ 1. ИЗМЕНЕНИЕ СПОСОБОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ И НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анализируя правовой опыт цифровизации, необходимо осветить бюджетную и налоговую сферы общественной жизни¹, для которых в России характерны наиболее быстрые темпы данного процесса². Одним из итогов цифровой трансформации публичного управления в этих сферах стало изменение способов регулирования.

Бюджет и налоги играют существенную роль в жизни современных обществ, соответствующая регуляция законодательно закреплена и относится к публичному праву. Способ правового регулирования в юридической литературе рассматривается комплексно, например, как: элемент системы механизма правового регулирования³, система правовых предписаний⁴, юридически

¹ О тенденциях цифровизации в России см., например: Право как создатель новой социальной реальности: монография / Г.М. Азнагулова, Ж.А. Гаунова, О.Ю. Еремина и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Проспект, 2024. С. 63–75.

² См.: Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина и др.; под ред. И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной. М., 2022. С. 118.

³ См.: Петров Д.А. Саморегулирование как способ правового регулирования отношений в сфере предпринимательства. СПб., 2015. С. 91.

⁴ Способ правового регулирования есть «основанная на государственной оценке социально значимых явлений система правовых предписаний, фиксирующих комплекс правовых средств, приемов и процедур их использования, с помощью которых осуществляется регулятивное воздействие на сознание и волю людей с целью достижения социально полезного результата». См.: Хохлова И.С. Способ правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 7.

§ 1. Изменение способов регулирования бюджетных и налоговых отношений

значимая информация¹, «государственно-властное суждение о должном порядке»² или аналог правового средства. По сути, все предложенные подходы демонстрируют различные аспекты одного и того же правового явления. На наш взгляд, способы правового регулирования бюджетных и налоговых отношений являются разновидностями способов правового регулирования отношений в сфере публичных финансов, отражают представление публичной власти о должном регулировании общественных отношений.

Анализ юридической литературы позволяет сделать вывод, что в зависимости от конкретных социальных и экономических условий, а также социальных, в том числе правовых, традиций варьируются и соответствующие способы. Например, чаще всего упоминаются: дозволение³, запрет⁴ и обязывание⁵. При этом исследователи называют и иные способы регулирования, такие как ограничение⁶, ли-

¹ В этом случае под способом понимается «установленная в нормах права юридически значимая информация, содержащая позицию государства касательно существующих или будущих общественных отношений (недопустимость, необходимость, желательность либо нейтральная позиция, запрет, позитивное обязывание и дозволение, соответственно), обладающая свойством оказывать при помощи общего психологического и специального юридического механизма воздействие на поведение людей». См.: Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Саратов, 2006. С. 8–9.

² Оно облечено в форму юридической категории и раскрывает видение публичным субъектом порядка функционирования правовых явлений и связей. См.: Игнатенкова К.Е. Указ. соч. С. 9.

³ См.: Игнатенкова К.Е. Указ. соч. С. 9. В первой половине XXI в. дозволение как способ регулирования было предметом самостоятельных финансово-правовых исследований на диссертационном уровне. См.: Савина А.В. Дозволение как способ правового регулирования бюджетных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 4; Бразилев Д.С. Дозволение как способ правового регулирования налогового администрирования в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 9.

⁴ Дозволение и запрет рассматривались как исходные способы регулирования. См.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 50–51.

⁵ Все эти способы выделялись С.С. Алексеевым. См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск, 1963. С. 298. В финансовом праве детальному исследованию подвергся такой способ обязывания, как диспозитивный. См.: Омелёхина Н.В. Позитивное обязывание в финансовом праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Новосибирск, 2015.

⁶ См.: Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. С. 17.

цензирование¹, прецедентный², поощрительный³, зонирование⁴, правовой компромисс⁵ и др.

Выбор способа правового регулирования неслучаен, а обусловлен действием совокупности факторов субъективного и объективного характера. Среди объективных выделяют⁶ внутренние (экономика, политика и социум) и внешние (международное положение государства), а также особенности подлежащих регулированию отношений.

К субъективным факторам принято относить качества отдельных людей — участников процесса правотворчества и правоприменения, «иных адресатов правовых предписаний»⁷. Цифровизация как феномен может быть причислена к объективным факторам, которые влияют на выбор способа правового регулирования бюджетной и налоговой сфер. Но это не единственный объективный фактор, поскольку также действуют и другие внутренние и внешние объективные факторы (например, пандемия, внешние экономические и технологические ограничения и др.).

Следует отметить, что регуляторная функция не является единственной для способа правового регулирования, поскольку присутствует ряд иных⁸. В связи с этим выбор способа регулирования публичным субъектом может быть обусловлен приоритетами в реализации той или иной функции.

¹ См.: Гета Ю.Р. Лицензирование и иные способы правового регулирования экономики в современной России: грани соотношения: монография / Ю.Р. Гета. Ульяновск, 2018. С. 5.

² См.: Якушев А.О. Источники налогового права: новые подходы к изучению // Финансовое право. 2009. № 2. С. 35.

³ См.: Пономарева К.А. Правовые средства как элемент структуры налогового режима // Налоги. 2018. № 5. С. 20–23.

⁴ См.: Галятин М.Ю. Зонирование как способ правового регулирования земельных отношений в США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.

⁵ При этом способе учитываются «интересы, цели и потребности всех субъектов правоотношения. См.: Гамалей А.А., Мусинова М.А. Компромиссные нормы в праве: общие характеристики и возможности использования // Российский следователь. 2020. № 8. С. 37–41.

⁶ См.: Хохлова И.С. Указ. соч. С. 8.

⁷ В частности, к таким качествам относят квалификацию, профессиональную подготовку, правовую культуру, идеологические позиции, психологические особенности и т.п. См.: Хохлова И.С. Указ. соч. С. 8.

⁸ Среди этих функций можно назвать оценку, закрепление, воспитание, регуляцию, мотивацию, стимулирование, в том числе посредством ограничения, прогноз, балансировку, учет и выражение соотношения частных и публичных интересов. См.: Хохлова И.С. Указ. соч. С. 8.

§ 1. Изменение способов регулирования бюджетных и налоговых отношений

Процессы цифровизации финансовой сферы исследуются различными учеными и научными коллективами. В ИЗИСП соответствующие вопросы разрабатывались на протяжении ряда лет¹, в том числе рассматривались и оценивались промежуточные итоги цифровизации в области публичных финансов². Были выявлены риски и угрозы, определены тенденции дальнейшего развития.

В литературе даются различные трактовки термина «цифровизация», в том числе в финансовой сфере, самая широкая предполагает переход на электронную форму представления данных и использование информационных технологий для взаимодействия. Выбор подхода предопределяет ракурс исследования.

Опираясь на комплексный подход, проанализировав ранее действующие акты, можно обнаружить, что в сфере публичных финансов процессы указанного технологического перехода происходили еще в советское время. В частности, постановление Совмина СССР от 2 июля 1971 г. № 459 «О мерах по дальнейшему улучшению организации учета и отчетности в народном хозяйстве»³ было направлено на дальнейшее улучшение организации данного учета, расширение механизации учетно-вычислительных работ и сокращение на этой основе расходов на содержание аппарата управления. Для решения этих задач предусматривались:

1) централизация бухгалтерского учета, возложение на ЦСУ СССР ответственности за техническое обслуживание и ремонт вычислительных машин (перфорационных и клавишных);

¹ См.: Цифровой контур публичных финансов и право: науч.-практ. пособие / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина и др.; под ред. И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной. М., 2022; Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина и др.; под ред. И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной. М., 2022.

² См.: Цифровая трансформация и государственное управление: науч.-практ. пособие. 2021; Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (постатейный) / под общ. ред. Ю.В. Воронина; отв. ред. Н. А. Поветкина. М.: Проспект, 2022; Право техногенной цивилизации: современные трансформации и векторы развития: матер. Междунар. студенческой науч.-практ. конф. (Москва, 24 октября 2019 г.) / Ю.Н. Кашеварова, И.А. Шулятьев, Э.К. Сайфуллин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021; Новые институты бюджетного права в условиях цифровой революции: монография / Н.А. Поветкина, Р.Е. Артюхин, А.Ю. Демидов и др.; под ред. Р.Е. Артюхина, Н.А. Поветкиной. М., 2021 и др.

³ Акт утратил силу на территории Российской Федерации в связи с изданием постановления Правительства РФ от 3 февраля 2020 г. № 80.

2) пересмотр и утверждение в установленном порядке форм первичной учетной документации для того, чтобы упорядочить, унифицировать и сделать их пригодными для обработки средствами вычислительной и организационной техники.

В 1972–1973 годах на подведомственных предприятиях, в организациях и учреждениях СССР было запланировано внедрение новых форм этой документации. В результате предполагались значительное и быстрое сокращение объема первичной документации по учету труда основных фондов, материальных ценностей и производства продукции, расчетам по заработной плате, а также замена многодневными и накопительными документами однодневных и разовых. Одновременно предусматривалось широкое внедрение в практику учета и планирования нового технического носителя информации, дуалькорт-бланков с графическими отметками и макетированных перфокарт. Минфину СССР и Центральному статистическому управлению СССР было поручено рассмотреть и решить вопрос об использовании названных носителей информации как документов, имеющих одинаковую силу наряду с другими учетными документами. В этом случае реализовывался регуляторный потенциал обязывания.

Процессы информатизации сферы публичных финансов продолжались и в постсоветское время в налоговой сфере¹. С 1993 года осуществлялся переход на реестровые модели в государственном администрировании (сначала в части регистрации предприятий). В этот же год в рамках работы над федеральной программой информатизации России была начата разработка программы информатизации налоговых органов — создание Государственной налоговой службы Российской Федерации и ее территориальных органов, получившей функцию контроля за применением контрольно-кассовой техники. В 1995 году разрабатывалась концепция модернизации налоговой службы, предусматривавшая переход инспекций на типовую организационную структуру, внедрение эффективных налоговых технологий и повышение уровня информатизации налогового администрирования. Первая версия сайта налоговых органов в России появилась в 1997 г., одновременно была подготовлена концепция создания автоматизированной информационной системы «Налог-2» (в настоящее время используется уже «Налог-3», в планах — создание системы «Налог-4»). Чуть позже прошло масштабное внедрение системы идентификации налого-

¹ URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/fts/history_fts/.

§ 1. Изменение способов регулирования бюджетных и налоговых отношений

плательщиков, осуществлена кодификация налоговых норм, что также способствовало цифровизации и одновременно было ею обусловлено. Процесс сопровождался постепенным переходом и соответствующим поэтапным обяыванием.

В процессе модернизации на налоговые органы были возложены функции ведения ряда государственных реестров (например, Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей), осуществления государственной регистрации хозяйствующих субъектов, что способствовало повышению эффективности их деятельности. В начале XXI в. в процессе стандартизации налоговых органов произошло внедрение системы электронной обработки данных, декларации стали подаваться в электронном виде¹ (первоначально это было дозволение, поэтапно перераставшее в обяывание), территориальные инспекции были объединены в единую ведомственную сеть.

Кроме того, процессы регистрации юридических лиц были централизованы по принципу одного окна, организован удаленный доступ к реестрам, которые вели налоговые органы (например, к федеральному информационному ресурсу — Единому государственному реестру налогоплательщиков, ЕГРН). В 2008 году был реализован проект «Модернизация налоговой службы-2», а уже в 2010 г. создан личный кабинет налогоплательщика — государственная услуга по информированию налогоплательщиков — физических лиц о суммах задолженности по налогам, которая предоставляется в электронном виде на интернет-сайте Федеральной налоговой службы.

В целях массового ввода налоговой отчетности и печати налоговых документов, ведения федеральных информационных ресурсов и организации деятельности Контакт-центра ФНС России, создания Федерального информационного адресного ресурса в 2011 г. было сформировано специализированное казенное учреждение.

Процессы цифровизации, в том числе развития сервисов, их адаптации, продолжают и по сей день² (по состоянию на 2 июля 2024 г. создано 70 интерактивных сервисов). Их дальнейшее развитие признано одним из важных направлений деятельности Федеральной налоговой службы. Видимым результатом внедрения безконтактного взаимодействия стало сокращение почти в два раза в

¹ См.: Журавлева О.О., Исмаилова Л.Ю. Налоговое декларирование — элемент современной налоговой политики // Финансовое право. 2008. № 4. С. 22–24.

² URL: http://government.ru/dep_news/52003/

2023 г. количества выездных налоговых проверок, за пять месяцев 2024 г. этот показатель составил уже более четверти¹.

В итоге цифровизация налоговой сферы привела к таким новациям, как, например, появление личного кабинета налогоплательщика, а также возможности оплаты налогов онлайн, проведения налогового мониторинга, образования единого налогового счета, осуществления единого налогового платежа, администрирования налога в бездекларационном формате на основании данных учета в личном кабинете с применением контрольно-кассовой техники и использованием банковских счетов (налог на профессиональный доход, автоматизированная упрощенная система налогообложения), онлайн-регистрации бизнеса и получения электронной цифровой подписи. Следует обратить внимание, что цифровизация влечет за собой замещение одних блоков обязанностей иными, связанными с функционированием и использованием новых информационных продуктов².

В бюджетной сфере также происходили процессы цифровизации, коснувшиеся прежде всего бюджетного процесса³, была создана специальная государственная информационная система, ее концептуальные основы были очерчены в 2010 г. в Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2010 г. № 1101-р⁴.

В настоящее время в бюджетной сфере функционирует система электронного бюджета и дистанционного ведения бюджетного учета, позволяющая повысить собираемость доходов и снизить издержки хозяйствующих субъектов благодаря использованию информационных технологий; действуют: концепция социального казначейства, инициативное бюджетирование, новая система управления госпрограммами с цифровым форматом взаимодействия, казначейское сопровождение, бюджетный мониторинг.

Процессы цифровизации в налогообложении и в бюджетной сфере опирались на значительную нормативно-правовую базу.

¹ URL: http://government.ru/dep_news/52003/

² Возникают новые институты, которые окончательно пока не оформлены. См.: Журавлева О.О., Рыбакова С.В., Зуева А.С., Воронина К.П. Формирующиеся институты финансового права (§ 3, 5) / Финансовое право на рубеже эпох: монография / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, К.В. Андриевский и др.; под ред. И.И. Кучерова; М., 2024. С. 185–201.

³ См.: Цифровой контур публичных финансов и право. С. 88.

⁴ СЗ РФ. 2010. № 28. Ст. 3720.

Среди основных правовых источников следует упомянуть Конституцию Российской Федерации¹, указы Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»², от 7 мая 2018 г. № 214 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации»³, от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁴, от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁵, послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г., от 20 февраля 2019 г., от 15 января 2020 г., от 21 апреля 2021 г. и от 21 февраля 2023 г.⁶, специальные акты, ориентированные на цифровизацию в финансовой сфере и отдельных ее сегментах (на всех уровнях публичной власти).

Характерной чертой регулирования в период цифровизации для налоговой и бюджетной сферы стал рост доли экспериментальных норм, причем на уровне федерального закона, а не только подзаконных актов⁷. Первоначально преобладают подзаконные блоки регуляции. Соответственно расширилось использование дозволения как способа правового регулирования в отношении лиц, участвующих в экспериментальных отношениях, в том числе дозволения по выбору между ординарными и экспериментальными режимами (налогоплательщик имел возможность выбора режима). С целью обеспечения стабильности, защиты прав и законных интересов участников экспериментов применялись запреты

¹ СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

² СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

³ СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

⁴ СЗ. РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

⁵ СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584. Документ предусматривает, что к 2030 г. будет достигнута «цифровая зрелость» государственного и муниципального управления, осуществлена автоматизация основной части транзакций в результате использования единых отраслевых цифровых платформ, проведено ускоренное внедрение таких технологий, как обработка больших данных, машинное обучение и искусственный интеллект.

⁶ Российская газета. 2018. № 46; 2019. № 38; 2020. № 7; 2021. № 87; 2023. № 39.

⁷ См.: Журавлева О.О., Исмаилова Л.Ю. Новые информационные масс-медийные технологии в налоговом администрировании. Мировые тренды и отечественная практика // Финансовое право. 2012. № 9. С. 21–27; Ее же. Принцип баланса частных и публичных интересов и экспериментальное регулирование в налоговой сфере // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 89–101.

на изменение соответствующей регуляции. Это повлекло появление стабилизирующих положений не только в общей части кодифицированного массива, но и в специальных экспериментальных законах.

Дозволения затронули аспекты исполнения налоговой обязанности, появилась возможность внесения средств в счет уплаты налогов за налогоплательщика третьими лицами, но в целях обеспечения публичного интереса был одновременно установлен запрет на возврат этих средств иным лицам, кроме самого налогоплательщика.

Внедрение в рамках цифровизации налогового администрирования института налогового мониторинга также свидетельствовало о более широком применении дозволений (налогоплательщик получил право принимать участие в расширенном взаимодействии с налоговым органом).

Упрощенный порядок рассмотрения жалобы начнет применяться с 1 января 2025 г. Его также можно рассматривать в качестве непосредственного результата цифровизации налогового администрирования.

Переход налогообложения доходов физических лиц с использованием прогрессивной шкалы налогообложения и ее последующей дифференциацией также был обусловлен возможностями, представляемыми цифровыми технологиями¹. Развитие цифровых технологий в налоговой и бюджетной сферах способствовало изменению подходов к оказанию мер социальной поддержки, поскольку привело к появлению новой формы социального пособия для семей с детьми — ежегодной семейной выплате, позволяющей налогоплательщикам получать возврат части уплаченных налогов на доходы физических лиц, но не в традиционном режиме налоговых вычетов².

¹ См.: Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 29 (ч. III). Ст. 4105. На возможность усиления прогрессии в налогообложении обращалось внимание в концепциях развития финансового законодательства, подготовленных сотрудниками ИЗиСП. См.: Научные концепции развития российского законодательства: монография / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2024. С. 126–155.

² См.: Федеральный закон от 13 июля 2024 г. № 179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей» // СЗ РФ. 2024. № 29 (ч. III). Ст. 4108.

§ 1. Изменение способов регулирования бюджетных и налоговых отношений

Экспансия дозволения в налоговой сфере в процессе нормативного обеспечения цифровизации сопровождалась противоположным процессом — закреплением запретов и ограничений. Последние были необходимы, например, для того, чтобы очертить круг участников экспериментального регулирования, перейти к новому этапу цифровой трансформации налогового администрирования. В частности, внедрение концепции единого налогового счета привело к утрате налогоплательщиком права на установление назначения вносимых средств и влияния на формирование налоговой задолженности и ее структуру (изменилось содержание обязывания, что обусловило фактический запрет на определение судьбы платежа и возможность препятствовать образованию задолженности по конкретному налогу). Уплата осуществляется на единый налоговый счет, очередность и порядок списания средств с которого определяет налоговый орган в соответствии с Налоговым кодексом РФ. Подобное кардинальное изменение подвлекло существенное изменение большинства базовых институтов законодательства о налогах и сборах, в частности института изменения срока уплаты налога, права на возврат излишне уплаченных сумм.

Следует обратить внимание на то, что дозволение не означает отсутствие обязывания в рамках уже выбранной модели регулирования соответствующего правового режима. Поэтому появление дозволения при введении новых специальных налоговых режимов повлекло рост обязывающих норм и запретов.

Широкое использование технических средств в процессе взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков привело к пересмотру способов регулирования таких блоков отношений, как предоставление отчетности (изменение обязательных и факультативных способов представления документов и сведений), введение ответственности, налогового контроля, формирование законодательства о налогах и сборах и др. Во всех из них способы регулирования динамично изменились.

В целях адаптации системы публичных финансов и отечественной экономики к внешнему санкционному давлению был реализован ряд мер, в частности осуществлены унификация и стандартизация предоставления субсидий юридическим и физическим лицам, индивидуальным предпринимателям, производителям товаров, работ, услуг. В связи с этим поэтапно вводятся ограничения способов предоставления субсидий (исключительно в государственной интегрированной информационной системе управления публичными финансами «Электронный бюджет»). Для одной категории лиц является обязывание, для категории, у которой это обязывание

возникнет на следующем этапе, соответствующие положения будут носить характер дозволений.

Необходимо отметить, что способы осуществления цифровизации отдельных секторов публичных финансов различаются в силу концептуальных особенностей в составе и соотношении статусов их участников (например, бюджетная, налоговая и банковская). Но общими являются процессы одновременного появления вместе с дозволениями ограничений и запретов, именно эти способы регулирования используются при дифференциации правового регулирования, включая осуществление предоставления мер государственной поддержки и стимулирования.

Закрепление новых обязанностей (в том числе в результате трансформации обязанности одних лиц в части предоставления сведений в обязанности других лиц — органов исполнительной власти по использованию имеющихся у них сведений) предполагает механизмы их обеспечения. Соответственно изменение способа обязывания может приводить к применению иных способов регулирования, включая дозволения и запреты.

Изменение функций Федерального казначейства привело к появлению новых корреспондирующих обязываний у иных лиц. Например, в Бюджетном кодексе РФ было закреплено обязывание безвозмездно оказывать услуги операционного центра и платежного клирингового центра внешней платежной системы Федеральному казначейству и оператору платежной системы Центрального банка Российской Федерации при осуществлении перевода денежных средств по единому казначейскому счету при помощи сервиса быстрых платежей платежной системы Банка России. Фактически это означает запрет взимать плату.

Унификация правовых моделей регулирования бюджетного процесса в связи с реализацией конституционного принципа единства публичной власти привела к использованию аналогичных федеральным способом правового регулирования в отношении субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Расширяется сфера действия регуляторов, которые вводились в экспериментальном (налог на профессиональный доход, АУСН) или пилотном режиме (казначейское сопровождение и др.). Акцент перемещается с пресечения на превенцию, в том числе в процессе контрольно-надзорной деятельности, с последующего на текущий и опережающий контроль.

Относительно недавно появился новый инструмент правового регулирования в налоговой сфере — мотивированное мнение, которое отражает позицию налогового органа по вопросам правильности исчисления (удержания), полноты и своевременности упла-

ты (перечисления) налогов, сборов, страховых взносов. Мотивированное мнение является одним из способов превенции и разрешения конфликтов в рамках налогового мониторинга, документ направляется организации при проведении налогового мониторинга (п. 1 ст. 105.30 Налогового кодекса РФ).

Аналогичный налоговому мониторингу институт появился и в бюджетной сфере. Бюджетный мониторинг в системе казначейских платежей — деятельность Федерального казначейства при открытии лицевого счета и осуществлении операций в системе казначейских платежей в целях недопущения финансовых нарушений участниками казначейского сопровождения.

Цифровизация при налогообложении позволяет все шире учитывать особенности хозяйственной деятельности, поэтому появляются новые блоки дозволений и запретов, связанные с майнингом, операциями с цифровой валютой и цифровыми финансовыми активами.

Таким образом, расширились функции органов публичной власти в налоговой сфере и круг лиц, с которыми осуществляется взаимодействие в процессе налогообложения, бюджетном процессе, валютном регулировании, регулировании финансовых рынков, в части предоставления сведений и информации (потребовалось определить статусы новых участников).

Подводя итог, можно сделать вывод, что в налоговой и бюджетной сферах в ходе цифровизации протекают разнонаправленные процессы расширения дозволений и одновременно увеличения обязанностей и запретов, необходимых для их обеспечения. Для определения рамок экспериментального регулирования активно используются запреты, подобное характерно и для формирования контуров специальных налоговых режимов. По мере перехода экспериментального регулирования в ординарное доля обязанностей возрастает.

§ 2. ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ФОКУСЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Научно-технологический прогресс сегодня затрагивает все сферы жизни общества. Его достижения настолько масштабны, что отдельные исследователи обращают внимание на некоторое замедление темпов развития естественных наук после серьезных открытий XX в.¹ Между тем общественным наукам еще предстоит осмыслить достижения естественных и точных наук последних десятилетий.

¹ См.: Пик развития пройден: почему научно-технических прорывов пока больше нет // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5fd0a19f9a79473f456d7825>

Одна их сфер общественной жизни, которая подвергается существенным трансформациям, — это сфера труда. Динамика и научно-технологический прогресс обуславливают существенные изменения в характере труда, формах взаимосвязей участников трудовых, производственных отношений, совершенствуют процессы обмена результатами труда, а также размывают границы между рабочим временем и временем отдыха.

Что касается непосредственно трудового права как регулятора общественных отношений в сфере найма труда, то на его предмет оказывают очевидное влияние цифровые технологии (появление и распространение дистанционного труда, платформенной занятости), развитие робототехники (автоматизация производства, поднятие тяжестей специальной техникой, внедрение систем автопилотирования с минимальным участием человека, замена некоторых функций работника на искусственный интеллект), изменение привычных систем коммуникации между работником и работодателем (появление электронного документооборота, электронных трудовых книжек)¹.

Под воздействием цифровых технологий и искусственного интеллекта (далее — ИИ) существенно меняются взгляды ученых на некоторые сферы приложения способностей человека, которые могут стать востребованными в будущем. Составляются актуальные каталоги профессий, работникам предлагается осваивать новые трудовые навыки и компетенции, чтобы не быть замененными ИИ. Вместе с тем довольно остро стоит вопрос о том: сможет ли даже самый развитый ИИ заменить человека во всех сферах приложения его способностей?

В докладе МОТ «Будущее сферы труда», на наш взгляд, справедливо отмечается, что «даже в местах с самым высоким уровнем безработицы есть еще много областей, где может быть востребован труд работников»². В подтверждение указанного тезиса аналитики составляют перечни профессий, которые никогда не смогут быть заменены ИИ³. В первую очередь к таким профессиям относят те, суть которых заключается в проявлении человечности и заботы (больным и пожилым людям нужны присмотр и уход, которые не может

¹ Подробнее об этом см. исследования И.А. Филиповой, в том числе: Искусственный интеллект: горизонт влияния на трудовые правоотношения // Юрист. 2023. № 3. С. 23–28; Искусственный интеллект, робот и нейротехнологии: понятие, соотношение и пределы правового регулирования // Государство и право. 2024. № 4. С. 148–158.

² URL: <https://www.ilo.org/100/ru/story/future/>

³ URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/professii-kotorye-ne-smozhet-zamenit-iskusstvennyj-intellekt/>

обеспечить ИИ). Кроме того, сложно заменить человека в тех сферах, в которых требуются простые человеческие умения и сложные профессиональные навыки (няни, воспитатели, учителя). В заботе нуждается не только сам человек, но и окружающая его среда (здания — в ремонте, жилища — в поддержании чистоты, городская среда и инфраструктура — в озеленении и благоустройстве).

Один из основных вопросов, волнующих специалистов в сфере развития ИИ сегодня: угрожает ли человеку в ближайшее время тотальная замена в профессиональных сферах? Полагаем, что исчерпывающий ответ на данный вопрос содержится в аннотации к межкафедрацетскому курсу «Кибернетические и организационно-правовые основы деятельности систем искусственного интеллекта» Высшей школы государственного аудита¹ Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где отмечается, что для появления системы ИИ человечество должно последовательно преодолеть следующие шаги:

1) в миниатюризации необходимо перебраться с уровня атома (нанотехнологии) на уровень электрона (пикотехнологии), что уже частично осуществляется при переходе к квантовым компьютерам;

2) компьютеры должны переместиться от последовательных вычислений к параллельным. В облаках можно будет не просто хранить данные — они станут сверхмощными высокопроизводительными вычислителями;

3) необходимо перейти от бинарной логики сегодняшних компьютеров хотя бы к трехзначной, а потом и к человеческой (семизначной);

4) компьютеры должны перейти от неживой полупроводниковой основы к живой материи (квазикристаллическая вода и т.д.), которая, как мозг, с определенного момента может обучаться и принимать решения без заранее заданного алгоритма.

Иными словами, по мнению авторов курса, развитие точных наук еще не находится на уровне, способном обеспечить полноценную замену работников с помощью роботов или ИИ. Как и на всех предыдущих этапах промышленных революций, создаются лишь новые средства производства. Однако невозможно отрицать то, что развитие новых технологий не подпадает под действие полноценных юридических регуляторов. А, следовательно, растут возможности для различного рода нарушений, в том числе в сфере трудовых прав. Одним из наиболее характерных примеров нарушений прав работников в данной сфере является нарушение права на отдых.

В 1930 году Джон Мейнард Кейнс опубликовал эссе «Экономические возможности наших внуков», в котором, анализируя долгосроч-

¹ URL: <https://lk.msu.ru/course/view?id=2357&ysclid=lnacjqvni136370345>

ные тенденции экономического развития¹, смог довольно точно спрогнозировать будущие темпы экономического роста и повышения уровня жизни. Основываясь на указанных предположениях, он обозначил тенденции развития сферы труда. В частности, Кейнс предположил тогда, что модернизация производственных процессов настолько разгрузит работников, что продолжительность рабочего времени может сократиться до трех часов в день и до 15 часов в неделю.

Прошло практически 100 лет, но вопреки указанному предположению продолжительность рабочего времени не уменьшается, а увеличивается², так как новые технологии позволяют работнику быть всегда на связи с работодателем, что существенно увеличивает продолжительность его рабочего времени без соответствующей оплаты. Большая проблема, связанная с указанным обстоятельством, лежит не в правовой плоскости. Это угроза эмоционального выгорания, которая при таком отношении к работе становится уже не угрозой, а обычным состоянием. В борьбе с трудоголизмом при дистанционной работе не следует рассчитывать только на самоконтроль со стороны работника, необходимы правовые методы воздействия. В отечественной правовой доктрине, равно как и за рубежом, разрабатывается возможность ограничения данного явления, получившая название «право на отключение», под которым понимается право работника не участвовать за пределами его рабочего времени посредством цифровых инструментов (таких как телефон или электронная почта) в коммуникации или деятельности, связанной с работой³. Данное право должно стать базовым как разновидность права на отдых и быть признано за всеми категориями работников.

В 2020 году работники и работодатели вынужденно задумались о том, насколько важными или, наоборот, неважными являются привычные для всех нас традиционные подходы к организации рабочего места, режима рабочего времени, времени отдыха, а для работодателей остро встала еще одна проблема: обеспечение производи-

¹ В частности, в эссе отмечалось, что уровень жизни среднего жителя в центрах цивилизации за период с древнейших времен до начала XVIII в. значительно не изменился. Объяснялось это отсутствием серьезных технических изобретений. Однако, в период с XVI и до XIX в. началась и сформировалась эпоха научных и технических изобретений. XX век стал началом коренных сдвигов практически во всех отраслях промышленности // См.: Вопросы экономики. № 6. 2009. С. 60–67.

² Если в XIX в. бедным приходилось много работать, чтобы прокормить свои семьи, а богатые работали немного, так как владели капиталом, то в XX в. в развитых странах богатыми стали трудоголики, которые получают более высокую оплату труда и работают гораздо больше, чем бедные.

³ См.: Чесалина О.В. К вопросу о правовой природе права на отключение // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 57–60.

тельности труда и, если не повышение ее, то хотя бы сохранение на прежнем (доковидном) уровне.

Работа в удаленном формате остается важной составляющей постковидного мира. Наиболее распространенными нетипичными формами занятости становятся дистанционная работа и работа на цифровых платформах.

В январе 2021 г. Международная организация труда (далее — МОТ) выпустила доклад, в котором исследованы различные виды домашнего труда. В число домашних работников по указанному докладу вошли три категории работников:

— те, кто трудится удаленно на постоянной основе (то, что с точки зрения отечественного законодателя называется «дистанционная работа», а в докладе МОТ *telework, remote work*);

— работники, занятые изготовлением продукции, производство которой невозможно автоматизировать (например, вышиванием, народными промыслами, сборкой устройств), т.е. надомники в классическом понимании;

— работники цифровых платформ, занятые предоставлением услуг — таких как техническое редактирование, составление аннотаций данных для подготовки систем искусственного интеллекта и др.

Представленные в докладе МОТ данные в области дистанционной работы (*teleworking*)¹ свидетельствуют о том, что в целом работодатели удовлетворены дистанционной работой гораздо больше, чем работники.

В России эксперты ВШЭ изучили, процесс адаптации отечественного рынка труда к кризису, связанному с пандемией².

В опросе на тему «Работа и трудоустройство в условиях эпидемии» приняли участие свыше пяти тысяч респондентов из разных регионов страны.

Так, 40% опрошенных сообщили, что после начала эпидемии у них сократилась заработная плата, и почти 20% посоветовали на то, что они полностью или частично лишились премий и бонусов.

11% опрошенных были переведены на неполный рабочий день или неполную рабочую неделю и примерно 13% были отправлены в вынужденные или квазидобровольные отпуска. Вместе с тем многие работники (16%) оказались вынуждены работать больше, чем в докарантинный период.

Переводом на дистанционный режим работы оказались охвачены 22% опрошенных. И только каждый пятый участник исследова-

¹ См.: Report. Working from home: from invisibility to decent work // URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_765806/lang--en/index.htm

² URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/369700469.html>

ния сообщил об отсутствии у него каких-либо негативных изменений в оплате или условиях труда.

В этом контексте интересно заметить, что, если в Европе и Америке респонденты указывали в основном на негативные последствия дистанционной работы для выполнения семейных обязанностей или для личной жизни, то в России работники в основном отмечали снижение заработной платы во время перехода на новые формы занятости.

А между тем общеизвестный факт, что темпы роста производительности труда и заработной платы — взаимосвязанные явления¹.

В Российской Федерации формирование новой производственной культуры призван обеспечить Национальный проект «Производительность труда», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). При этом методика расчета «индекса производительности труда»² строится на показателях, свойственных традиционным трудовым отношениям, базирующимся на выполнении работником за плату трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя, на подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством.

В традиционном трудовом правоотношении производительность труда обычно достигается за счет модернизации, технического перевооружения и обеспечения работника более современными средствами производства. А оценка затрат труда по производству товаров и услуг осуществляется по показателям: количество рабочих мест (рабочих) и количество отработанного времени в расчете на год.

Вместе с тем массовый переход на дистанционную работу потребует внедрения дополнительных показателей оценки затрат труда.

Поскольку на производительность труда в данном случае оказывают влияние и другие факторы: происходит фрагментация труда, перенос рисков в части исполнения задания на работника, на него

¹ Заработная плата (как наиболее массовая форма дохода) является основой роста производительности труда, поскольку она направлена не только на вознаграждение работников за выполненную работу, но и на мотивацию достижения желаемого уровня производительности. В свою очередь, производительность труда может рассматриваться как фактор, определяющий уровень и динамику заработной платы. При увеличении производительности труда (на основе накопления капитала) возрастает количество труда и появляется возможность для повышения заработной платы.

² См.: Приказ Росстата от 28 апреля 2018 г. № 274 «Об утверждении методики расчета показателя «Индекс производительности труда».

же ложится ответственность за обеспечение связи с работодателем, выбор провайдера и т.д.

В январе 2021 г. генеральный директор Mail.ru Group Борис Добродеев, выступая на Гайдаровском форуме, отметил, что с переходом его компании на дистанционную работу в марте 2020 г. работники стали более эффективными, а 2020 г. стал для них одним из лучших за последние пять-шесть лет.

Попробуем взглянуть на другую сторону медали. Можно сказать, что переход на дистанционную работу в 2020 г. разделил работников как минимум на две группы: одни работают 24 часа в сутки и семь дней в неделю находятся на связи с работодателем, а другие с трудом заставляют себя работать из дома. Конечно, работники, которые относятся и к первой, и ко второй группе, были всегда, но следование режиму рабочего времени и времени отдыха, установленному работодателем, заставляло одних покидать рабочее место, а других, наоборот, возвращаться на работу и вникать в рабочий процесс. Теперь работа пришла к ним домой.

Исследования показывают, что переход к гибким схемам работы повышает продуктивность работников за счет увеличения рабочего времени (так как работники более склонны к переработкам, когда работают не из офиса) и улучшения способности фокусироваться (поскольку отсутствуют отвлекающие факторы офисной жизни)¹.

Несмотря на то что за 2020–2021 гг. управление человеческими ресурсами стремительно перешло от «ручных» инструментов в цифровой формат и онлайн стал новой реальностью, ценности традиционного трудового права не должны игнорироваться на фоне современных вызовов в сфере занятости.

Как можно заметить, процесс цифровизации носит всеобъемлющий характер. Перевод в цифровую среду экономических процессов неразрывно связан с необходимостью регулирования как стандартных трудовых отношений, так и отношений нетипичных (т.е. более гибких). Как известно, принятый в 2001 г. Трудовой кодекс РФ (далее — ТК РФ) к настоящему моменту существенно актуализировался, при этом многие эксперты отмечают, что меры по его обновлению неадекватны существующим отношениям (они не создают предпосылок для широкого использования гибких режимов работы, нетипичных трудовых отношений, новых инновационных технологий)².

¹ URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/e0ce66117ad46ad5d78e83ac754d6199/11082020.pdf>

² См.: Особенности регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики: монография / И.Я. Белицкая, Д.Л. Кузнецов, Ю.П. Орловский и др.; под ред. Ю.П. Орловского, Д.Л. Кузнецова. М.: КОНТРАКТ, 2018.

Так ли это на самом деле? И можно ли с помощью той нормативной базы (тех регуляторов), которая существует сегодня, с одной стороны, развивать новые формы занятости¹, отвечающие потребностям цифровизации, а с другой — сохранять довольно высокую степень защиты работника, которую гарантировало наличие классических трудовых отношений?

Можно сказать, что трудовое законодательство опережающим образом отреагировало на запрос общества о выполнении в цифровой среде отдельных функций. Так, еще Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ в ТК РФ была введена глава, посвященная особенностям регулирования труда дистанционных работников. Конечно, тогда еще сложно было предположить, насколько востребованным окажется указанный формат работы через семь лет. Более того, многим в то время были неочевидны различия между надомной и дистанционной работой. Сегодня особенности дистанционной работы довольно подробно исследованы в научной литературе, в том числе в работах сотрудников ИЗИСП².

Несмотря на то что правовое регулирование указанных отношений существует уже почти 10 лет, данная сфера не избавлена от

¹ Например: совместное использование труда работников (employee sharing), в рамках которого группа работодателей одновременно нанимает работников и коллективно несет перед ними ответственность; совместное трудоустройство (job sharing, work sharing) — трудовое отношение, в котором один работодатель нанимает нескольких (обычно двоих) работников для выполнения ими одной трудовой функции, в результате занимаемой полное рабочее время; разовая работа (casual work) — тип работы, при которой занятость не обладает стабильностью и продолжительностью, а работодатель не обязан регулярно предоставлять работу, однако имеет право вызывать работника по мере необходимости. Еврофонд выделил две схемы разовой занятости: перемежающаяся работа (intermittent work) и работа по запросу (on-call work) либо контракты с нулевым рабочим временем (zero-hours contracts); мобильная работа, основанная на информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ, ICT-based mobile work) — трудовые функции, выполняемые частично, но регулярно, за пределами основного офиса, принадлежащего работодателю, либо в специальном приспособленном домашнем помещении с использованием ИКТ для подсоединения к общим компьютерным сетям компании, т.е. та форма занятости, которая в российской терминологии называется дистанционным трудом; краудворкинг, краудсорсинг (crowd working, crowd sourcing, crowd employment) — занятость, в рамках которой для связи между лицом, выполняющим работу, и заказчиком используется специальная онлайн-платформа, а также ряд иных форм труда, которые принято относить к новым формам занятости.

² См.: Коршунова Т.Ю. Договор о дистанционной работе как способ оформления нетипичных трудовых отношений // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 112–125.

пробелов и дефектов. Во-первых, речь идет о дефектах самого понятия «дистанционная работа», приведенного в ТК РФ, которые связаны с выработанными признаками дистанционной работы:

1) работа вне места нахождения работодателя, его обособленно-го подразделения, вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя;

2) использование для выполнения трудовой функции и взаимодействия с работодателем информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования (в том числе сети «Интернет»).

С позиции российского законодателя дистанционным трудом может считаться только работа дома и мобильная работа, хотя международными экспертами предложено шесть видов работы, которая может считаться дистанционной¹. Все остальные виды используются российскими работодателями, однако работники не могут быть признаны дистанционными, так как рабочие места все же создаются. Полагаем, что такое положение едва ли можно назвать оправданным. Отсутствие надлежащего правового регулирования в данном случае препятствует появлению новых рабочих мест, а также легализации новых форм труда.

Вторая проблема, обострившаяся в 2022 г., связана с тем, что среди норм ТК РФ, определяющих порядок заключения трудового договора о дистанционной работе, отсутствуют нормы, регулирующие отношения с работником, который будет выполнять работу, не пересекая границы Российской Федерации (при этом в Российской Федерации существует довольно развитое законодательство, регулирующее труд иностранных работников), что создает трудности для правоприменителей.

Также неясен статус работника, являющегося гражданином Российской Федерации, заключившим с российским работодателем договор о дистанционной работе, которая фактически осуществляется за пределами территории Российской Федерации.

В настоящее время правоприменитель в указанных случаях может ориентироваться лишь на письма Министерства труда и социального развития РФ², в которых позиция ведомства обозначается следующим образом: не может быть заключен трудовой договор о дистанционной работе с иностранным гражданином, осуществля-

¹ См.: Коршунова Т.Ю. Указ. соч. С. 112–125; Vittorio Di Martino. The high road to teleworking // Promoting decent work. Geneva, 2001. P. 12.

² См.: Письма Минтруда от 7 августа 2015 г. № 17-3/В-410; от 17 февраля 2016 г. № 14-2/В-125; от 16 января 2017 г. № 14-2/ООГ-245.

ющим трудовую деятельность за пределами России, поскольку не представляется возможным обеспечение работодателем безопасных условий труда для данных работников. В связи с этим сотрудничество с такими иностранными гражданами следует осуществлять в рамках гражданско-правового договора.

При этом исследователи отмечают, что для налогового законодательства никаких препятствий для заключения договора с дистанционным работником — иностранным гражданином не существует, о чем свидетельствуют разъяснения, которые были даны в отношении граждан Молдовы, Республики Беларусь, Украины, резидента ФРГ. Указывая, что доходы физических лиц, не являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации, в виде вознаграждения за выполнение трудовых обязанностей за пределами России не подлежат обложению налогом на доходы физических лиц, Минфин, по-видимому, не ставит под сомнение правомерность договоров о дистанционной работе с иностранными гражданами¹.

Знаковыми для сферы регулирования трудовых отношений стали переход на электронный документооборот, а также возможность ведения электронных трудовых книжек.

Конечно, технологические инновации в трудовом праве предполагают в будущем переход на электронную форму трудового договора, но такой переход трудно осуществлять на базе трудового договора, содержание которого предусмотрено ст. 57 ТК РФ², по-

¹ См.: Письма Минфина от 16 октября 2015 г. № 03-04-06/59439; от 15 июля 2015 г. № 03-04-06/40525; от 4 августа 2015 г. № 03-04-06/44857; от 4 августа 2015 г. № 03-04-06/44849; от 4 августа 2015 г. № 03-04-06/44852; от 4 августа 2015 г. № 03-04-06/44855; 16 октября 2014 г. № 03-04-06/52135 // СПС «КонсультантПлюс».

² Данная статья подробно регламентирует обязательные для включения в трудовой договор условия: место работы; трудовая функция; дата начала работы, а в случае, когда заключается срочный трудовой договор, — также срок его действия и обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового договора; условия оплаты труда (в том числе размер тарифной ставки или оклада (должностного оклада) работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты); режим рабочего времени и времени отдыха (если для данного работника он отличается от общих правил, действующих у данного работодателя); гарантии и компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если работник принимается на работу с указанием условий труда на рабочем месте; условия, определяющие в необходимых случаях характер работы (подвижной, разъездной, в пути, другой характер работы); условия труда на рабочем месте; условие об обязательном социальном страховании работника в соответствии с настоящим Кодексом и иными федеральными законами; другие условия в случаях, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

этому в последние годы внимание законодателя было обращено на документооборот.

В соответствии с Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ (ред. от 24 марта 2021 г.) «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» в Российской Федерации осуществляется эксперимент по использованию отдельными работодателями и работниками в электронном виде без дублирования на бумажном носителе связанных с работой документов, в отношении которых трудовым законодательством Российской Федерации предусмотрено их оформление на бумажном носителе и (или) ознакомление с ними работника в письменной форме, в том числе под роспись.

Следует отметить, что идеи правового эксперимента получили развитие в науке и на практике в 60–80-х гг. прошлого века. Сфера трудовых отношений не была исключением. Анализ экспериментальных нормативных актов того времени позволяет выделить ряд направлений, по которым проводились эксперименты в сфере труда. К их числу относятся:

- 1) совершенствование законодательства об оплате труда и о премировании работников;
- 2) внедрение, распространение и совершенствование бригадных и подрядных форм организации и стимулирования труда;
- 3) апробация возможности расширения совместительства;
- 4) совершенствование законодательства об организации и о нормировании труда.

В 1990-е годы практически не было ни правовых экспериментов, ни научных исследований, посвященных вопросам апробации законодательных нововведений, лишь в последние годы появляются новые комплексные исследования в данном направлении¹.

Правовое регулирование отношений в сфере труда находится в постоянном движении и развитии, а новые нормы трудового законодательства нуждаются в экономическом, социальном, правовом и психологическом обосновании. Эти задачи и решаются при проведении правовых экспериментов в сфере труда, которые приобретают особое значение в свете необходимости законодательного регулирования новых институтов, связанных с цифровизацией трудовых отношений.

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография. 2015; Правовые модели и реальность: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. 2014; Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4.

Важный этап проведения правового эксперимента — подведение его итогов, оценка эффективности и разработка научных рекомендаций. Эксперимент по использованию электронных документов, связанных с работой, проводился по 15 ноября 2021 г. включительно, а уже Федеральным законом от 22 ноября 2021 г. в ТК РФ было введено несколько статей, регламентирующих электронный оборот в сфере трудовых отношений. Иными словами, подведение итогов эксперимента было практически формальностью.

Вместе с тем еще на этапе разработки законопроекта по использованию электронных документов, связанных с работой, эксперты отмечали, что внесение изменений в ТК РФ требует дополнительного обоснования в связи с тем, что отношения, которые предлагается урегулировать законопроектом, не входят в круг отношений, подлежащих регулированию ТК РФ (ст. 1, 15 ТК РФ).

По существу, законодательно был закреплен способ создания, оформления, обмена и хранения документов, создаваемых работником и работодателем в процессе реализации трудовых и иных отношений, тесно связанных с трудовыми. Возникает вопрос: необходимо ли данное регулирование на уровне ТК РФ или такого рода отношения должны быть урегулированы на уровне подзаконных актов. Возможно, для последних требуется инструкция, определяющая информационные системы для ведения электронного документооборота, порядок взаимодействия цифровых систем, работников и работодателей, содержание локального акта, устанавливающего электронный документооборот в организации, а также виды цифровых подписей, которые работодатель и работник могут применять для подписания документов, связанных с трудовыми отношениями.

Тенденция увеличения объема ТК РФ за счет внедрения норм-инструкций еще более очевидна на примере раздела X «Охрана труда», реформирование которого произведено с полной модернизацией в 2020–2022 гг. С одной стороны, такое реформирование показало возможность комплексного усовершенствования трудового законодательства: в стране за короткий период осуществлен переход от системы аттестации рабочих мест к новой организационно-правовой системе, законодательно закрепленной, — специальной оценке условий труда. С другой — усиливается тенденция увеличения норм-инструкций в тексте кодифицированного акта.

Эксперты отмечают, что развитие новых технологий позволяет осуществить модернизацию производства и существенно сократить количество работников, выполняющих трудовую функцию во вредных и (или) опасных условиях труда, заменив их автоматизирован-

ными системами или роботами¹. При этом цифровизация экономики и роботизация порождают новые риски для жизни и здоровья работников, требующих изменения подходов к вопросам регулирования оплаты труда. Здесь законодатель оказывается в ловушке двух противоречий: с одной стороны, охрана труда должна быть нацелена на сохранение здоровья работников, с другой — она не должна создавать препятствий обеспечению интересов экономики (особенно в кризисные времена). Вступивший в силу с 1 марта 2022 г. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 311-ФЗ существенно скорректировал положения раздела X ТК РФ, посвященного охране труда. Важнейшее свойство проведенного реформирования — это смена режимов регулирования, а именно переход на риск-ориентированное законодательство, направленное на предупреждение травматизма и профзаболеваний.

Развитие науки и техники позволяют предусмотреть создание более благоприятных условий для осуществления права на охрану труда. Например, развитие телемедицины упрощает процедуру прохождения работниками медицинских осмотров, включая обязательные, в начале, в течение и в конце рабочего дня. В настоящее время в Государственную Думу Российской Федерации уже внесен законопроект, направленный на совершенствование механизма проведения медицинских осмотров работников железнодорожного транспорта, деятельность которых связана с обеспечением безопасности движения поездов, в том числе с использованием медицинских изделий, обеспечивающих автоматизированную дистанционную передачу информации о состоянии здоровья работников и дистанционный контроль состояния их здоровья².

¹ См.: Серегина Л.В. Перспективы развития законодательства об охране труда в условиях цифровой экономики // Вопросы трудового права. 2020. № 12. С. 53–54)

² Как следует из пояснительной записки, законопроект разработан в целях совершенствования процессов организации проведения предрейсовых, предсменных и послерейсовых, послесменных медицинских осмотров работников железнодорожного транспорта, деятельность которых связана с обеспечением безопасности движения поездов. В настоящее время на железнодорожном транспорте обязательные предрейсовые или предсменные медицинские осмотры проводятся в соответствии с приказом Минтранса России от 12 января 2021 г. № 4 «Об утверждении Порядка проведения обязательных предрейсовых или предсменных медицинских осмотров на железнодорожном транспорте». При этом существует проблема проведения указанных медицинских осмотров работников на отдаленных станциях и на перегонах, где отсутствуют медицинские организации и нет возможности организовать проведение осмотров силами медицинских работников. На решение этой проблемы и направлены положения законопроекта, в котором предлагается предусмотреть для работников железнодорожного тран-

Документирование трудовых отношений, их фиксация тесно связаны в нашей стране с понятием «трудовая книжка». История появления документов, содержащих основные сведения о работнике, начинается задолго до XX в.¹, но в контексте данной темы интересен вопрос о современном понимании термина «трудовая книжка», которое существенно трансформировалось под влиянием цифровых технологий.

В соответствии со ст. 66 ТК РФ трудовая книжка является основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже работника. Работодатель ведет трудовые книжки на каждого работника, проработавшего у него свыше пяти дней, в случае, когда работа у данного работодателя является для работника основной.

То, что принято называть «электронной трудовой книжкой» законодатель обозначил в ТК РФ как «сведения о трудовой деятельности, формируемые в электронном виде» (ст. 66.1 ТК РФ)². Соответствующая статья вступила в силу с 1 января 2020 г., т.е. с указанной даты в России появился электронный формат трудовой книжки, и всем работникам в течение 2020 г. предлагалось принять решение о том, в каком формате будет вестись его трудовая книжка: в бумажном и электронном или только в электронном варианте. Если работник не выразил своих пожеланий, то трудовая книжка продолжает вестись как в бумажном, так и в электронном виде.

В течение 2020 г. (до 31 октября) работники должны были определиться с формой трудовой книжки. Оказалось, что они не спешат расставаться с бумажными трудовыми книжками. С 1 января 2020 г. на лиц, поступающих на работу впервые, бумажные трудовые книжки не оформляются. Несмотря на указанные обстоятельства, с 1 января 2023 г. постановлением Правительства РФ³ введены в действие

спорта прохождение обязательных медицинских осмотров с использованием медицинских изделий, обеспечивающих автоматизированную дистанционную передачу информации о состоянии здоровья работников и дистанционный контроль состояния их здоровья. Открытым акционерным обществом «Российские железные дороги» в 2017–2021 гг. успешно реализован пилотный проект по применению программно-аппаратных комплексов для проведения дистанционного контроля состояния здоровья работников локомотивных бригад.

¹ См.: Скачкова Г.С. Трудовые книжки: история и современность // Вопросы трудового права. 2020. № 12. С. 26–39.

² См.: Федеральный закон от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде».

³ См.: Постановление Правительства РФ от 24 июля 2021 г. № 1250 «Об отдельных вопросах, связанных с трудовыми книжками, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации».

трудовые книжки нового образца¹. При этом имеющиеся у работников трудовые книжки ранее установленного образца действительны и обмену на новые не подлежат, равно как и имеющиеся у работодателей бланки трудовых книжек и бланки вкладышей в них старого образца действительны и могут использоваться без ограничения срока. Трудовая книжка нового образца понадобится тем, кто не переходил на электронные, если бумажный документ закончился, потерялся или по каким-то причинам пришел в негодность².

Цифровизация затронула не только трудовые отношения, но и отношения, непосредственно связанные с трудовыми. С 1 января 2022 г. заболевшим работникам выдаются только электронные листы нетрудоспособности.

Пособие назначается и выплачивается на основании листка нетрудоспособности, сформированного медицинской организацией и размещенного в информационной системе страховщика в форме электронного документа, подписанного с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи медицинским работником и медицинской организацией.

Страховщиком до 1 января 2023 г. являлся Фонд социального страхования РФ (ФСС). С указанной даты функции страховщика выполняет Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (Социальный фонд России).

Электронные больничные формируются в Единой интегрированной информационной системе «Соцстрах». Передавать информацию в эту систему работодатели могут, используя собственное программное обеспечение (через оператора электронного документооборота (ЭДО)), бесплатную программу Социального фонда России (СФР) или личный кабинет страхователя.

В настоящее время применение электронной формы больничного обязательно. Бумажные больничные оформляются только отдельным категориям лица (сведения о которых составляют государственную и иную охраняемую законом тайну и в отношении которых реализуются меры государственной защиты граждан).

¹ В пояснительной записке к проекту приказа «Об утверждении формы, порядка ведения и хранения трудовых книжек», которым Минтруд России готовился обновить форму бумажных трудовых книжек, дана статистика, предоставленная Пенсионным фондом на 29 декабря 2020 г. По данным Пенсионного фонда России, всего застраховано 58122955 работающих, из них на формирование сведений о трудовой деятельности в электронном виде согласились только 5 млн человек, сохранить бумажные трудовые книжки решили почти 35 млн.

² URL: <https://profkadrovik.ru/articles/working-conditions/zachem-mintrud-zamenyaet-trudovye-knizhki-v-2023/>

В числе плюсов использования электронного формата значится то, что он полностью исключает представление работниками поддельных листков нетрудоспособности, так как СФР контролирует любые действия с электронными больничными.

К минусам относится цифровая уязвимость, возможность взлома или потери данных.

§ 3. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Как уже было отмечено в предыдущих параграфах, информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в., действительно преобразуют все общественное устройство, и сфера культуры и образования исключением не является.

В.Н. Лопатин¹ в своем выступлении на научно-практическом семинаре «Современные информационные технологии и информационная безопасность» 23 мая 2023 г. среди основных задач информационной безопасности назвал защиту интересов общества и государства. Поэтому создание безопасной цифровой образовательной среды и защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей являются приоритетными задачами правового регулирования. Недаром еще в 2018 г. одной из национальных целей развития Российской Федерации согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (далее — Указ № 204) было обозначено создание к 2024 г. современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней.

Сейчас генерировать ложь становится проще, чем раньше. Поэтому в эпоху развития технологий ИИ крайне важно развивать критическое мышление, учиться самим и учить обучающихся, критически относиться к информации, которую мы получаем.

¹ Научный руководитель (директор) РНИИИС, председатель национального и межгосударственного технических комитетов по стандартизации «Интеллектуальная собственность» (ТК481 /МТК550), председатель Комиссии АЮР по интеллектуальной собственности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

§ 3. Правовое регулирование использования информационных технологий...

Также, освещая данный вопрос, нельзя не отметить, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» государственная культурная политика признается неотъемлемой частью Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. К угрозам национальной безопасности в области культуры отнесены:

– размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

– ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры).

Широкое внедрение информационных технологий в области культуры и образования позволяет гражданам, проживающим не только в Российской Федерации, но и в других государствах, удаленно участвовать в различных культурных и научных мероприятиях, проводимых в России, получать образование на русском языке и повышать свою квалификацию. Продвижение за рубежом отечественных цифровых образовательных платформ и цифровых информационных ресурсов о культуре существенно повышает эффективность инструментов российской «цифровой дипломатии»¹.

Однако федеральное и региональное законодательное регулирование использования информационных технологий в области культуры и образования в большей степени строится на отдельных документах стратегического характера².

Так, Министерством культуры Российской Федерации во исполнение Указа № 204 разработан паспорт национального проекта «Культура», который включает в себя три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура». Целью данного национального проекта является создание единого информационного пространства в сфере культуры. Для оценки результатов достижения национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов», определенной Указом Президента РФ от 22 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»,

¹ См.: Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом».

² См.: Указ № 204, Закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 г. № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года».

рассчитываются следующие показатели национального проекта «Культура», а именно:

- целевой показатель «Число обращений к цифровым ресурсам», который определяется по данным счетчика «Цифровая культура» и отображается в единой межведомственной информационно-статистической системе;
- рейтинг информационной активности культурной жизни регионов.

Далее мы вернемся к этому вопросу.

В целях координации действий органов исполнительной власти, государственных, коммерческих и некоммерческих организаций для обеспечения доступа граждан к культурному наследию и участию в культурной жизни страны создан перечень цифровых информационных ресурсов о культуре (совокупность данных, представленных в виде сайта в сети «Интернет»).

Здесь необходимо отметить пробел в базовых определениях.

Так, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под сайтом понимается совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в данной сети. Определение понятия «цифровой информационный ресурс» или «информационный ресурс» в базовом Законе не установлено.

Разные нормативные акты дают различные определения данного понятия. Например, в ст. 5 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» под информационными ресурсами Российской Федерации понимаются информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления, находящиеся на территории Российской Федерации в дипломатических представительствах и (или) консульских учреждениях Российской Федерации.

В статье 304 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» под информационными ресурсами таможенных органов понимается упорядоченная совокупность документированной информации (сведений), содержащейся в информационных системах таможенных органов, получаемой таможенными органами в

§ 3. Правовое регулирование использования информационных технологий...

соответствии с международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, федеральными законами.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» под информационным ресурсом понимается индивидуально создаваемый личный кабинет для лица, участвующего в деле, предназначенный для реализации возможности подачи обращений в суд в электронном виде и получения копий судебных актов, извещений, вызовов и иных документов в электронном виде.

В Методике определения количества пользователей информационных ресурсов в сутки¹ информационными ресурсами названы: информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»; информационные системы и (или) программы для электронных вычислительных машин, находящиеся на территории Российской Федерации.

ГОСТ Р 7.0.56-2017² информационный ресурс определяет как объект, являющийся источником информации, представленной в любой знаковой системе на любом носителе.

В методиках расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации под «цифровым ресурсом в сфере культуры» понимается совокупность общедоступных данных, представленных в виде сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», способствующих достижению хотя бы одной из следующих задач:

- предоставление доступа к культурно-просветительскому контенту;
- популяризация культуры и традиций народов Российской Федерации;
- повышение посещаемости организаций культуры;
- популяризация русского языка и языков народов Российской Федерации;

¹ См.: Приказ Роскомнадзора от 16 июля 2021 г. № 130 «Об утверждении Методики определения количества пользователей информационных ресурсов в сутки».

² См.: ГОСТ Р 7.0.56-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Международный стандартный сериальный номер (ISSN). Издательское оформление и использование (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 19 декабря 2017 г. № 2027-ст).

– презентация организаций, осуществляющих деятельность в сфере культуры¹.

Следует согласиться с профессором Д.А. Пашенцевым, что «цифровизация как новый этап в развитии человеческого общества порождает все больше возможностей для появления такого рода пробелов»².

Анализируя вышесказанное, необходимо отметить, что и спустя пять лет с момента постановки проблемы ситуация не изменилась.

Так, выдающийся ученый И.Л. Бачило еще в 2017 году отмечала, что «в информационном законодательстве идеи используются по мере их понимания разработчиками проектов, ориентированных на фрагментарное дополнение и изменение действующего законодательства под влиянием ситуаций. Импульсы к изменению базовых законов не затронули коренного пересмотра закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации»³.

Юридическая наука по сущности и функциям права является не идеологией или фантастикой, а двигателем правового регулирования и обеспечения всемерного соблюдения прав человека на всех этапах существования общества⁴. Соблюдаются ли права при использовании информационных технологий в области культуры?

Рассматривая вопрос о правовом регулировании использования информационных технологий в области культуры, необходимо отметить, что целями создания единого информационного пространства в сфере культуры являются:

- дополнительные возможности для творческого развития и самореализации;
- сохранение духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации;
- доступ к качественному интернет-контенту и участие в культурно-просветительских программах;

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2021 г. № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915».

² Пробелы в праве в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2022.

³ Тезисы выступления И.Л. Бачило 25 января 2017 г. на ученом совете ИГП РАН.

⁴ См.: Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синецына. М.: ИГиСП; НОРМА, 2022. С. 84.

§ 3. Правовое регулирование использования информационных технологий...

– дополнительные возможности для реализации социально значимых проектов в сфере культуры и сохранения объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

К федеральным базовым цифровым информационным ресурсам о культуре относятся:

- 1) единый портал популяризации культурного наследия и традиций народов России «Культура.РФ» (culture.ru);
- 2) портал популяризации истории «История.РФ» (histrf.ru);
- 3) портал Национальной электронной библиотеки (нэб.рф);
- 4) государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (goskatalog.ru);
- 5) платформа цифровых гидов по музеям и выставочным проектам в дополненной реальности «Артефакт» (ar.culture.ru);
- 6) официальные сайты и другие информационные ресурсы организаций культуры, подведомственных Минкультуры России.

Кроме того, одним из направлений использования информационных технологий в сфере культуры является ведение следующих реестров:

- государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры);
- реестр похищенных, пропавших и утраченных культурных ценностей;
- единая федеральная автоматизированная информационная система сведений о показах фильмов в кинозалах.

Отметим, что в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» термин «реестр» употребляется 81 раз, но определение понятия «реестр» отсутствует.

В Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» под реестром следует понимать *государственную информационную систему*, которая включает в себя банк данных, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования реестра, методов и формы его ведения.

Основная задача федеральных базовых цифровых информационных ресурсов о культуре — способствовать доступу к культурным ценностям всех граждан независимо от места их проживания. Внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны по итогам 2022 г.¹ позволило:

¹ URL: <https://culture.gov.ru/documents/gosudarstvennyy-doklad-o-sostoyanii-kultury-v-2022-godu04092023/>

– реализовать мероприятия по созданию виртуальных концертных залов на площадках учреждений культуры (концертных организаций, домов культуры, библиотек, музеев, детских школ искусств и т.д.);

– оснастить цифровыми гидами экспозиции и выставочные проекты национальных и региональных музеев;

– оцифровать книжные памятники Национальной электронной библиотеки и фильмовые материалы Госфильмофонда.

Сведения о взаимодействии аудитории с подключенным информационным ресурсом поступают в специализированную информационную систему Минкультуры России «Цифровая культура», которая позволяет получить наглядные отчеты и отслеживать источники трафика цифровых информационных ресурсов отрасли культуры (посещения, точки входа пользователя, глубину просмотра и др.).

Однако необходимо обратить внимание на то, что цель создания цифровых информационных ресурсов о культуре, а именно реализации конституционных прав граждан Российской Федерации по доступу к культурному наследию и участию в культурной жизни страны путем использования информационных технологий пока не достигнута.

Например, небольшой мини-опрос граждан разной возрастной категории показал, что мало кто знает о создании портала «Культура», о платформе цифровых гидов по музеям и выставочным проектам в дополненной реальности «Артефакт» и других названных базовых цифровых информационных ресурсах о культуре.

Только в некоторых субъектах есть положения о порядке организации обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров (например, в Псковской¹ и Саратовской областях², Чеченской Республике³, Хабаровском крае⁴). Человек, который выхо-

¹ См.: Постановление Администрации Псковской области от 16 июля 2015 г. № 330 «О порядке организации обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров, проживающих на территории Псковской области».

² См.: Постановление Правительства Саратовской области от 20 октября 2015 г. № 532-П «Об утверждении Положения о порядке организации обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров, являющихся получателями страховых пенсий по старости и по инвалидности, проживающих на территории Саратовской области».

³ См.: Постановление Правительства Чеченской Республики от 13 октября 2015 г. № 175 «Об утверждении порядка организации обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров в Чеченской Республике».

⁴ См.: Постановление Правительства Хабаровского края от 6 августа 2020 г. № 335-пр «Об утверждении порядка организации обучения компьютерной грамотности неработающих пенсионеров, проживающих в Хабаровском крае»

§ 3. Правовое регулирование использования информационных технологий...

дит на пенсию, особенно нуждается в обучении цифровой грамотности.

Сегодня людям старшего поколения важно уметь пользоваться электронными сервисами: дистанционно купить продукты, записаться к врачу, посетить виртуальный музей или библиотеку, т.е. людей пожилого возраста нужно учить информационному пространству жизни.

В связи с этим необходимо отметить и учебную программу «Азбука Интернета», которая является системой качественного обучения граждан старшего поколения и людей с ограниченными возможностями основам работы с компьютером и Интернетом. Однако о ней мало кто знает.

Таким образом, необходимо популяризовать имеющиеся цифровые информационные ресурсы о культуре и программы обучения граждан старшего поколения и людей с ограниченными возможностями умению пользоваться этими ресурсами.

Как уже было отмечено, рассматривая данный вопрос, необходимо обратить внимание на целевой показатель «число обращений к цифровым ресурсам», который применяется для мониторинга достижения общественно значимого результата национального проекта «Культура» и федерального проекта «Цифровая культура». Источником данных для расчета показателя являются сведения о взаимодействии аудитории с подключенным информационным ресурсом.

Так, согласно Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года (разработан Минэкономразвития России) ожидается увеличение на 15% числа посещений организаций культуры и в пять раз обращений к цифровым ресурсам в данной сфере. Таким образом, мы видим, что акцент здесь делается на цифровых ресурсах.

Кроме базовых цифровых информационных ресурсов в перечень ресурсов входят дополнительные цифровые информационные ресурсы, которые включаются их владельцами на добровольной основе и в порядке, установленном Минкультуры России.

Также нельзя оставить без внимания такую программу, как «Культурная жизнь регионов», в результате которой еще в 2016 г. для оценки деятельности учреждений культуры был официально запущен рейтинг информационной активности культурной жизни регионов. В 2021 году список показателей и формула рейтинга были полностью обновлены, а в 2022 г. в этот список вошли новые показатели, которые влияют на позицию региона.

Бесплатный набор инструментов для продвижения событий учреждений культуры предоставляет платформа «PRO.Культура.РФ».

Из личного кабинета пользователя платформой можно добавлять события для размещения на партнерских ресурсах, делать e-mail-рассылки и публикации в социальных сетях, создавать интерактивные виджеты для своих сайтов, счетчики для отслеживания их посещаемости, продвигать онлайн-трансляции и многое другое. Об этой платформе, к сожалению, тоже осведомлен лишь небольшой круг пользователей.

Необходимо акцентировать внимание на том, что «цифровая культура» и «цифровизация сферы культуры» — разные понятия.

Цифровизация сферы культуры — это изучение, сохранение, создание на основе цифровых технологий цифровых образов книг, предметов искусства, использование технологий дополненной реальности и т.д.

Цифровая культура — применение не только новых технологий, но и новых возможностей для выражения ряда социальных отношений. То есть сегодня все большее количество объектов культуры находят свое выражение, не имея физического аналога. Цифровая культура, это можно сказать, совокупность компетенций, характеризующих способность использования информационно-коммуникационных технологий для комфортной жизни в цифровой среде, для взаимодействия с обществом и решения цифровых задач в профессиональной деятельности.

Например, рассматривая продажу Эрмитажем картины Леонардо да Винчи «Мадонна Литта», состоявшуюся в 2021 г., необходимо отметить, что картина была продана не как цифровая копия, а как невзаимозаменяемый токен, т.е. здесь речь идет именно о новом объекте цифрового искусства. Данный вопрос вообще не урегулирован российским законодательством и требует отдельного научно-исследования.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что важной, но нерешенной проблемой в настоящее время по-прежнему остается разработка и принятие федерального закона «О культуре». Работа над законопроектом ведется давно, за это время были предложены разные варианты, но закон так и не был принят.

Переходя к использованию информационных технологий в правовом регулировании в области образования, прежде всего нужно отметить, что в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» установлены следующие целевые показатели в сфере образования, характеризующие достижение национальных целей к 2030 г.:

§ 3. Правовое регулирование использования информационных технологий...

в рамках национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов»:

– вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования;

– обеспечение присутствия Российской Федерации в числе 10 ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования;

в рамках национальной цели «Цифровая трансформация»:

– достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления.

Данная сфера общественных отношений регулируется законодательством об образовании и законодательством об информации, информационных технологиях и защите информации.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (п. «е», «и» ст. 71) в ведении Российской Федерации находится установление единых правовых основ системы воспитания и образования, информация, информационные технологии и связь.

В соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики.

Необходимо отметить, что в федеральных законах от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон № 273-ФЗ) и от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон № 149-ФЗ) отсутствует единая и согласованная терминология, необходимая для применения цифровых технологий в образовании.

Так, в национальный проект «Образование» входят девять федеральных проектов, в том числе «Цифровая образовательная среда» (далее — ЦОС), однако в Законе № 273-ФЗ нет определения понятия «цифровая образовательная среда».

Определение ЦОС дается в ГОСТе Р 59871-2021¹, где под цифровой научно-образовательной средой понимается комплекс нор-

¹ ГОСТ Р 59871-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Цифровая научно-образовательная среда. Общие положения (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 24 ноября 2021 г. № 1560-ст).

мативных правовых, организационных, методических и нормативно-технических документов (стандартов, классификаторов, словарей, справочников, рубрикаторов), обеспечивающий на основе единого архитектурного подхода разработку и функционирование в интегрированной системе управления и информационно-коммуникационной сети взаимодействующих компонентов, предназначенных для эффективного управления активами научно-образовательной сферы и входящими в ее состав организациями, базами данных и знаний, информационными и иными ресурсами в целях научно-технологического развития и обеспечения качества и доступности образования на национальном уровне.

А, например, в методических рекомендациях по разработке и внедрению инновационных технологий в реализацию дополнительных профессиональных программ, в том числе по созданию сети симуляционных центров (виртуальных лабораторий)¹, под цифровой образовательной средой понимается подсистема социокультурной среды, совокупность специально организованных педагогических условий развития личности, при которой инфраструктурный, содержательно-методический и коммуникационно-организационный компоненты функционируют на основе цифровых технологий.

Также в некоторых актах используется термин «образовательные платформы». Например, в постановлении Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда» под образовательной платформой понимаются информационные площадки в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых образовательными организациями размещаются онлайн-курсы, освоение которых осуществляется обучающимися путем использования дистанционных образовательных технологий и электронного обучения.

Легального определения понятия «платформа» нет. Анализируя различные точки зрения ученых, можно согласиться, что «цифровые платформы прежде всего представляют «интегрированную многофункциональную информационную систему в сети «Интернет», основанную на сквозных и других цифровых технологиях, обеспечивающих процессы алгоритмизированного прямого взаимодействия, в том числе транзакций между ее участниками, а также реализацию бизнес-процессов с наименьшими транзакционными,

¹ См.: Письмо Минпросвещения России от 1 февраля 2021 г. № 08-166.

временными и иными издержками»¹, т.е. ключевое слово здесь — информационная система.

В соответствии с Законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ — это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

Таким образом, необходимо дать легальное определение понятий «образовательная платформа» и «цифровая образовательная среда» в ст. 2 базового для сферы российского образования закона — Закона № 273-ФЗ.

Кроме того, следует установить критерии предельного применения цифровых технологий в образовании, чтобы не допустить:

— снижения роли учителя до уровня деятельности наставника в интернет-пространстве.

— увеличения количества часов за экраном монитора для учащихся, что может причинить непоправимый вред психическому и физическому здоровью детей;

— увеличения объема использования цифровых технологий выше установленного предела, что может снижать способность усвоения необходимого количества учебного материала и препятствовать его предоставлению на уровне ФГОС.

Применение информационных технологий в образовании не только дает широкие возможности для оптимизации учебного процесса, но и ведет к появлению новых технологий обучения, использующих современные методы, средства и способы работы с информацией, модифицирующие их для более эффективного применения в процессе обучения, поэтому необходимо регламентировать использование нейросетей и в процессе обучения (например, диплом, написанный чат-ботом ChatGPT²).

§ 4. ЦИФРОВЫЕ РИСКИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Включение в нашу жизнь новых технологий, как правило, влечет определенные изменения. Современные цифровые технологии не исключение. При этом их влияние на все сферы жизни настолько велико, что зачастую во многих публикациях речь идет о сломе

¹ Аппазов Д.А., Тымчук Ю.А. Цифровая платформизация в условиях индустрии 4.0: неопределенность понятийного аппарата // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 4. С. 38.

² URL: <https://dtf.ru/life/1604086-napisanny-s-pomoshchyu-chatgpt-diplom-studenta-proverit-rukovodstvo-vuza-sam-chat-bot-predlozhili-zapretit>

старой конструкции, о создании цифровой экономики. В связи с этим остро встает вопрос о потенциально (во многих случаях реально) существующих рисках цифровой трансформации, их воздействии на права человека (далее — цифровые риски).

Необходимо отметить, что цифровые риски возникают в деятельности различных субъектов. Они затрагивают и государства, и коммерческие структуры, и граждан, хотя для каждой группы субъектов цифровые риски могут быть как одинаковыми, так и разными. Продолжающийся процесс цифровизации не позволяет в настоящее время говорить об исчерпывающем перечне цифровых рисков, но некоторые риски и исходящая от них опасность стали в настоящее время угрожающими, как и их влияние на права человека.

Важно отметить, что традиционные права человека в рамках цифровой трансформации претерпевают определенные изменения как в смысле их содержания, так и с позиции их реализации. Некоторые из них, в том числе конституционные, в условиях цифровизации стало сложнее обеспечить. Это касается преимущественно тайн (личной, семейной, частной жизни, связи), а также персональных данных. Кроме того, цифровизация принесла в нашу жизнь новые (или модернизацию старых) права, ранее не существовавшие, к которым следует отнести прежде всего право на забвение. По сути, это право тесно связано с правом на личную тайну.

В части влияния цифровых технологий на права человека большинство специалистов называют в первую очередь проблему нарушения конфиденциальности персональных данных. Согласно действующему законодательству по общему правилу субъект персональных данных должен дать согласие на их обработку (исключения определены Федеральным законом «О персональных данных»). Однако сейчас установленный порядок все чаще нарушается, особенно в сети «Интернет». Персональные данные собираются посредством файлов «куки», IP-адресов, активно используются алгоритмы отслеживания действий пользователей, выявляются их предпочтения и т.д. Особенно наглядно это видно при использовании персональных данных для целенаправленной (таргетированной) рекламы, когда выявляется интерес пользователя к определенному вопросу или товару и на основе этого происходит навязывание соответствующих рекламных сообщений. Но это не разовое действие: исходя из данных о поведении личности в сети «Интернет» проводится анализ посещений его страниц, выбора тех или иных товаров и услуг, выявляются предпочтения и формируется так называемый профиль пользователя, на основе которого последнему предоставляется целенаправленная реклама. Как видим,

в данном случае для таргетированной рекламы не важны наши почтовый адрес, фамилия, имя, отчество (т.е. классические персональные данные), необходимы лишь предпочтения, покупательная способность — это тоже персональные данные, возможно, даже более личные, чем просто фамилия. Разумеется, на формирование профиля пользователя согласие никто не получает.

Однако это не единственная проблема, связанная с формированием профиля пользователя. Сведения о том, что потребитель выбирает, как оплачивает, позволяют судить о его платежеспособности и использовать механизм недобросовестного ценообразования, персонализации цен, когда на один и тот же товар для разных пользователей будут назначаться различающиеся в разы цены. Безусловно, решить эту проблему может только государство. Кроме того, нередко обнаруживается манипулирование результатами запросов, когда вместо объективных данных представляются рекламные, т.е. оплаченные заинтересованными продавцами.

Тесно связана с формированием профиля пользователя и недобросовестным ценообразованием проблема рейтингования пользователей (и не только пользователей), которая уже сейчас активно развивается и не менее чувствительна для прав человека. Красивый термин «рейтинг» в ряде случаев означает некрасивую суть — дискриминацию. Системы искусственного интеллекта в формате «черного ящика» на основе рейтинга принимают принципиальные, жизненно важные для людей решения, такие как получение кредита, подведение итогов какой-либо процедуры, отказ в предоставлении услуги. При этом основания (алгоритмы) принятия таких решений неизвестны. Отсутствие прозрачности формирования и выдачи результатов не позволяет их оспорить. Как отмечается в юридической литературе и исследовательских материалах, ИИ может использоваться для легитимизации любых произвольных решений¹.

Еще одна проблема для граждан, связанная с цифровизацией, — все увеличивающаяся утечка их персональных данных. Это уже давно стало привычным явлением. Регулярны сообщения об имеющих место утечках персональных данных из тех структур, которые обязаны обеспечить их безопасность, прежде всего из банков. Разумеется, такие утечки данных чувствительны для человека, но банки перед своими клиентами за это не отвечают и даже не сообщают

¹ См.: Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (Москва, 2021) // ifap.ru

о произошедшем инциденте¹. В продаже (в сети «Интернет») имеются разнообразные базы данных, в том числе и из государственных структур (касающиеся недвижимости, налогов и др.). Цифровые технологии расширили возможность таких утечек. За один год случаи утечек выросли на 46%, а количество потерянных записей — в шесть раз. При этом проверки о выполнении отозванных соглашений на обработку персональных данных законодательством не предусмотрены².

Президент Группы Компаний InfoWatch Наталья Касперская в своей статье «Незаконное использование личных данных» от 16 июня 2021 г. доказывает опасность цифровых технологий для конституционных прав человека, таких как право на личную и семейную тайну, тайну частной жизни. Речь идет в первую очередь о сборе и анализе больших пользовательских данных, рисках «манипулирования личными данными и их использованием в отличных от заявленных целях». В качестве примера в статье приведены факты по сбору в Москве в соответствии с указанием московских властей информации о больных коронавирусом, которая впоследствии стала доступной коммерческим структурам.

Из этого не следует, что цифровые технологии приносят исключительно вред и их следует ограничить в использовании. Но их применение должно происходить в правовом поле в установленных границах с учетом оценки их воздействия на права человека.

Как полагают некоторые специалисты, основной вред, который может быть нанесен гражданину, — это неправомерное ознакомление с персональными данными и их использование³. Это действительно так, причем вред может быть как материальным, так и моральным. Источники утечек персональных данных весьма разнообразны, они существуют как в коммерческой, так и в государственной сфере, при этом лидерами являются банки (в последнее время к ним присоединились цифровые платформы) и государственные структуры. Опасность для граждан представляют не только утечки персональных данных, но и их хранение дольше установленных законодательством сроков, использование недо-

¹ В ряде стран законодательно установлено требование об извещении своих клиентов в случае взлома системы и утечки данных.

² См.: Обозначены риски создания цифрового профиля каждого россиянина. URL: <https://yandex.ru/turbo/mk.ru/s/economics/2020/09/25/oboznacheny-riski-sozdaniya-cifrovogo-profilya-kazhdogo-rossiyanina.html>

³ См.: Риски системы цифровой идентификации граждан // 2023 / Ir.alfastrah.ru/posts/7

стоверной информации, неправомерное использование, создание цифровых двойников, неверная цифровая идентификация и др.

Ряд рисков и для граждан, и для хозяйствующих субъектов связан с усиливающимся развитием платформенной экономики и тенденцией к монополизму цифровых платформ в отдельных сегментах рынка. В целях минимизации рисков, которые стали очевидны, в законодательство были внесены изменения (Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»¹, дополняющие последний ст. 10.1 «Запрет на осуществление монополистической деятельности хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой»), вступившие в силу с 1 сентября 2023 г.

Такой запрет действует при наличии в совокупности ряда условий, к которым законодатель отнес следующие²:

– сетевой эффект дает возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке, на котором сделки совершаются посредством цифровой платформы, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять им доступ на этот товарный рынок;

– доля сделок, совершаемых между продавцами и покупателями посредством цифровой платформы, превышает в стоимостном выражении 35% общего объема сделок, совершаемых на соответствующем товарном рынке;

– выручка владельца цифровой платформы за последний календарный год превышает 2 млрд руб.

Сетевой эффект, названный одним из условий — это «свойство товарного рынка (товарных рынков), при котором потребительская ценность программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров (речь идет о цифровой платформе), изменяется в зависимости от изменения количества таких продавцов и покупателей³. Иными словами, значимость и эффективность цифровой платформы непосредственно связана с сетевым эффектом, обусловленным количеством ее участников (пользователей), что, в свою очередь, дает возможность существенным образом влиять на рынок и созда-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Определение сетевого эффекта дано в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

вать условия для его монополизации. Изменения антимонопольного законодательства были внесены не так давно и пока еще нет возможности оценить их эффективность.

Серьезные нарушения цифровые платформы допускают и в отношении соблюдения законодательства о персональных данных, собираемых в процессе их деятельности при отсутствии прозрачности механизмов сбора и использования этих данных. В связи с этим высказывались предложения об установлении обязанности платформ по раскрытию информации об алгоритмах и механизмах сбора и использования персональных данных пользователей. Законодатель отреагировал на эту непростую ситуацию, и был принят Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 408-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, которым была введена ст. 10.2². «Особенности предоставления информации с применением рекомендательных технологий». Данной статьей владелец сайта, страницы сайта в сети «Интернет», информационной системы или программы для ЭВМ, на которых применяются информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации², обязан не допускать применения указанных информационных технологий, если это нарушает права и законные интересы граждан и организаций, а также использования рекомендательных технологий в целях предоставления информации с нарушением законодательства Российской Федерации. Нельзя также предоставлять информацию с применением рекомендательных технологий без информирования пользователей сети «Интернет» о использовании на данном сайте, и (или) странице сайта в сети «Интернет», и (или) в информационной системе, и (или) в программе для электронных вычислительных машин рекомендательных технологий.

Прозрачность (а зачастую и объективность) отсутствует и при формировании и выдаче поисковых результатов: сравнения цен на товары и услуги, обзоров и рейтингов³. Это затрагивает интересы как хозяйствующих субъектов (недобросовестное вытеснение от-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Указанные субъекты обобщенно именуется «владелец информационного ресурса, на котором применяются рекомендательные технологии».

³ См.: Башкирова О.В. Классификация рисков системы цифровой идентификации граждан (на основе иностранного опыта) // Проблемы анализа риска. 2023. Т. 20. № 1. С. 64–77.

дельных субъектов с рынка), так и потребителей, которые не получают объективную информацию и возможность оптимального выбора товаров и услуг. Такая ситуация отрицательно сказывается и на экономике в целом. Отмечается, что «распространение цифрового взаимодействия формирует большое количество данных, и доступ к ним может стать стимулом к расширению зоны влияния платформы»¹.

Сходной позиции придерживаются и регуляторы. Так, в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов, разработанных Банком России², отмечается, что «цифровая трансформация создает новые вызовы в части защиты прав потребителей, обеспечения защиты информации и операционной надежности (киберустойчивости) ...».

Рассматриваемые вопросы находятся в поле зрения и Минэкономразвития, которое также выявило риски деятельности цифровых экосистем и платформ применительно к человеку и бизнесу. Для гражданина — это:

- злоупотребление отношениями с клиентами;
- навязывание товаров и услуг;
- недостаток (по сути, отсутствие) ответственности платформ за конечные продукты и услуги;
- ущемление прав потребителей;

Для бизнеса — это недобросовестная конкуренция.

В целом для экономики и государства — это киберриски, технологические риски и риски безопасности данных клиентов³.

Представляется, что саморегулирование в таких случаях малоэффективно и задача государства — анализ и минимизация рисков, создание правовыми средствами оптимальных условий и для конкуренции, и для исключения монополизации отдельных сегментов рынка, и для защиты прав потребителей⁴.

Активность цифровых платформ, оказывающая влияние на права человека, проявляется и в политической сфере. Так, в публикациях отмечается, что крупные цифровые платформы занимаются

¹ Ибрагимов Р., Кислый В. Развитие государственных ИТ-сервисов. Как это влияет на конкуренцию на цифровых рынках. URL: <https://cljournal.ru/vybor/238/>.

² СПС «КонсультантПлюс».

³ URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem/riski_cifrovyh_ekosistem_i_platform/?ysclid=lnch0nlv0141152034

⁴ Некоторые страны устанавливают также ограничения на проникновение на внутренний рынок иностранных цифровых платформ (США, Китай).

манипуляциями в политической деятельности, предлагая пользователю определенный материал (информацию), блокируя несогласных пользователей и контент, содержащий иные позиции¹. Фактически это цензура, только исходящая не от государства, а от частных структур, однако суть таких действий не меняется в зависимости от того, кто их совершает.

Деятельностью, которую можно охарактеризовать как цензуру, занимаются не только цифровые платформы, но и владельцы сайтов (страницы сайтов) в сети «Интернет», информационных ресурсов, сетей и др. Такие ограничения не установлены законом, но от этого они не менее действенные. Так, поисковые системы, исходя из истории запросов, определяют, что интересно и нужно пользователю, и тут же предлагают ему это. С одной стороны, это удобно, но, с другой стороны, такая ситуация косвенно, но ограничивает его доступ к информации.

Как видим, принципиально новым направлением ограничения доступа к информации стало изменение круга лиц, принимающих решение о таком ограничении. Это не только государство, а в значительной (все более увеличивающейся) степени владельцы крупных социальных сетей, сайтов, самостоятельно определяющие свою политику, в том числе по доступу к информации. Наиболее яркий пример такого ограничения, ставший известным всему миру, — это блокирование возможности высказать свое мнение в социальных сетях действующему на тот момент Президенту США Д. Трампу.

Подчеркнем, что сказанное не означает необходимости запретить использование тех или иных технологий, но они должны реализовываться в правовом поле с определением условий и границ их применения. Представляет интерес доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека², в котором констатируется, что сейчас «в России новые цифровые технологии внедряют безоглядно, без должных обоснований, в спешке, часто принудительно, методом «ковровой бомбежки». Основным недостатком проведения цифровизации считается отсутствие учета права (прежде всего ключевых консти-

¹ См.: Касперская Н. URL: <https://www.infowatch.ru/resursy/blog/blog-natali-kasperskoy/o-riskakh-ugrozakh-i-otsutstvii-sistemnosti-v-tsifrovizatsii>.

² См.: Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (Москва, 2021). URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>

туционных прав граждан), прогнозирования возможных социальных рисков и последствий цифровизации для прав людей.

Практически одновременно с докладом было дано Поручение Президента Российской Федерации В.В. Путина Совету при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека и Правительству Российской Федерации разработать до 1 августа 2021 г. проект концепции защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации¹, однако публичного обсуждения и юридического одобрения данный проект так и не получил. Между тем требуются выявление и анализ новых рисков для прав человека, сопутствующих цифровизации, и разработка мер, направленных на их минимизацию. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина — обязательное условие внедрения и использования цифровых технологий.

Определенные риски для всех субъектов, в том числе граждан, несет перевод архивов и архивного дела в цифровую форму, что требует пересмотра условий функционирования и организации архивного дела, прежде всего в случае долговременного архивного хранения. При этом речь должна идти не только о форматах электронных носителей информации, которые быстро меняются, но и о конвертации электронных документов при изменении технических средств их обработки и воспроизведения. Если документы на материальных носителях мы можем прочитать независимо от времени их создания: через 10, 100 и даже 1000 лет, то жизнь электронных носителей информации краткосрочна. Широко известна ситуация, когда длительная оцифровка культурного достояния завершилась тем, что технические средства, позволяющие воспроизвести информацию в определенном формате, перестали работать. И сейчас мы уже не можем увидеть то, что записано на кассетах, и даже прочтение информации на дискетах вызывает затруднение.

Большие возможности для упрощения реализации прав граждан открывает перевод в цифровую форму оказания государственных и муниципальных услуг. Однако полный отказ от бумажного формата создает угрозы для прав человека, прежде всего для определенных категорий граждан (в силу возраста, отсутствия доступа к сети «Интернет» и др.). Следует учитывать и реальную опасность сбоя системы, отсутствия доступа и т. п. Например, Социальный фонд России неоднократно размещал в сети такую информацию: «В связи с высокой нагрузкой на информационные системы Социального фонда и Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) воз-

¹ URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64952>

можно задержки с обработкой запросов. Для Вашего удобства работы с электронными услугами и сервисами СФР вход на портал ограничен». На наш взгляд, весьма сомнительно характеризовать ограничение доступа на портал как «удобство работы с электронными услугами».

Еще более серьезная проблема — это бесперебойная работа конкретных государственных структур. В связи с этим показателен следующий пример. В апреле 2023 г. Россия более чем на сутки лишилась возможности осуществлять таможенное оформление грузов, а бизнес понес убытки из-за сбоя единой информационной таможенной системы. При этом таможенные посты перестали работать по всей стране, а какой-либо альтернативы электронному оформлению не было. В официальном Telegram-канале ФТС уточнялось, что сбой таможенной системы произошел из-за «внешнего воздействия на ее ИТ-ресурсы»¹. Это означает, что такая ситуация может повториться. Возможна она и в других сферах госуслуг.

Современные цифровые технологии оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на права человека, создают новые возможности и в то же время усложняют реализацию имеющихся прав. Наглядный пример — право на доступ к информации. Как никогда прежде, реализация этого права многократно упростилась. Вместе с тем на человека ежеминутно обрушивается поток информации, среди которой сложно найти нужную, а, главное, достоверную. Зачастую затруднительно отличить правдивую информацию от фейков, распространение которых приобрело невиданный размах.

Цифровизация оказывает влияние на существующие права и свободы человека в разных направлениях, с одной стороны, упрощая (или усложняя) их реализацию, а с другой — привносит дополнительные акценты в само содержание этих прав. Так, Н. Касперская отмечает, что в цифровом пространстве эти «основные права и свободы имеют соответствующие цифровые «преломления»: право на защиту цифровой идентичности, право на доступ или отказ от доступа к цифровым технологиям, право на защиту ментальной неприкосновенности личности и защиту от манипуляции, право на защиту биометрических и других персональных данных, право на забвение... и так далее»². Отмечается также, что «...права и свободы, суверенитет личности, включая их цифровые аспекты, сейчас нахо-

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/>

² См.: Касперская Н. URL: <https://www.infowatch.ru/resursy/blog/blog-natali-kasperskoy/o-riskakh-ugrozakh-i-otsutstvii-sistemnosti-v-tsifrovizatsii>.

дятся в зоне прямых рисков, связанных с неконтролируемым и сверхбыстрым развитием цифровой среды»¹.

Нет сомнений, что закрепленные Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина подлежат защите в цифровом пространстве в той же степени, что и в традиционной сфере. Вместе с тем законодательство существенно отстает от изменяющихся реалий и не обеспечивает адекватную защиту прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации.

¹ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Виртуальное пространство, первоначально воспринимаемое как нечто недостижимое для права, — альтернатива реальному и социальному пространствам, по мере своего развития все более интенсивно осваивается правом. Проведенные авторами научные исследования различных аспектов конвергенции правового и виртуального пространства позволили им не только сформулировать общие закономерности взаимодействия права и виртуального пространства, но и определить специфическое влияние виртуализации общественной жизни на правовое регулирование, правовую природу различных объектов и технологий, правовой статус субъектов права, содержание отраслевых правоотношений.

Процесс освоения правом виртуального пространства нельзя считать завершенным. Еще предстоит выработать оптимальные регуляторные модели для возникающих по мере развития технологий и видоизменения социальных практик в виртуальном пространстве общественных отношений, в том числе в таких областях, как применение технологий искусственного интеллекта, функционирование цифровых платформ, обработка данных, информационная безопасность личности, общества и государства, ответственность за противоправную деятельность в виртуальном пространстве, обеспечение суверенитета в виртуальном пространстве.

Первостепенное значение имеет решение следующих задач: обеспечение определенности юрисдикции как условия верховенства права, соблюдение законности, недопустимости, предупреждения и пресечения любых форм правонарушений в экономической сфере киберпространства. Это проблема, с которой можно справиться посредством как международного публичного и частного права, так и национального законодательства. Юрисдикция и формы правового обеспечения законности не исчезают, а получают новые способы выражения в киберпространстве, и именно это должно являться сигналом и направлением развития правового регулирования.

В виртуальном пространстве в широком его понимании действуют правовые регуляторы различной отраслевой принадлежности. Виртуальное пространство подвергается постоянному динамичному и нередко нескоординированному воздействию регуляторов, применяемых как публичными, так и частными субъектами, при-

чем последние могут существенно изменять его для одного или нескольких субъектов, в том числе лишая права доступа в соответствии с нормативными предписаниями публичных субъектов вне территории доступа. Сотрудничество государств, консолидация усилий могут позволить выработать унифицированные регуляторы и механизмы принуждения, создать действенные гарантии соблюдения прав и законных интересов людей. Есть позитивные примеры развития таких механизмов и на национальном уровне, преимущественно посредством использования императивных регуляторов. Большим потенциалом обладают предложения о солидарной ответственности субъектов в виртуальном пространстве (в отношении субъектов, тем или иным образом намеренно способствующих противоправной деятельности), о формировании механизмов обращения взыскания на цифровое имущество.

Недостаточной определенностью продолжают характеризоваться и статусы отдельных субъектов в виртуальном пространстве. Так, правосубъектность как правовая категория, включающая в себя права и обязанности в их неделимом значении для стабильности обеспечения правового статуса человека и гражданина, позволяет, будучи определенным правовым состоянием человека в реальном мире, защитить человека и гражданина от трансформации прав и свобод при их «калькировании» в виртуальном пространстве, от снижения гарантий защиты таких гражданских (личных) прав, как право на жизнь, свободу и неприкосновенность, на честь и достоинство, на гражданство, свободу совести и вероисповедания и др. Уточнение содержания данных прав в виртуальном мире назрело, поскольку очевидны риски при отсутствии определенности в понимании границ правосубъектности гражданина в виртуальной цифровой среде: социальная изоляция, диспропорция в защите прав и свобод в случае их нарушения в разных реальностях, расширение границ ино- и наднационального толкования содержательных сторон прав и свобод человека.

Неоднозначным и не лишенным противоречий остается статус бизнес-структур и органов публичной власти в виртуальном пространстве. Предстоит определить, а может быть, и переосмыслить пределы перевода государственных функций в виртуальное пространство. Вопрос остается крайне дискуссионным как ввиду его особой чувствительности для широкого круга субъектов, так и в связи с отсутствием комплексных социально-экономико-правовых исследований по данной проблематике.

Требует дальнейшего осмысления та «рыночная власть», которая в силу «квазимонопольного» или «олигопольного» положения

Заключение

на рынках предоставлена операторам цифровых платформ, владельцам социальных сетей. Де-факто речь идет о приватизации традиционно публичных функций: определение правил игры, применение мер принуждения, ограничение доступа к информации, разрешение споров. Потребность в государственно-правовом воздействии в этой сфере общепризнана, но конкретные его контуры еще предстоит определить.

Важно продолжать и оценку фактического воздействия виртуализации общественных отношений на различные сферы жизнедеятельности общества. В фокусе внимания здесь, безусловно, должны находиться: трудовая, налоговая, бюджетная, социальная, культурная, образовательная, медицинская, военная, транспортная сферы. Высокая динамика трансформационных процессов, изменения содержания, а в некоторых случаях и сущности возникающих под воздействием виртуализации правоотношений, методов и набора средств, используемых для их упорядочения, требует постоянного научного осмысления в целях оперативного выявления отклонений в развитии отечественной правовой системы, определения наиболее перспективных подходов к регулированию.

Основные выводы

1. Развитие цифровизации и освоение виртуального пространства ни в коей мере не умаляют роли права. Оно сохраняет свою гибкость и регулятивную эффективность.
2. Не следует думать, что цифровизация и виртуальное пространство побуждают создавать отдельную отрасль права. В этом нет необходимости. Эти явления укладываются в русло традиционно регулируемых процессов.
3. В учебных учреждениях юридического профиля и смежных наук важно уделить особое внимание комплексному регулированию виртуального пространства, не допуская какой-либо абсолютизации данного явления.
4. Целесообразно подготовить серию научно-популярных пособий о способах освоения виртуального пространства в разных сферах жизни.